

ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК **Брянского** **государственного** **университета**

№ 2 (48)

2021

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: **07.00.02** - Отечественная история, **07.00.03** - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, **07.00.09** - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, **07.00.15** - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№ 2 (48)
2021

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

2 (48) 2021

Научный рецензируемый журнал

ИЮНЬ

ВЕСТНИК

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2
(48) 2021: исторические науки и археология. Брянск: РИСО
БГУ, 2021. 164 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории кандидат, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Бессуднов Д. А. РЕЧЬ АЛЬБРЕХТА БРАНДЕНБУРГСКОГО НА КОРОНАЦИИ СИГИЗМУНДА II АВГУСТА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ В XVI В	7
Васильев Д. Г. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1917 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)	17
Гафаров А.З. БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА НА СТЕРЛИТА- МАКСКОМ ФРОНТЕ 2-Й ПОЛОВИНЫ 1918 ПО НАЧАЛО 1919 ГГ.	23
Григорьев А.М. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА БАШЕН ХОРЫ ХЕРСОНЕСА: ФОРТИФИКАЦИЯ ИЛИ АНТИСЕЙСМИКА	34
Ерофеева Г.И. ВЛАДЕНИЯ ГРАФОВ ОРЛОВЫХ-ДАВЫДОВЫХ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО НЕОПУБЛИКО- ВАННЫМ ИСТОЧНИКАМ).....	47
Комаров Д.Е. ОСВОБОЖДЕНИЕ СМОЛЕНЩИНЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	67
Кошельков В.А. ПРОСТРАНСТВО СЛУХОВ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.....	77
Латыпов Б.Н. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АВСТРАЛИЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ	83
Марченков Р.Р. АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ КОАЛИЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФОР- МИРОВАНИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА	91
Минлебаев И.У. СПЕЦИАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ) ..	99

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивоинна Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Путилина М.И.

ЭТАПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ КЛИМАТА 108

Русланов Е.В., Романов А.А.

МНОГОСЛОЙНОЕ СЕЛИЩЕ ТАГАНАЕВО 5 В ПРЕДУРАЛЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 117

Шаравин А.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ В. АКСЕНОВА И С. ДОВЛАТОВА 130

Шукушева Е.В.

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 139

Яненко Е.М., Золотов В.И.

ХРИСТИАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЛЕГЕНДАХ О КОРОЛЕ АРТУРЕ И РЫЦАРЯХ КРУГЛОГО СТОЛА 150

РЕЦЕНЗИИ

Артамошин С. В.

ЛАННИК Л.В. ПОСЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ 1918 Г. 157

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational
Institutional of Higher Educational
«Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 2(48) 2021: historical sciences and archaeology. Bryansk: RISO
BSU, 2021. 164 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State
University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the
Department of History, Faculty of Social and Human Sciences,
University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish
Archeology, Institute for the History of Material Culture of the
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G.
Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and International Relations,
Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Director of the International Center for
Anthropology, Faculty of Humanities, National Research
University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Deputy Director for Science of the Institute of
Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol
State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Documentation and Information Support
of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Ryazan State
University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician
I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Kursk State
University, Director of the Research Institute of Archeology of
South-East Russia, Kursk (Russia);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Bessudnov D.A.

ALBRECHT VON BRANDENBURG'S SPEECH
AT THE CORONATION OF SIGISMUND II
AUGUST AND INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE BALTIC IN THE XVI CENTURY 7

Vasiliev D.G.

FOOD CRISIS AS A FACTOR OF SOCIAL
PROTEST IN SUMMER - AUTUMN 1917
(BASED ON MATERIALS FROM THE
KOSTROMA PROVINCE) 17

Gafarov A.Z.

BASHKIR TROOPS ON THE STERLITAMAK
FRONT 2ND HALF 1918 TO BEGINNING 1919. 23

Grigorev A.M.

ADDITIONAL BELTS OF CHORA TOWER OF
CHERSONESSOS: FORTIFICATION OR
ANTISEISMIC?..... 34

Erofeeva G.I.

POSSESSIONS OF THE COUNTS OF ORLOV-
DAVYDOV IN THE ORYOL PROVINCE
(UNPUBLISHED SOURCES)..... 47

Komarov D.E.

LIBERATION OF SMOLENSK REGION AS AN
INTEGRAL PART OF THE INDIGENOUS
TURNING POINT DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR 67

Koshelkov V.A.

THE SPACE OF RUMORS IN THE PSKOV
PROVINCE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX
CENTURY 77

Latypov B.N.

HISTORY OF THE FORMATION AUSTRALIAN
ENCYCLOPAEDIA 83

Marchenkov R.R.

THE ANGLO-AMERICAN COALITIONAL
INTERACTION IN THE SECOND WORLD WAR
AS ONE OF THE FOUNDATIONS OF THE
NORTH ATLANTIC UNION FORMATION 91

Minlebaev I.U.

SPECIAL INTERMEDIATION OF BASHKIR
LANDS IN THE SECOND HALF OF THE XIX
CENTURY (BASED ON THE MATERIALS
OF THE UFA PROVINCE)..... 99

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Litsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

Putilina M.I.

STAGES OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF CLIMATE PRESERVATION.....108

Ruslanov E.V., Romanov A.A.

MULTILAYERED SETTLEMENT TAGANAEVO 5 IN CISURALS (PRELIMINARY RESULTS OF THE INTERDISCIPLINARY RESEARCH).....117

Sharavin A.V.

POLITICAL REALITIES OF THE COMMON REALITY AND THEIR REFLECTION IN THE PROSE OF V. AKSENOV AND S. DOVLATOV ... 130

Shukusheva Ye.V.

EXPERIENCE OF COOPERATION OF THE EUROPEAN UNION AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE SPHERE OF EDUCATION .. 139

Yanenko E.M, Zolotov V. I.

IMPACT OF CHRISTIANITY ON DEVELOPMENT OF KING ARTHUR LEGENDS IN THE KNIGHT LITERATURE OF MIDDLE AGES 150

REVIEWS

Artamoshin S. V.

LANNIK L.V. AFTER THE RUSSIAN EMPIRE. GERMAN OCCUPATION 1918..... 157

УДК 09.94.0

Бессуднов Д.А., кандидат исторических наук, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия)

РЕЧЬ АЛЬБРЕХТА БРАНДЕНБУРГСКОГО НА КОРОНАЦИИ СИГИЗМУНДА II АВГУСТА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРИБАЛТИКЕ В XVI В.¹

Разгоревшаяся в XVI в. борьба за контроль над торговыми путями в Балтийском море оставила противоречивый след в истории государств Прибалтики. С одной стороны, она запустила процессы формирования новых государственных моделей, характерных для Нового времени, а с другой привела к внутреннему кризису и упадку ряда государств, одним из которых стала так называемая Старая Ливония. В статье представлен ранее не издававшийся документ, отражающий важный этап в актуализации системы связей между фигурой польско-литовского монарха и рижскими архиепископами. Этот политико-правовой концепт был использован Сигизмундом II Августом для расширения политического влияния и обоснования легитимности своих действий в Ливонии накануне и на начальном этапе Ливонской войны. Прерогатива покровительства Ягеллонов восходила к средневековой традиции и имела под собой сеньориально-патерналистскую основу, впоследствии сыграв роль правовой базы для окончательного оформления отношений подданства. Данный документ может быть использован для реконструкции черт политического сознания, характерных для правового поля в XVI в., а также расширения представлений о динамике развития государственно-правовых систем в раннее Новое время.

Ключевые слова: Польша, Ливония, Сигизмунд I, Альбрехт Бранденбургский

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-07-16

В современной исторической науке одним из самых актуальных направлений для изучения представляется исследование многообразия политических форм, ярко проявивших себя с наступлением XVI в. и приходом в Европу идей Реформации. Большинство из них еще мало изучены, и в данной статье речь пойдет о таком явлении как протекторство, формы политического покровительства, основанного на делегировании части прав сюзерена стороннему государю-арбитру. И поскольку природа этой правовой формы пока что изучена слабо, крайне важно введение новых, ранее неизданных источников в научный оборот. Весьма полное описание сущности и области применения права протекторства мы можем увидеть в тексте обращения прусского герцога Альбрехта к польскому королю Сигизмунду I, ранее не издававшемся. Данный документ является частью фонда Герцогских посланий (Herzogbriefarchiv; НВА) Тайного государственного архива прусского культурного наследия

(Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz) в Берлине. После секуляризации в 1525 г. Тевтонского ордена и создания герцогства Пруссия, был образован архив, включивший в себя обширную, в том числе конфиденциальную, переписку прусского герцога Альбрехта Бранденбургского, копии официальных постановлений, инструкции и отчеты дипломатов, а также их корреспонденция на верхне-, нижненемецком и латыни. Известно, что в XIX в. материалы НВА подверглись сортировке и хранились в ящиках по отделам в соответствии с принципом актуальности. Как часть архива герцогской канцелярии (Herzogliche Kanzlei) фонд герцогских писем до 1930 г. находился в замке Кенигсберга. Затем, в связи с постройкой архивного здания в Далеме (Берлин), материалы фонда были перевезены в новое хранилище. В 1944 г. по соображениям безопасности, большая часть архивов были перемещены в соляные копи Граслебена, а уже после завершения

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-18-00183

Второй мировой вновь вернулись в архивное здание в Далеме, где находятся и по сей день. Публикуемый здесь документ (НВА. D. № 75) представляет собой копию с несохранившегося оригинала. Текст помещен на пяти бумажных листах формата 8°, заполненных с двух сторон. Язык средненижненемецкий, текст хорошо сохранился и легко читаем, печати отсутствуют, листы сложены пополам для удобства хранения. Качество бумаги, особенности лексики, стилистики, как и содержание документа, указывают на первую половину XVI в. Методика исследования базируется на историко-критическом и компаративном методе, направленном на поиск соответствия между историческими документами, а также современной методике изучения политических культур.

GSTA PK, XX, NVA D № 75

Титульный лист папки с архивными пометками: *О чем герцог Альбрехт вел речь перед польским королем [Сигизмундом I Старым] на коронации молодого короля [Сигизмунда II Августа] в Кракове по поводу Рижского архиепископства и маркграфа Вильгельма. Дата - 1530, март [вероятнее февраль, поскольку коронация состоялась 20.2.1530].*

Перевод:

«[fol. 1v.] Мой наипочтеннейший господин, герцог Прусский etc. вел переговоры с [его] королевским ве[личество]м [королем] Польским etc. на коронации молодого короля в Кракове по поводу архиепископа Рижского и брата его милости, маркграфа Вильгельма как коадьютора этой епархии и сообщил:

Его к[оролевское] в[еличество] вчера узнал от меня, каким обременением покойный епископ Иоганн [Бланкенфельд] был затронут по причине злого отношения со стороны тогдашнего ланд-

маршала в Ливонии, и хотя он затем милостью Божьей был в достаточной мере избавлен от всех напастей собранием всей страны [ландтагом], однако был принужден к обременительному договору, в котором содержатся несколько затруднительных пунктов. Ваше к. в. может видеть приложенное здесь письмо с отметкой А, согласно которому, жизнь и имущество [архи]епископа подвергались жестоким нападениям со стороны магистра и ордена, а также при всякой возможности они с орденом атаковали литовские границы. Но поскольку ваше к. в. и Великое княжество Литовское назначены основателями (fundatores) и протекторами (protectors) для этой самой епархии

[fol. 1r.] папами и императорами [Священной Римской империи], архиепископу никоим образом не следовало бы позволить своему капитулу и рыцарству одобрять такие действия.

Хотя магистр и орден подобное понимали, навязывают моему другу, архиепископу [Томасу Шонингу], такого же рода образ действия, так что он должен был со своими приближенными отправиться в один из своих укрепленных замков.

И хотя орден прошлыми архиепископами был пожалован и одарен принадлежащими епископству поместьями, которые они приняли от архиепископа в ленное держание, магистр и орден, однако, осмеливаются на полную неблагодарность, используя пункт в договоре, который гласит, что архиепископ должен выполнять в отношении магистров обязательство участвовать в его совете, чтобы принудить архи[епископа] вместе с другими епископами принести вассальную присягу (lehenns pflicht), хотя они имперские князья и принимали лены от имп[ераторского] ве[личест]ва.

Затем, хотя город Рига был всегда в подданстве у одного архиепископа и

[только ему] обязан присягой, архиепископ

[fol. 2v.] и капитул постоянно также имели свои ренты, чинши и повинности в городе и его округе, и потому магистр и орден осмеливаются считать этот город обязанным клятвой себе и [от себя зависимым], бюргеры также брали у архи[епископа] и членов соборного капитула все свои ренты и чинши и из города приглашали на собрания, и потому защищает ли и владеет ли магистр и орден городом Ригой, ему не позволительно себя утруждать тем, чтобы архиепископа, который является князем Римской империи иметь со всем своим, поскольку это все приведет со временем к большому урону для папского святишества, Римского императорского величества и всего христианства, и чтобы привести к тому, чтобы этот орден всем завладел, должен представиться такой или похожий случай.

Но поскольку этому архиепископству папами и императорами на прошлых соборах (Concilien), а также заново сейчас, было пожаловано, чтобы в. к. в. и Великое княжество Литовское были консерваторами (Conservator), защитниками (schutzherren) и охранителями (schiermherren) этой самой епархии, указанного архиепископа и епископство попросили через меня, как того, кто наблюдал за утверждением и высвобождением этих привилегий, указать на них в. к. в.,

[fol. 2r.] просить и пожелать, чтобы в. к. в. соизволил не оставить его высокочтимость без милостивой защиты и охранения, и помочь сохранить его церковь в ее правах.

И чтобы в. к. в. мог узреть долю благодарности и желания услужить у моего друга, [архиепископа] Рижского, его любезность, [архиепископ], по совету всего капитула избрал моего любимого [брата], маркграфа Вильгельма etc., своим коадь-

ютором (Coadiutor) и преемником в епархии, надеясь и утешая себя тем, что благодаря вашего к. в. защите, охранению, помощи и совету и прилежному разбирательству моего брата указанной его любезности, [архиепископу], возможно будет удерживать за собой епархию и ее светское и духовное состояние при ее привилегиях, обычаях, правах, правосудии и свободах.

И хотя утверждение (Confirmaton) моего друга, архиепископа, по закону должно было уже пройти, оно отложено по причине нездорового воздуха в Италии, а также из-за несостоятельности епископства, которое, как выше сообщалось, из-за притеснения со стороны магистра и ордена, а также из-за непослушания и отлучения города Риги, приходит к таким губительным убыткам, и из-за подобной невозможности оно

[fol. 3v.] должно было пребывать в покое.

Такая невозможность еще не отменена, но по вышеназванной причинам ежедневно возрастает, и потому архиепископ Рижский просит, чтобы в. к. в. посредством ваших предписаний и запросов, а также путем помещения ваших прокураторов при папском и императорском [дворах], принялись уговаривать и действовать, поскольку их (конфирмацию и утверждение коадьютора) хотелось бы перенести ближе, чем определено в ваших сроках, одной строкой расходов, как желательно его любезности, [архиепископу], и соизволили утвердить моего брата коадьютором.

И на основании условий тяжкого договора с епископом Иоанном [Бланкенфельдом] ливонский магистр в споре по поводу границы настраивал архиепископа себе на помощь и поддержку против в. к. в., а также требовал от архиепископа в связи с консервацией (Conservation), протекцией (protection) и

всеми родственниками, чтобы е[го] л[юбезность] не собирався присоединиться к вашему к. в. и к Короне Польской, а также чтобы никоим образом не подбивал к тому рыцарство и сословия епархии.

И поскольку магистр очень на этом настаивает, его любезность просит, чтобы такая напасть для е. л. была встречена участием и помощью е. к. в.

Из-за этих и подобных причин крайне необходимо, чтобы желанный и избранный

[fol. 3r.] коадьютор поскорее прибыл в епархию, которой он окажет помощь и сможет уберечь от несправедливых предприятий, официальная просьба моего друга, чтобы ваше к. в. соблаговолили направить официальное посольство к его любезности и другим ливонским прелатам, а также к магистру с коадьютором, чтобы объявить его любезности и другим прелатам, как ваше к. в. знает на опыте, что они должны воздерживаться оказывать помощь против его к. в., во что, однако, вашему к. в. трудно поверить, поскольку они знают, что в. к. в. старыми соборами, прежними папами и императорами, а также недавно нынешним [его] им[ператорски]м ве[личество]м назначен консерватором и протектором, а потому если они ныне захотят противиться такой консервации и протекторству, в. к. в. не будет действовать во вред себе и своей стране, против его к. в. и [его] страны.

Затем надо сообщить магистру, что в. к. ве[личеств]о, о чем частично говорится выше, желает, чтобы магистр не привлекал прелатов к такой помощи, иначе пусть знают, что в таком случае в. к. ве[личеств]о не сможет содержать архиепископство под своей защитой как это надлежит.

[fol. 4v.] Поскольку вашему к. в. прояснили, к какому изменническому договору покойный архиепископ Иоганн Бланкенфельд был принужден при пособничестве всего капитула вопреки всякому

праву, но он князь Священной Римской империи и [его] епархия подчинены непосредственно папскому свя[тейшест]ву, пусть ваше ве[личеств]о пожелает, чтобы магистр и орден оставили архиепископа и всех принадлежащих его епархии по этому договору без оказания давления и принуждения к повинностям.

Но поскольку магистр задумывает пробить некоторую брешь в праве, в. к. в. как консерватор архиепископа и всех принадлежащих (verwandte) его епархии унаследуется по праву в глазах папского св[ятейшеств]а и императорского ве[личеств]а.

Пусть также Ваше к. в. не соизволит магистру и ордену скрыть, что мой брат, маркграф Вильгельм, единогласным решением капитула избран коадьютором, чему, однако, магистр и орден всему всячески противятся вопреки доброму соседству с в. к. в. А также они желают, чтобы магистр и орден племянника вашего к. в. со стороны сестры соизволили иметь в дружеском расположении, с помощью для его любезности и многими другими проявлениями, чтобы

[fol. 4r.] архиепископ и е. л. в отношении всего и каждого, что по справедливости и праву принадлежит епархии, но присвоено некоторыми беспутными людьми, мог бы вернуть обратно и прийти к справедливому состоянию. К этому магистр и орден обратится не только как послушный член христианской церкви, папского свя[тейшеств]а, Римского имп[ераторско]го ве[личеств]а и исполнит христианское дело, но также даст в. к. в. повод для высоких и многочисленных милостей.

Далее мой друг, архиепископ, просит также в. к. в. соблаговолить дать е. л. и коадьютору ваш королевский совет, каким образом можно привести город Ригу к послушанию церкви, обяжет моего друга, [архиепископа] Рижского, быть

благодарным, если в. к. в. будет способствовать устранению непослушания города и притеснений со стороны магистра и ордена, которые осуществлялись вопреки [воле] папства и Римского импе[раторско]го ве[личест]ва, а также чтобы конфирмация ввиду просьбы в. к. в. могла быть тем легче осуществлена.

[fol. 5v.] Под конец в качестве заключения мой друг, архиепископ, я и мой брат etc. просим, чтобы если магистр и орден или кто другой осмелится выступить против этого коадьюторства и перетянуть или обременить епархию, то пусть ваше к. ве[личест]во соизволит защищать и сохранять архиепископа и моего брата и не оставлять постоянной помощью, советом и поддержкой.

Далее архиепископ просит, чтобы в. к. в. от своего имени указал [учредить] оратора в. к. в. при папском и императорском дворе *ad constituendum eos in procuratores* («для утверждения их прокураторами»).

Чтобы в. к. в. ныне мог бы иметь дальнейшее сообщение о всех этих делах, я хочу вместе с этим передать в. к. ве[личест]ву черную коробку, в которой он может увидеть всяческие письма и на немецком и латыни».

Говоря о причинах появления такой правовой формы как протекторство, то в Ливонии вопрос о необходимости сторонней поддержки положения духовенства остро стоял еще с XIII в. С появлением Ливонского ордена, местного отделения Тевтонского ордена, ливонские магистры сразу же вступили борьбу с прелатами за политическую гегемонию в землях. Расстановка сил в этой борьбе была не в пользу епископата - в распоряжении магистров находилась эффективная административная система, созданная на базе орденских структур; затем и рычаги воздействия на ключевые назначения в ливон-

ских епархиях; а самое главное – у Ордена имелись собственные вооруженные силы, чего так явно не хватало епископам [14, s. 104–107]. К XIV в., Ордену удалось низвести своих главных противников - рижских архиепископов - до уровня «сателлитов», однако решение вопроса об окончательном подчинении духовенства светской власти не представлялось возможным. Правовой статус Ливонии как «крестоносного государства», заложенного усилиями первых прелатов, обеспечивал епископам покровительство со стороны двух высших институтов Средневековой Европы – папства и императора [2, с. 113; 10, s. 105–116; 13, s. 47–64; 18, p. 55–58]. Вдобавок, ливонские прелаты принадлежали к привилегированному сословию имперских князей, по отношению к которым магистры де-юре занимали подчиненное положение [1, с. 25; 5, 189–213; 6, 19–20].

Протекторство в своем первоначальном виде возникло как ответ на многочисленные жалобы ливонского духовенства, недовольного действиями Ордена в Ливонии. Сначала папа Клемент VI, а затем и император Карл IV, утвердили ливонским прелатам «сохранителей» (*conservatores*) из числа дружественных к Ливонии государей, обязанных поддерживать и защищать привилегии Рижского диоцеза от нападков Ордена [7, № 55, s. 75–78; 11, S. 21–23]. Впоследствии это право неоднократно подтверждалось и переиздавалось, однако сами протекторы не проявляли особой активности в их реализации, ограничиваясь разовыми декларациями [7, № 104, s. 186; 8, № 1412, s. 901–903; 12, s. 235–236; 15, s. 554–569]. И, казалось бы, этому политико-правовому концепту так и суждено было остаться без какой-либо внятной реализации, однако в ответ на изменившиеся условия был создан и новый политический запрос в отношении этого права, сформулированный в публикуемом обращении.

Толчком к переосмыслению права

протекторства стало распространение идей Реформации в Прибалтике, вызвавшее радикальный передел структуры политических взаимоотношений между государствами [4, с. 33]. В 1525 г. магистр Тевтонского ордена Альбрехт секуляризовал прусские земли, принял светский титул герцога и принёс вассальную присягу польскому королю Сигизмунду I. Тем самым Альбрехт разрывал свои отношения с Империей и формально подчиненным ему Ливонским орденом, став одним из самых деятельных проводников пропольской политики в Восточной Европе. Некогда магистр братского ордена, Альбрехт начал поддерживать рижских архиепископов, исторически тесно связанных с Польско-Литовским государством, в их борьбе с магистрами Ливонского ордена. Стремясь укрепить влияние в Ливонии, Альбрехт наполнил новым политическим смыслом древнее и почти забытое право протекторства над Рижским диоцезом, принадлежавшее сторонним государям, утвержденным в этом статусе папами и императорами. Апеллируя к своему статусу «протектора» и «консерватора», Альбрехт заключил оборонительный союз с архиепископом Томасом Шонингом [16, № 8, s. 144–146] и продвинул на кандидатуру его коадьютора (преемника) своего брата Вильгельма. Направленный против Ордена союз и избрание урожденного имперского князя рижским коадьютором обострили отношения Ордена и сословий и привели к политическому кризису, и вскоре герцог потребовалась поддержка более влиятельного игрока.

Находясь в феврале и марте 1530 г. по случаю коронации Сигизмунда II в Кракове, Альбрехт писал Сигизмунду I о проблемах, возникших с избранием коадьютора в Риге. Указывая на проведенные исследования в архивах, Альбрехт сообщал своему сюзерену об обнаруженных им актах, касавшихся протекторства польского короля над Рижским диоцезом, а также утверждавших привилегии, права

и свободы архиепископа [9, № 75, s. 2а-ба]. К сожалению, из текста письма возможно идентифицировать лишь два акта, касающихся протекторства - постановления Базельского собора от 1435 г. и привилегию Карла V 1521 г. [7, № 79, s. 134; 16, № 1, s. 127-129] Однако механизм действия и предполагаемая область применения этого права заметно отличались от содержания изначальной привилегии и её последующих переизданий, что можно проследить в вышеуказанном обращении Альбрехта к Сигизмунду I от 1530 г., которое здесь впервые публикуется на языке оригинала и в русском переводе.

Причиной для вмешательства Сигизмунда I во внутреннюю политику Ливонии являлось нарушение прав еще предыдущего архиепископа Иоганна Бланкенфельдта, принужденного Орденом к вассальной присяге. Подобный договор, по мнению Альбрехта, содержал в себе серьезное противоречие, поскольку рижские архиепископы имели более высокий сословный статус, нежели магистры Ордена; кроме того, подобный договор не мог быть заключен без одобрения со стороны протекторов, ответственных за сохранение прав и привилегий епархии. Важную часть обращения составляет также вопрос о взаимоотношениях с Великим княжеством Литовским. Этот вопрос рассматривался в двух плоскостях – во-первых, в рамках споров на ливонско-литовской границе, а во-вторых, в отношении перспектив сближения Рижской епархии с Литвой. В первом случае герцог указывал на многочисленные акты агрессии Ордена в отношении литовской границы, а также против земель епархии, находящейся под протекцией Сигизмунда, что полагалось рассматривать как нарушение прав польско-литовского монарха. Важно отметить также, что, по мнению герцога, политика магистров Ордена была прямо направлена против соединения Рижской епархии с Польшей, что, как следует полагать, также не

устраивало Ягеллонов. В качестве основного метода решения вышеперечисленных проблем полагалось скорейшая конфирмация урожденного немецкого князя Вильгельма Бранденбургского коадьютором настоящего рижского архиепископа Томаса Шонинга. Помимо принадлежности к привилегированному сословию имперских князей, Вильгельм являлся родным братом прусского герцога Альбрехта, что в перспективе способствовало бы укреплению правовых позиций епархии и расширению влияния Ягеллонов в ливонских землях. Основным средством для устранения чинимых Орденом помех конфирмации предлагалась дипломатическая работа при папском и императорском дворах, а также отправка официального посольства к магистру и ливонским прелатам. Посольства должны были оспорить правомочность заключенного «вопреки всякому праву» договора с Бланкенфельдом, а также способствовать скорейшему утверждению Вильгельма в должности рижского коадьютора, «чтобы магистр и орден оставили архиепископа и всех принадлежащих его епархии по этому договору без оказания давления и принуждения к повинностям».

Настоящий документ ценен тем, что он весьма полно отражает важный этап в актуализации системы связей, сыгравших в качестве основы для притязаний Сигизмунда II Августа на ливонские земли в дальнейшем. Суть прав протекторства изначально заключалась в том, что иноземные светские государи, наделенные полномочиями оказывать защиту и покровительство, были обязаны следить за соблюдением прав и привилегий своих подопечных – представителей епископата, и в особенности рижского архиепископа. В дальнейшем эта типично средневековая

(и – что немаловажно – весьма древняя) институция подверглась переосмыслению и сыграла роль правовой базы для конкретной цели – расширения влияния Ягеллонов в Ливонии путем продвижения нужного кандидата на роль рижского коадьютора. В середине XVI в. вопрос об избрании коадьютором урожденного князя был поднят вновь, однако участие в «коадьюторском деле» польско-литовского монарха уже не ограничивалось только дипломатическим представительством. Выступая с позиции «защитника и охранителя» рижской епархии, Сигизмунд II Август будет указывать на недействительность договоров магистров с архиепископами, а также будет отрицать нормы ливонского законодательства, закрепленные в рецессах 1546 г. [9, № 1787, s. 12b], а в конечном счете объявит Ордену войну [3, с. 151–184]. В дальнейшем, с началом Ливонской войны, то же право протекторства было вновь переосмыслено и применено уже в качестве обоснования для инкорпорации ливонских земель в состав владений Сигизмунда II Августа [7, № 134, s. 231–233; 17, № 398, s. 267–271]. Таким образом, благодаря материалам фонда Герцогских посланий, мы можем получить более широкое представление о динамике развития государственно-правовых систем в ранее Новое время и проследить связанные с этим процессом преобразования. Публикуемый в настоящей статье документ может послужить для реконструкции черт политического сознания, характерного для европейского правового поля в XVI в., а также вносит важные корректировки в картину многоуровневого конфликта, ставшего одной из главных причин окончательного упадка Ливонии.

Список литературы

1. Бойцов М. А. (1989). Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. // Средние века. Москва. № 52. С. 25
2. Вебер Д. И. (2011). Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525–1561 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск. Т. 10. № 10. С. 112–115
3. Попов В. Е., Филюшкин А. И. (2009). «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Санкт-Петербург. № 1/2 (5/6). С. 151–184
4. Angermann N., Lange T. (2010). Am Vorabend des Livländischen Krieges: Die Position der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в. Москва. С. 32–39
5. Arnold U. (1994). Edmund von Werth, priester van de Duitse Orde en bisschop van Koerland // *Leden van de Duitse Orde in de balije Biesen*. Bilzen. S. 189-213
6. Arnold U. (2006). Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard Kettler. Ordensritter und Territorialherren am Scheideweg in Preußen und Livland // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State building, and the Weight of Tradition*. Hilversum. S. 19-20
7. *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae (1759)* / Coll. M. Dogiel. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae. 560 s.
8. *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 (1882)* / Coll. A. Prochaska. Cracoviae. 1113 s.
9. Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin: Herzog Albrecht (HA), Herzoglichen Briefarchiv (HBA) XX
10. Hellmann M. (1985). Der Deutsche Orden in Livland // *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur*. Toruń. S. 105-116
11. Hellmann M. (1989). Livland und das Reich: das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen // *Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungberichte 6*. München. S. 1-35
12. Ilariene I. (2007). Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius. S. 213-240
13. Jähnig B. (1998). Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen // *Nordost-Archiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte*. Luneburg. Bd. 7. S. 47-64
14. Jähnig B. (1997). Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer // *Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica IX. Ritterorden und Kirche im Mittelalter*. Toruń. S. 97-111
15. Koneczny F. (1887). Kazimierz Wielki protektorem kościoła ryskiego // *Pamiętnik słuchaczy Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Kraków. S. 554-569
16. *Monumenta Livoniae Antiquae*. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen (1847) / hrsg. v. C. E. Napiersky. Riga; Leipzig. Bd. 5. 860 s.
17. *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm (1863) / hrsg. v. C. Schirren. Reval. Bd. 3. 364 s.
18. Selart A. (2015). *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston. 385 s.

ALBRECHT VON BRANDENBURG'S SPEECH AT THE CORONATION OF SIGISMUND II AUGUST AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE BALTIC IN THE XVI CENTURY

The struggle for control over trade routes in the Baltic Sea, which began in the 16th century, has left a controversial mark in the history of the Baltic states. On the one hand, it launched the processes of the formation of new state models, and on the other hand, it led to an internal crisis and the decline of some Baltic states, one of which was the Old Livonia. This article presents a previously unpublished document reflecting an important stage in the actualization of the system of ties between the figure of the Polish-Lithuanian monarch and the archbishops of Riga. This political and legal concept was used by Sigismund II Augustus to expand political influence and substantiate the legitimacy of his actions in Livonia on the eve and at the initial stage of the Livonian War. The prerogative of patronage of the Jagiellons connected to the medieval tradition and had a seigniorial-paternalistic basis, subsequently playing the role of a legal basis for the final registration of citizenship relations. The document can be used to reconstruct the features of political consciousness characteristic of the legal field in the 16th century, as well as to expand ideas about the dynamics of the development of state and legal systems in the earlier modern era.

Keywords: Poland, Livonia, Sigismund I, Albrecht von Brandenburg

References

1. Bojcov M. A. (1989) Zolotaya bulla 1356 g. i korolevskaya vlast' v Germanii vo vtoroj polovine XIV v. // *Srednie veka [Medieval Ages]*. Moscow. № 52. P. 25
2. Veber D. I. (2011). Magistry Nemeckogo ordena v Livonii v 1525–1561 godah // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Novosibirsk State University]*. Novosibirsk. T. 10. № 10. P. 112–115
3. Popov V. E., Filyushkin A. I. (2009). «Vojna koad'yutorov» i Pozvol'skie soglasheniya 1557 goda // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Saint-Petersburg. № 1/2 (5/6). C. 151–184
4. Angermann N., Lange T. (2010). Am Vorabend des Livländischen Krieges: Die Position der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // *Baltijskij vopros v konce XV-XVI v. [Baltic question at the end of the XV-XVI centuries]*. Moscow. C. 32–39
5. Arnold U. (1994). Edmund von Werth, priester van de Duitse Orde en bisschop van Koerland // *Leden van de Duitse Orde in de balije Biesen*. Bilzen. S. 189-213
6. Arnold U. (2006). Hochmeister Albrecht von Brandenburg-Ansbach und Landmeister Gotthard Kettler. Ordensritter und Territorialherren am Scheideweg in Preußen und Livland // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State building, and the Weight of Tradition*. Hilversum. S. 19-20
7. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae (1759) / Coll. M. Dogiel. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae. 560 s.
8. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lituaniae 1376-1430 (1882) / Coll. A. Prochaska. Cracoviae. 1113 s.
9. Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin: Herzog Albrecht (HA), Herzoglichen Briefarchiv (HBA) XX
10. Hellmann M. (1985). Der Deutsche Orden in Livland // *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur*. Toruń. S. 105-116
11. Hellmann M. (1989). Livland und das Reich: das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen // *Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte* 6. München. S. 1-35
12. Ilariene I. (2007). Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius. S. 213-240

13. Jähnig B. (1998). Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen // Nordost-Archiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte. Luneburg. Bd. 7. S. 47-64
14. Jähnig B. (1997). Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer // Ordines Militares. Colloquia Torunensia Historica IX. Ritterorden und Kirche im Mittelalter. Toruń. S. 97-111
15. Koneczny F. (1887). Kazimierz Wielki protektorem kościoła ryskiego // Pamiętnik słuchaczy Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków. S. 554-569
16. Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst-und Kurland's dienen (1847) / hrsg. v. C. E. Napiersky. Riga; Leipzig. Bd. 5. 860 s.
17. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm (1863) / hrsg. v. C. Schirren. Reval. Bd. 3. 364 s.
18. Selart A. (2015). Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, Boston. 385 s.

Об авторе

Бессуднов Даниил Александрович - кандидат исторических наук, ведущий научный специалист, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия), E-mail: d.bessudnov@mail.ru

Bessudnov Daniil Alexandrovich – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Novgorod State University of Yaroslav the Wise», NovSU research center, senior researcher (Russia). E-mail: d.bessudnov@mail.ru

Васильев Д.Г., аспирант, Костромской государственный университет (Россия)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1917 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматривается проблема продовольственного вопроса, как одного из главных факторов нарастания социального напряжения в провинции, в период с лета по октябрь 1917 года. Временное Правительство пыталось проводить спасительные меры, но все они не увенчались успехом. Продолжая политику царизма по реквизиции хлеба и скота, власти только разжигали общественное недовольство. Мобилизация мужского населения на фронт, а также возвращение крестьян – отходников в родную деревню, создавало предпосылки для социального взрыва. С августа 1917 года кризис переносится из деревни в город, где начинают бастовать заводы и фабрики. Губернские органы власти пассивно реагируют на этот процесс, не предпринимая никаких мер по ликвидации продовольственной проблемы. В конечном счете, широкие народные массы начинают склоняться в сторону оппозиционных партий, которые, по их мнению, могли решить эти насущные вопросы. На основе материалов периодической печати и архивных источников автор показывает нарастание народных беспорядков в Костромской Губернии в предреволюционный период 1917 года и приходит к выводу о том, что продовольственный кризис сыграл одну из главных ролей в Октябрьской революции.

Ключевые слова: Временное Правительство, революция, отходники, разверстка, кризис, спекуляции, реквизиция, крестьяне.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-17-22

Историографический обзор региональных исследований по данной проблеме не дает нам четкого и ясного понимания о роли продовольственного вопроса в мобилизации крестьян против власти.

Первой региональной работой по теме стало исследование А. Конокотина, вышедшее в честь десятилетнего юбилея Октябрьской революции[4]. Анализируя причины присоединения крестьянских масс к большевикам, автор делает упор на программе партии РСДРП (б), которая полностью соответствовала чаяниям народа и таланте представителей уездных ячеек большевиков, которые увлекали людей за счет умения убеждать огромные массы народа. Вопросам продовольствия Конокотин отводил не главное место, указывая на наличие проблем с питанием, но, не анализируя их значение для крестьян.

К сорокалетию юбилею Октябрьской революции вышла большая работа «Установление Советской власти в Ко-

строме и Костромской губернии» [9]. Основанное на идеологических штампах, исследование четко указывает на царское правительство и Керенского как главных виновников в продовольственном кризисе в губернии. Несмотря на очевидный уклон в сторону возвышения политики большевиков, авторы книги детально показывают ухудшение положения крестьянства в вопросах пропитания и имущества.

Новый этап в развитии исторической науки открыл доступ к архивным документам, ранее неизученным и неопубликованным. Проблемам продовольствия в период революции посвящен значительный ряд работ, но на местном уровне стоит отметить кандидатскую диссертацию О. В. Тихоновой, которая проанализировала природу крестьянских выступлений в губерниях Верхнего Поволжья, включая и Костромскую[8]. Отмечая активную работу партий, усиленную агитацию по привлечению крестьян в свои ряды, автор делает вывод о том, что почва

для реализации собственных идей у большевиков была очень удачной. Крестьяне, недовольные реквизицией скота и хлеба, мобилизацией на войну, находились в крайне тяжелом положении. Фактически они были загнаны в угол, а их семьи находились на истощении. Несомненно, этот фактор играл огромную роль в нарастании протестных настроений в губернии.

Таким образом, в настоящее время нет системного исследования по оценке продовольственного вопроса как одного из факторов беспорядков в 1917 году. Исходя из этого, мы формулируем цель данной статьи – определить степень влияния продовольственного кризиса на октябрьские события 1917 года в Костромской губернии.

В Костромской губернии продовольственная проблема наиболее остро начала проявляться к лету 1917 года. Уже с июня 1917 года активизируется деятельность большевиков в Костроме, которые обращаются к населению с призывом "мобилизовать силы революционной демократии на борьбу с Думой".

Продовольственное положение в уездах было гораздо хуже, чем в самом городе. В начале июля в Губернскую Продовольственную Управу поступают телеграммы из Нерехтского, Галического, Буйского, Макарьевского, Варнавинского, Ветлужского уездов с требованием о присылке муки. В телеграммах указывается, что "население волнуется, требуя хлеба"[2].

В условиях острого дефицита продуктов растут спекуляции хлебом. Дело доходит даже до того, что костромской городской голова Н. И. Воробьев вынужден организовать специальное совещание для представителей общественных организаций с целью урегулировать этот вопрос. В итоге Городская Управа выносит следующее решение: "запретить перекупщикам скупать привозимые крестьянам продукты ранее 10 часов утра. И обязать каждого

торговца сообщать Городской Управе максимальные цены на свой товар и придерживать их до следующего базара". Создавался также специальный исполнительный орган, который должен был осуществлять надзор за выполнением данных постановлений.

Губернский Продовольственный Комитет не остановился на этом и попытался взять под контроль сбор урожая и распределение хлеба в уездах губернии. Но реальной власти на местах он не имел. «Губернский комитет властью в уездах не обладал, так как те жили своей самостоятельной жизнью». В результате министру продовольствия Пешехонову была послана делегация из Костромы, которая доложила об «угрожающем состоянии продовольственного дела в губернии и необходимости запаса хлебных продуктов». Но в Петрограде в это время хватало своих забот, и поэтому этот запрос о помощи был удовлетворен лишь в октябре, перед самой революцией.

Постепенно продовольственный кризис переходит с крестьянских хозяйств на промышленные предприятия. 8 августа 1917 года рабочие завода «Пло», который уже был отмечен забастовочным движением в апреле – июле, на общем собрании выносят резолюцию что «голод самый главный враг рабочего класса и верный друг контрреволюции».

На следующий день Губернская Продовольственная Управа признает, что в городе совершенно нет хлеба, и даже запасы семян заканчиваются. «Фабрики требуют обеспечения продовольствием, иначе возможны серьезные волнения рабочих, которые уже возникают» [6].

10 августа власть принимает решение о выдачи населению талонов, по которым можно было бы купить хотя бы немного еды. Но эта идея заканчивается провалом: продовольствия в городе нет совсем. «18 августа в Городскую Управу явилась толпа

женщин с заявлением, что они по выданным талонам нигде в городе не могут найти пшеничной и ржаной муки». Через два дня после этого, толпа озлобленных и голодных людей двинулась на базар, где осадила склады Городской Управы, но ничего, кроме испорченного сахара там не обнаружила. Затем толпа отправилась к самой Управе, около которой были избиты комиссар Воронов и протоирей Огибалов, пытавшийся успокоить разъяренных людей.

12 августа Костромской Комитет РСДРП (б) проводит митинг против контрреволюционного совещания в Москве, призывая всех рабочих бросить заводы и фабрики. Власть никак не реагирует на этот протест.

А вот газета «Народная Свобода» осудила действия большевиков. «Сложно найти слова, чтобы заклеить гнусную политику большевиков» [5].

Народный гнев продолжал расти, рискуя перерасти в крупный бунт. «К вечеру 21 августа толпа разделилась на две части и отправилась для осмотра складов на Богоявленскую улицу, и на Русину улицу». На этот раз под раздачу попал представитель власти. Как свидетельствует газета Народная Свобода: «во время продовольственных беспорядков был избит толпой член Совета Военных Депутатов Марек».

Вечером того же дня городской голова Воробьев собирает срочное совещание Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов для обсуждения продовольственных беспорядков в Костроме. По итогам совещания вырабатывается постановление, в котором говорилось об успокоении населения и начале работы особой комиссии, которая должна была искать запасы продовольствия в ходе обысков. При этом запрещались призывы к насильственным действиям и массовые сборища в общественных местах. «Всеякие сборища на улицах, скверах и бульварах Костромы воспрещены впредь

до особого распоряжения» [7].

В ходе обысков специальной комиссией в городе были обнаружены запасы продовольствия, которые переписывались и оставлялись владельцам. Таким образом, власть не изымала эти продукты, а лишь официально закрепляла их за истинными владельцами. Это не помешало Городской Думе одобрить действия Городской Управы, инициировавшей полавальные обыски продовольствия. «Городская Управа поступила в соответствии с интересами всего городского населения» - заявили представители Думы.

Одновременно с этим, Дума сообщает Временному Правительству о бедственном положении города и необходимости срочного подвоза хлеба по железной дороге.

27 августа городские власти в ответ на выступление генерала Корнилова в Петрограде создают Временный Революционный Комитет. В отношении продовольственного вопроса решением, по мнению Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, могло быть твердое проведение хлебной монополии с государственным регулированием цен на все продукты.

Дальнейшей реакцией костромских властей на мятеж генерала Корнилова становится введение в городе военного положения. «29 августа Кострома и все уезды Костромской Губернии объявляются на военном положении».

В августе 1917 года большевики выходят из тени и становятся легальной партией. «К повышению авторитета большевиков привела директива Керенского, в которой они признавались равноправной социалистической партией» [1].

В начале сентября Костромская Продовольственная Управа посылает министру продовольствия Пешехонову телеграмму с просьбой увеличить план снабжения Костромской губернии до одного

миллиона двухсот тысяч пудов. Параллельно с этим Управой принимается решение о награждении хлебо – владельцев, которые «проявляют особую отзывчивость в деле снабжения населения хлебом». В результате, властям удастся собрать некоторое количество хлеба и установить норму выдачи по 12 фунтов на душу населения в первой половине октября. Но, выдав талоны на получение хлеба, власти не позаботились об исполнении этого указа. «30 сентября около часу дня в Костромскую Уездную Продовольственную Управу пришла целая толпа около 200 человек с требованием, который они не получали в сентябре месяце» [1].

В этой критической ситуации Управа принимает решение об очередном съезде, который призывает все демократические организации объединиться в борьбе с голодом.

Однако определенных резолюций съезд не вынес и люди стали сами решать насущную для них проблему. В волостях по ночам начинается тайная скупка того хлеба, который не был обнаружен правительственными ревизорами при массовых обысках. Продовольственная Управа пыталась бороться с хлебной спекуляцией путем запрета подобных операций. Кроме этого в черноземные губернии были посланы члены торгово – промышленного комитета для закупки хлеба. Но местные власти наложили запрет на эти закупки и замысел Костромской Продовольственной Управы провалился.

12 октября на заседании костромского отделения РСДРП (б) принимается решение о привлечении крестьян к предстоящим выборам в Учредительное собрание. Большевики отправляют в уезды Костромской губернии около 100 агитаторов, которые начинают вести активную разъяснительную работу в деревенских массах. Как свидетельствовал ответственный

секретарь Галичского уезда Голубев: «Трое агитаторов сыграли огромную роль в создании местной организации большевиков» [3].

17 октября министр продовольствия Временного Правительства С. Н. Прокопович отказался утвердить план снабжения продовольствия Костромской губернии. После этого Губернская Продовольственная Управа складывает с себя все полномочия и уходит в отставку: «Управа ввиду противодействия крестьян работать не может и в полном составе снимает с себя обязанности и ответственность» [7].

Уже на следующий день Кологривский комиссар телеграфирует о начале голода в уезде, а вслед за ним и остальные уезды Костромской губернии присылают сообщения о критическом положении дел. Крестьяне бросаются добывать хлеб вниз по Волге, чтобы хоть как – то прокормить себя и свои семьи [5].

На этом фоне весьма странным выглядел призыв Костромского Центрального Совета Профсоюзов, обращенный к своим членам: «не поддаваться на провокации и спокойно работать».

21 октября Губернский Продовольственный Комитет вырабатывает план снабжения Костромской губернии на ноябрь. Согласно этому плану планировалось получить 450 тысяч пудов хлеба. В этот же день из Галича приходят сведения о начавшихся беспорядках [3].

Но так необходимый для людей хлеб до Костромы не дошел. Начавшаяся Октябрьская революция повернула ход событий в совершенно иное русло.

30 октября 1917 года Совет Рабочих и Солдатских Депутатов проголосовал за поддержку Совета Народных Комиссаров и окончательную победу революции. Исход борьбы за власть в губернии был предопределен, хотя и не решен окончательно.

Костромские органы власти не су-

мели адекватно и трезво оценить обстановку, которая сложилась в губернии к октябрю 1917 года. Действия Костромского Губернского Комитета и Костромской Продовольственной Управы не решали возникших проблем, а лишь усиливали социальное недовольство.

Нельзя утверждать, что продовольственный кризис стал главной причиной

революционных событий 1917 года в Костромской губернии, но он сыграл свою роль в дестабилизации политической обстановки и усилении общественного напряжения, что и было использовано большевиками при организации вооруженного переворота.

Список литературы

1. Воспоминания о 1917 году по Костромской губернии// ГАНИКО. Ф.383. Оп. 2. Д. 98
2. Директивные указания, телеграммы и переписка Нерехтского уездного исполкома Совета крестьянских депутатов//ГАНИКО. Оп. 2. Д.23
3. Из истории революции местного края в Галическом уезде. Воспоминания отв. секретаря Гал. уезда Голубева, Галич, 1924// ГАНИКО. Ф. 383
4. Конокотин А. «Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской Губернии», Кострома, 1927
5. Народная Свобода.1917. №68, №85, №89, // ГАНИКО. Ф.383. Оп.3
6. Поволожский вестник. 1917 // ГАНИКО. Ф. 383. Оп.1 – 2
7. Северный Рабочий.1917. // ГАНИКО. Ф. 383. Оп.1 – 2
8. Тихонова О. В. Крестьянские выступления в Верхнем Поволжье в годы гражданской войны (1918 – 1921): автореф.дис. ...кан.истор. наук. - Кострома, 2004
9. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии, под ред. М. П. Свинцовой. – Кострома, 1957

FOOD CRISIS AS A FACTOR OF SOCIAL PROTEST IN SUMMER - AUTUMN 1917 (BASED ON MATERIALS FROM THE KOSTROMA PROVINCE)

The article examines the problem of the food issue, as one of the main factors in the growth of social tension in the province, in the period from summer to October 1917. The Provisional Government tried to carry out rescue measures, but they were all unsuccessful. Continuing the tsarist policy of requisitioning grain and cattle, the authorities only inflamed public discontent. The mobilization of the male population to the front, as well as the return of the migrant peasants to their native village, created the preconditions for a social explosion. From August 1917, the crisis was transferred from the countryside to the city, where factories and factories began to strike. The provincial authorities are passively reacting to this process, not taking any measures to eliminate the food problem. Ultimately, the broad masses of the people begin to lean towards the opposition parties, which, in their opinion, could solve these pressing issues. Based on materials from periodicals and archival sources, the author shows the growth of popular unrest in the Kostroma Province in the pre-revolutionary period of 1917 and comes to the conclusion that the food crisis played one of the main roles in the October Revolution.

Keywords: Provisional Government, revolution, otkhodniki, appropriation, crisis, speculation

References

1. Memories of 1917 in the Kostroma province // GANIKO. F.383. Op. 2.D. 98
2. Directives, telegrams and correspondence of the Nerekhta district executive committee of the Council of peasant deputies // GANIKO. Op. 2. D.23
3. From the history of the revolution of the local region in the Galichesky district. (1924). Memories отв. Secretary Gal. Golubev county, Galich, // GANIKOF. 383 .. F. 383

4. Konokotin A. (1927). "Essays on the history of civil strife in the Kostroma province", Kostroma
5. Narodnya svoboda (1917). [People's freedom] No. 68, No. 85, No. 89, // GANIKO. F.383. Op.3
6. Povolzhsky Vestnik. (1917). [Volga bulletin] // GANIKO. F. 383. Op.1-2
7. Severni Rabochi. (1917). [Northern worker] // GANIKO. F. 383. Op.1-2
8. Tikhonova O.V. (2004). Peasant performances in the Upper Volga region during the civil war (1918 - 1921): abstract of thesis. ... can.istor. sciences. - Kostroma
9. The establishment of Soviet power in Kostroma and the Kostroma province (1957). ed. M.P. Svintsova. - Kostroma

Об авторе

Васильев Данил Геннадьевич – аспирант 4 курса Костромского государственного университета (Россия) E-mail: DanyV1993@yandex.ru

Vasiliev Danil Gennadievich – 4th year postgraduate student at Kostroma State University (Russia) E-mail: DanyV1993@yandex.ru

Гафаров А.З., аспирант, Башкирский государственный университет, Россия.

БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА НА СТЕРЛИТАМАКСКОМ ФРОНТЕ 2-Й ПОЛОВИНЫ 1918 ПО НАЧАЛО 1919 ГГ.

Статья посвящена участию Башкирского войска на Стерлитамакском фронте во время Гражданской войны. Автор поставил задачу детально рассмотреть события на этом фронте. Им был сделан краткий обзор участия Башчастей в боях против Красной Армии на стороне белых. Особо тщательно проанализированы события на Стерлитамакском фронте, где происходили ожесточенные бои между белобашкирами и частями красных. Изучение данной проблемы помогает более детально раскрыть малоизвестные страницы Гражданской войны в Башкортостане. Подробно описаны силы, состояние и оснащение Башкирских войск, участвующих в боях на этом фронте. Основное внимание в работе автор уделяет башкирским войскам, несмотря на их тяжелое состояние, которые успешно держали оборону на фронте, привлекая большие силы Красной Армии. На основе докладной записки начальника штаба Стерлитамакского фронта были восстановлены зимние события 1919 года. Выделяются и описываются характерные особенности башкирских войск. Действия на этом фронте были одним из решающих моментов Гражданской войны на территории Башкортостана. В заключении делается вывод о том, что бои на этом фронте частично привели к процессу перехода и дальнейшего выбора пути для создания автономии Башкортостана. Хронологические рамки событий, освещенных в представленной публикации, охватывают период со второй половины 1918 по начало 1919 гг., период активных сражений Гражданской войны на территории Башкортостана.

Ключевые слова: Гражданская война, Стерлитамакский фронт, М. Л. Муртазин, оборона, белобашкирские части, Красная Армия, Башкортостан, вооружение, Башкирское правительство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-23-33

Изучение истории Гражданской войны 1918-1920 гг. вызывало большой интерес среди исследователей во все времена, так как в это время решалась дальнейшая судьба России. Соответственно, события этой войны были предметом общественного внимания. Как известно, в это время произошел раскол общества на два враждующих лагеря, и боевыми действиями была охвачена значительная часть территории Российской империи. С каждой стороны участвовало большое количество регулярных соединений, как у красных, так и у белых. Исключением были только отдаленные участки, до которых отзвуки Гражданской войны не доходили. Территория Башкортостана в это время являлась одним из эпицентров событий. Здесь война проходила намного сложнее и противоречивее, допускались грубые нарушения законности, население страдало и от красного и от белого террора.

Следует отметить, что события Гражданской войны в Башкортостане хорошо

исследованы. Данный период подробно описан в трудах И. Ф. Плотникова «В белогвардейском тылу», «Десть тысяч героев», «Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера», «Смута», «В тылу врага: большевистское подполье Уфимской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1919)». Деятельность Башкирского национального движения и Башкирского войска были хорошо освещены в трудах М.М. Кульшарипова, который на основе широкого круга источников и ранее неизвестных архивных материалов издал монографию «Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.)». Эта работа данного автора всесторонне раскрывает деятельность Башкирского национального движения в указанный период. Другие работы данного автора «Трагическая демография», «З. Валидов и образование Башкирской АССР» также дополняют изучаемую проблему. Также из более новых ра-

бот следует отметить работы Р.О. Багаудинова «Участие башкир в белом движении, 1917-1920 гг.» и А.Ш. Ярмуллина «У истоков Башкирской республики». Указанные авторы довольно точно описали ход событий и с новой точки зрения раскрыли изучаемую тему. Несмотря на обилие исследований по данному периоду событиям на Стерлитамакском фронте было уделено мало внимания. Во многих работах этот фронт лишь упомянут либо рассмотрен поверхностно.

Накануне Октябрьской революции 1917 года возникло и оформилось башкирское национальное движение, имеющее свой руководящий орган, четкую программу, сумевшее установить тесную связь с населением. Здесь значительную роль сыграл Заки Валиди и другие лидеры башкирского движения, которые стремились начать реализовывать курс на создание республики.

Башкирская автономия была провозглашена 15 ноября 1917 года на основе официального документа Фармана (приказа) № 2, опубликованного от имени Башкирского центрального шура¹. Данный документ объявлял территориальную автономию для населения башкирских волостей в пределах Оренбургской, Пермской, Уфимской, Самарской губерний. При этом подчеркивалось, что жители и организации, входящие в район автономной территории, обязывались подчиняться приказам только Башкирского центрального шура [4, с. 130]. Большая часть населения этих волостей поддержало данное решение.

Башкирское правительство понимало, что невозможно осуществить реализацию автономии одним объявлением. После раздумий и колебаний руководство башкирского национального движения начало борьбу за свои идеалы на стороне

белой армии. Такому выбору способствовал большевистский декрет о земле, который не отвечал запросам значительной части башкир, политика Советов в отношении членов Башкирского правительства и Шура с использованием репрессивных мероприятий в виде расстрелов и арестов. По решению Всебашкирского Курултая было отмечено, что все земельные, лесные, горные, рыболовные угодья находившиеся на территории Башкортостана считались достоянием башкирского народа. Однако принятый большевиками декрет о земле противоречил этой резолюции. Также роковым для возможного союза сторон стало нежелание принять автономию Башкирии, что оттолкнуло многих башкир от большевиков.

В этой сложной ситуации Башкирское правительство, находясь на стороне белого движения, с 13 июня 1918 года приступает к формированию воинских формирований. По мнению известного исследователя С. Ф. Касимова, данная мера должна была обеспечить спасение народа от возможного в будущем политического, экономического и культурного гнета [3, с. 115]. В итоге был сформирован отдельный Башкирский корпус, который состоял из двух дивизий и одного кавалерийского полка [13, с. 16]. Общее количество личного состава составило 7059 человек из них: 1-й пехотный полк – 1300, 2-й пехотный полк – 859, 3-й пехотный полк – 1200, 4-й пехотный полк – 900, 5-й пехотный полк – 1100, 6-й пехотный полк – 700, 1-й кавалерийский полк – 700, комендантская команда – 100, учебная команда – 200 человек. Кроме этих полков в каждом кантоне² были организованы добровольческие отряды, которые носили название по названию своего территориального размещения [14, с. 50]. Они

¹ **Башкирское национальное шура** – Башкирский областной совет был образован 20 июля 1917 г. для руководства Башкирским национальным движением на 1-м Всебашкирском курултае.

² **Кантон** – военно-территориальная единица на территории Башкортостана образованное в апреле 1798 г. 1919-1930 гг. территория Малой Башкирии было поделено на 12 кантонов. Каждый кантон состоял из волостей и сельсоветов. В августе 1930 г. кантонное деление БАССР было ликвидировано.

должны были охранять тыл Башкирского войска, защищать деятельность органов местной власти, поддерживать порядок в своем кантоне и защищать его [23, с. 5]. К сентябрю 1918 г. было создано 18 таких отрядов, общее количество которых составило около 2670 бойцов. Каждый отряд имел в среднем 200 человек. Таким образом, за короткий промежуток времени было создано боеспособное войско, которое могло защищать интересы Башкирского правительства.

Вновь созданные вооруженные формирования в союзе с белыми частями принимали участие в боях против Красной Армии на территории Башкортостана. Летом 1918 г. в городе Белорецк крупные силы красных были отрезаны от основных сил и окружены белогвардейцами. Здесь, они под командованием Блюхера и братьев Кашириных были объединены в отряды [20, с. 7]. Они изначально должны были соединиться с частями Красной Армии. Для этого командиры десяти тысячной армии решили пробиваться через Верхнеуральск [21, с. 7]. Против них был создан Верхнеуральский фронт, в составе которого были 1-й Башкирский кавалерийский полк, 5-й башкирский пехотный полк и Тамьян – Катайский отряд. Этим фронтом командовал командир 1-го Башкавполка Амир Карамышев [21, с. 7].

После неудачной попытки прорыва через Верхнеуральск Блюхер изменил свой план и решил пробиваться через Кунгур. Как указывает З. А. Аминев, отряды партизан «...двигались через Серменево, Узьян, Кагу, Авзяно – Петровский завод, перевал Ала – Тау на Макарово» [1, с. 346]. Командование белых, узнав их план, отправил отряды для преследования. Про преследовавших белогвардей-

цев Блюхер писал, что вокруг них белоказаки несколькими отрядами «...двигались концентрически со всех сторон и одновременно нападая» [5, с. 30]. Приказ генерала Ханжина гласил: «Преследовать большевиков приказываю самым энергичным образом, стараясь не только догнать хвост колонны, но и перерезать ей путь, дабы скорее их ликвидировать и очистить от них край» [16, с. 84]. Отряды белых делали все, для того, чтобы уничтожить красных партизан делая диверсии и совершая нападения [15, с. 112]. Об активном участии башкирских войск в преследовании отрядов Блюхера доказывает рапорт командира Верхнеуральского отряда полковника Бориса Анненкова¹, в чьем распоряжении временно находился эскадрон М.Л. Муртазина. Атаман Анненков в августе 1918 г. писал: «Командиру 1-го башкирского полка. Командир 1-го эскадрона вверенного вам полка со своим эскадроном состоял в моем отряде около двух недель, но и в этот короткий срок хорунжий Муртазин, выдающийся мужеством, сметливостью и распорядительностью, оказал громадную услугу отряду: после упорного боя у деревни Зилим, когда, наконец, красные 23-го августа очистили деревню, хорунжий Муртазин с эскадроном был брошен мной в преследование. Не теряя соприкосновения с противником, он все время давал ценные сведения о движении и действиях противника. Нагнав противника на реке Сим под 26-е, в бою с ними 26 и 27-го, когда мой отряд под натиском во много раз сильнее нас противника, начал отходить, хорунжий Муртазин с эскадроном прикрывал отход пехоты и блестяще выполнил задачу, потеряв всего трех коней раненных. С сожалением расставаясь с хорунжим

¹ **Анненков Борис Владимирович** (09.02.1889-25.08.1927 гг.) – сын отставного полковника И.А. Анненкова. Служил в 1-м Сибирском казачьем полку. В марте был избран атаманом нелегальным войсковым кругом сибирских казаков. С октября 1918 г. полковник Народной армии, с 1919 г. генерал-майор Русской армии. Для борьбы с красными прибыл в Верхнеуральск с отрядом в 200 сабель. В конце 1919 г. Колчаком был назначен командующим отдельной Семиреченской армии. 1920 г. ушел в Китай. Позже был там арестован агентом ОГПУ, вывезен в СССР и расстрелян в Семипалатинске.

Муртазиным, считаю своим долгом просить вас о производстве хорунжего Муртазина в следующий чин» [6, с. 2]. Несмотря на все усилия, отряды под командованием Блюхера и братьев Кашириных смогли соединиться с частями Красной Армии в районе Кунгура.

Позже основные силы Башкирского войска принимали участие в обороне Стерлитамакского фронта. Они держали оборону на большой территории, но имея ограниченное количество частей. Основной задачей башкирских войск здесь была активная оборона фронта и удержание занятых позиций. Красная Армия в это время продолжала активно наступать на этом участке и основной удар красных приходился между Стерлитамаком и Мелеузом.

Здесь необходимо подробнее показать события на этом фронте. По докладной записке начальника штаба Стерлитамакского фронта Илиаса Алкина к начальнику Башкирского войскового управления Заки Валиди к 6 часам 45 минут 07 января 1919 года фронт держали с севера на юг от деревень Нижнее Ташбуканово – Утяково – Тугаево – Буруновка – Базикова – Ахмерово – Новоспасское – Каныкаево – Смакаево – Ишимбаево – Ново Петровский – Мулла Мусина – Нурдавлетово – Ивановка – Сеитово до хутора Кузнецова. Условно Стерлитамакский фронт был разделен на три участка:

1. Северный (начиная с Нижнее Ташбуканово – Каныкаева).
2. Средний (начиная от Каныкаева – Алакаево).
3. Южный (начиная от Алакаева – хутора Кузнецова).

Северный и южный считался флангом, а средний участок был центром фронта. На северном участке (правом фланге) воевали:

1. Табынский отряд
2. Юрматынский отряд
3. Тамьян – Катайский отряд (часть).

Части ротмистра Назаренко, а именно:

батальон командира Авдеева и конный эскадрон – бывший конный отряд Орлова и 40 казаков.

Всего в этом районе было около 753 солдата, из них около 220 конных. Они были распределены следующим образом: авангард правого фланга команда поручика Баишева состоял из Табынского и Юрматынского отрядов в количестве 250 человек, из них 70 были конными. Карательная команда города Стерлитамака состоял из 73 человек, из них 7 конных. В Орловском отряде было 45 кавалеристов. Конная разведывательная часть Тамьяно – Катаевского отряда около 25 человек и один взвод 1 – й роты Тамьян Катаевского отряда 28 человек [9, с. 134]. Штаб авангарда был расположен в селе Петровском. Резерв правого фланга находился в селе Ямановка, где в его составе была часть Тамьян –Катайского отряда. Надо отметить, что из этого отряда 97 человек были отправлены на центральный участок, для оказания помощи в обороне другим частям Башвойск, а именно 1-му башкирскому кавалерийскому полку. Тыловые части, обозы правого фланга находились в деревне Кулгунино и Ново-Сеитово. В последнем находилась интендантская команда отряда Терегулова. В селе Янгановка находились штабы поручика Терегулова, роты Назаренко и Авдеева. Основные части сил Назаренко находились в Ново – Сеитово и в Авзяно – Петровском. Эти силы обеспечивали оборону северного участка Стерлитамакского фронта.

Во время боев основную роль играла центральная часть фронта. Успех обороны зависел от этого участка. Ослабленный центр не мог обеспечить необходимым количеством свои фланги, исходя из этого, командование фронта уделило большое внимание для того, чтобы усилить этот район. На этом участке находилось:

1. 1 – й башкирский имени Амира Карамышева кавалерийский полк (состав около 500 человек).

2. Тукчуранский отряд (около 70 человек конных).

3. Часть 1 – й роты Тамьян – Катаевского отряда (около 97 человек).

Начальником этого участка являлся прапорщик Муртазин. Позже в своем послужном списке Муса Лутович писал, что 25 декабря выбыл на фронт в составе полка в районе города Стерлитамак [17, с. 2]. На этом фронте ему противостояли части Первой Армии РККА [2, с. 256].

Необходимо отметить, что будущий комбриг Муса Лутович Муртазин в это время начинал свою военную карьеру в качестве командира. Он был одним из организаторов, который принимал участие в создании отдельного Башкирского кавалерийского полка. Позже Муса Лутович участвовал в боях в качестве командира эскадрона против отрядов Блюхера. После смерти бывшего командира Башкавполка Амира Карамышева командовать данной воинской частью было поручено Муртазину. На Стерлитамакском фронте он руководил наиболее ответственным центральным участком. К этому времени Муса Лутович стал известен как достаточно умелый командир. Руководитель 1-й армии Гай писал, что «...кавполк Муртазина до февраля 1919 г. бок о бок с дутовскими казаками ожесточенно сражался против введенной мне 1-й красной армии в Стерлитамакском и в Оренбургском направлениях» [11, с. 18-19].

На данном фронте 1-й башкирский кавалерийский полк был раскинут поэскадронно по разным населенным пунктам. Один эскадрон занимал деревни Смакаево, Кусяпкулово и Ишимбаево. Их опорным пунктом было село Смакаево, другой эскадрон занимал деревни Верхнее Бураншино, Мулла Мусино и Алака-

ево, их опорный пункт было село Тулаелга.

Деревня Аллагуватово в это время переходила из рук в руки. Этот населенный пункт должен был первоначально оборонять Токчуранский отряд, однако он был отправлен для усиления частей Башкавполка. Тем не менее они к намеченному времени не прибыли туда.

На левом фланге южного участка в это время воевали:

1. Усерганский отряд,
2. Джетировский отряд,
3. Кипчакский отряд
4. Бурзян – Тангауровский отряд.

Этот участок находился под командой штабс – капитана Беликова. Надо отметить, что из-за отдаленности данного участка, точных данных о численности действующих подразделений к тому времени командованию Башвойска известно не было. Штаб левого фланга находился в Мелеузе.

Штаб командующего башкирскими формированиями Стерлитамакского фронта находился в селе Ташлы, где командиром был ротмистр¹ Мухтар Карамышев, начальником штаба Илиас Алкин, начальником связи был прапорщик Мухутдин Ахмеров.

Эти подразделения были плохо обеспечены, так как белогвардейское командование нерегулярно снабжало оружием и амуницией башкирские части. На весь фронт было 5 пулеметов, при этом один из них был в неисправном состоянии. При этом два из пяти пулеметов находились в 1-м Башкирском кавалерийском полку на центральной части фронта [8, с. 155]. Большинство солдат было вооружено берданками², которые к этому времени устарели. Почти половина этого огнестрель-

¹ **Ротмистр** – старший обер – офицерский чин в кавалерии, в русской армии и в пехоте.

² **Винтовка Бердана (берданка)** – однозарядная винтовка под унитарный патрон с дымным порохом. Состояла на вооружении в Российской армии в конце XIX в. Калибр составлял 4,2 русских линии (10,67 мм). В России были распространены винтовки двух видов образца 1868 года и 1870 года. Наибольшее распространение получила вторая модель.

ного оружия, несмотря на свою надежность, но из-за большого срока эксплуатации, была фактически в нерабочем состоянии. В то же время трехлинейных винтовок Мосина¹ было мало. Кроме того, обещанные японские винтовки не дошли до военнослужащих данного фронта [8, с. 160]. К оружию практически не было необходимого количества патронов. Разные системы винтовок не позволяли использовать однотипные патроны, что усиливало их кризисную ситуацию. Кроме того, отсутствовало достаточное количество гранат, а для кавалерийских формирований отсутствовало необходимое количество сабельного вооружения [18, с. 75]. Командиры воинских частей и лично Заки Валидов просили у белого командования вооружение для боеготовых воинских частей. В частности, командир кавполка Муртазин в своем обращении к вышестоящему командованию отмечал, что «...патронов совершенно нет. Первый, второй эскадроны дерутся шашками, третий, четвертый не имеет не одной винтовки» [10, с. 124].

Наряду с вооружением не хватало обмундирования и практически все части были плохо им обеспечены. Так, катастрофически не хватало шинелей, полушубков и валенок. Известен эпизод, когда один офицер при выполнении служебных обязанностей отморозил ноги. Более стабильная ситуация была в 1-м Башкирском кавалерийском полку [9, с. 135].

Большинство воинских частей размещалось в деревнях, при этом питание и квартирное обеспечение были плохо организованы. Население данной местности не являлось зажиточным и поэтому хозяйства местных жителей не могли в достаточном количестве обеспечить войска продовольствием. В связи с этим планировалось организовать питательные пункты в ряде населенных пунктов

Авзяно – Петровском, Петровском, Мелеузе и Миндигулове. Кроме того, были созданы перевязочные пункты в Авзяно – Петровске, Воскресенске, Мелеузе, Ермолаевке.

Для того чтобы контролировать такую обширную территорию нужна была устойчивая связь, которая обеспечивала совместное взаимодействие башкирских подразделений между отдельными участками фронта. Кроме этого необходимо было поддерживать связь с другими частями белых формирований, а также и с соседними фронтами. Однако эти проблемы не решались. Через село Ермолаевка поддерживалась связь только с частями белых со стороны Бузулука. Со стороны Уфы предпринимались попытки установить связь через части, которые находились в селе Табынском. Однако к началу января между фронтами устойчивой связи установлено не было.

Следует отметить, что непосредственно на территории противостояния между частями Стерлитамакского фронта местами отсутствовала устойчивая связь. Командиры отрядов, штабы отдельных боевых участков между собой вели переговоры следующим образом. В правом фланге (северной части) имелась телеграфная связь со штабом фронта, с авангардом башкирских подразделений (село Петровское), с их обозами, размещенными в селах Кулгунино – Ново – Сеитово – Авзяно-Петровском.

В центральной части фронта связь между штабом объединения и штабом 1-го башкирского кавалерийского полка, который находился в селе Байгузино, обеспечивалась через телеграфную связь в две линии. Одна линия проходила через Кузяново – Сайраново – Байгузино и вторая через Петровское – Саляхово – Байгузино. Отправленные сообщения приходили к адресатам приблизительно за 10 часов.

¹ Трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года – являлась магазинной винтовкой принятой на вооружение Русской императорской армией в 1891 году. Название трехлинейка происходит от калибра ствола винтовки, который равен трем линиям или 2,54 мм.

Штаб левого фланга (южный участок), который находился в селе Мелеуз со штабом фронта поддерживал связь как проводную, так и телеграфную. Здесь также имелось две линии, первая линия проходила через Зигановку – Кузяново – Сайраново – Татьяновку – Воскресенское – Мелеуз. Вторая линия Зигановка – Петровское – Салихово – Байгузина – Татьяновка – Воскресенская – Мелеуз. Кроме этих видов связей войска поддерживали связь через вестовых, которые доставляли информацию верхом на лошади. По времени движения посланная телеграмма опережала конную связь. Последняя доставляла информацию только приблизительно через сутки [9, с. 136].

Башчасти на этом участке фронта вели активную оборону. Кроме оборонительных боев при каждом удобном моменте они атаковали части Красной Армии, деморализуя последних. Несмотря на меньшее количество войск, башкирские части вели маневренные действия, благодаря которой удавалось удерживать большой по протяженности фронт. Вопреки тяжелой обстановке, сложные бытовые условия и активные боевые действия, настроение в частях оставалось удовлетворительным. На этом направлении фронта, кроме боевых действий, башчасти вели активную разведку для сбора информации о противнике. На северной части фронта активно вели наблюдение в районе Табынска, на северо – западе вблизи Покровского, на западе – около Нордовки, на юго-западе вблизи Оренбурга [9, с. 137].

На Стерлитамакском фронте действовали части 20-й Пензенской и 24-й Симбирской дивизии красных [18, с. 64]. Необходимо отметить, что части Красной Армии оперативно получали из резервов

новое пополнение, что обеспечивало наращивание темпа наступления. Объединенные силы красных в это время проводили перегруппировку на Оренбургском фронте, так как предполагалось более обширное наступление. Части Красной Армии наступали с трех сторон на расстоянии Янурусово – Мелеуз от города Стерлитамак, сел Нордовка, Федоровка. Активными действиями красные хотели разъединить Стерлитамакский фронт от Уфимского и Бузулукского фронтов. Для этого они активно наступали на севере через Янурусово, на юге возле Зиргана и Мелеуза, так как этот район являлся «ахиллесовой пятой» Стерлитамакского фронта. На Нордовку части Красной Армии отправляли свои формирования через Стерлибашево, далее эти силы наступали через Зирган [7, с. 93]. В районе города Стерлитамак красные части были хорошо вооружены. Так, в самом городе имелось 3 пушки калибром 3-х дюйма¹ и одна 48-линейная пушка². Еще одна пушка была в районе Федоровке с разбитым стволом. Надо отметить, что части Красной Армии, в отличие от белобашкирских формирований, были хорошо вооружены. Они имели большое количество пулеметов, и основная часть солдат была вооружена трехлинейными винтовками.

Наступательные действия красные преимущественно вели в дневное время при поддержке пулеметов. Они передвигались в основном на подводах, что обеспечивало мобильность наступающих. На разведку боем в большинстве случаев отправляли хорошо обеспеченные группы бойцов, размещенных в 30-50 подводах. Несмотря на хорошее вооружение и оснащение, моральная обстановка в частях Красной Армии была на низком уровне и

¹ 3-х дюймовая полевая скорострельная пушка, образца 1902 года – артиллерийское орудие калибра 76,2 мм. Активно использовалась Русской императорской армией в русско – японскую, Первую мировую Гражданскую войну. Некоторые модернизированные варианты использовались в начале Второй мировой войны.

² 122-мм гаубица образца 1910 года – российская легкая полевая гаубица, которая использовалась в Первую мировую войну. Была разработана французской оружейной фирмой «Шнайдер». Состояла на вооружении в Российской императорской армии, позже в СССР и Финляндии.

многие не хотели воевать. Все это подтверждали при допросах пленные красноармейцы.

С другой стороны, состояние белобашкирских частей также было не из лучших. Растянутость и увеличение линии фронта истощало имеющиеся резервы сил. Следует отметить, что в качестве пополнения использовались две сотни 22-го казачьего Оренбургского полка, один батальон пластунского полка и одна батарея из двух орудий под командой Богрова. Медленное передвижение по Верхнеуральскому тракту не позволило ввести их в бой за короткий срок.

В это время командующим Стерлитамакским фронтом был назначен полковник Быков, который принял эту должность у полковника Назаренко. Однако большинство солдат и командиров из Башкирского войска были против назначения казачьих офицеров в качестве командующих всеми воинскими соединениями. В связи с этим было проведено совещание командиров белобашкирских частей Стерлитамакского фронта. На этом мероприятии было принято решение о назначении ротмистра Карамышева командующим данного фронта. При этом было обращено внимание на необходимость переименования названия фронта на «Башкирский фронт».

Бои на данном направлении показали необходимость усиления тыла белых. Также многие командиры башкирских частей кроме укрепления тыла обращали внимание на усиление качества связи, как между отдельными участками фронта, так и между фронтами. Илиас Алкин отмечал, что башкирские части вынуждены держать большие силы на правом фланге фронта, так как отсутствует связь со стороны Уфы и информация о силах противника была крайне скудной. Данное обстоятельство ослабляло другие части фронта, общая протяженность которого было 140-150 верст, т.е. на каждую версту в среднем приходи-

лось примерно 15 солдат. С такой расстановкой сил долго удержать фронт не получалось, поэтому из штаба Стерлитамакского фронта предлагалось для усиления тыловых частей перебросить как минимум два башкирских полка. Эти части должны были усилить резерв и в критический момент обеспечить оборону обессиленных участков фронта. Переброска частей из одного участка в другое место ввиду отсутствия железной дороги происходило медленно, поэтому необходимо было держать резервные части в тылу каждого участка фронта.

Несмотря на упорное сопротивление в результате мощной атаки 7 января 1919 г. полки Красной Армии вынудили башкирские формирования оставить занимаемый рубеж Нижнее Ташбуканово – Ишимбаево – хутор Кузнецова. Данному обстоятельству способствовал общий отход деморализованных белых частей, плохое вооружение и их численное меньшинство. Тем не менее, организованно отступая, башкирские части организовали несколько крупных боев. Один из них произошел 17 января у деревни Нукаево, где 1-й Восточный полк 24-й дивизии был разбит башкирскими частями [12, с. 152].

Таким образом, отрицательный исход боев на Стерлитамакском фронте в определенной мере способствовал появлению трещины в отношениях между командованием белогвардейскими частями и личным составом башкирских отрядов. Плохое снабжение, несвоевременная поддержка башкирских полков усугубили положение на фронте и увеличили недоверие между Башкирским правительством и руководителями белого движения. Вскоре было принято решение о переходе башкирских войск на сторону Красной Армии. В конце января прошли переговоры между представителями Советской власти и М. Халиковым от Башкирского правительства. В ходе этих первых переговоров были обозначены условия, на основе которых Башкирское правительство и

войско переходило на сторону Советов.

Вскоре 6 февраля 1919 г. из Москвы за подписью В.И.Ленина была получена телеграмма, где говорилось: «Предлагаю не отталкивать Халикова, согласиться на амнистию при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака, необходимо наряду с этим строжайше отсечь контрреволюционные элементы башкирского населения и добиться фактического контроля за пролетарской надежностью башкирских войск» [22, с. 5].

18 февраля 1919 года Башкирское правительство в селе Темясово объявило о союзе с Советской властью. Переход башкирских войск для большевиков имел во-

енно-политическое значение, а для Колчака – это была большая потеря. Колчак писал, что «...предательство Валидова принесло немало затруднений в борьбе с большевиками на Оренбургском фронте» [19, с. 3]. Уход башкирских войск на сторону Красной армии ослабил позиции белых на фронте. Таким образом, события на Стерлитамакском фронте и ряд других обстоятельств ускорили переход Башкирского правительства и войска на сторону Советской власти. Этот фронт испытал вновь созданное Башкирское войско на прочность, предоставил возможность перенять опыт ведения боевых действий, как у белых, так и у красных.

Список литературы

1. Аминев З. А. Октябрьская Социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917 -1919 гг.). Уфа, 1966 г. 346 с.
2. Военная история Башкир. Уфа, 2013. 256 с.
3. Касимов С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). Уфа, 1997. 115 с.
4. Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение(1917-1920 гг.). Уфа, 2000. 130 с.
5. Легендарный рейд. / Сост. Б. Г. Верховень, В. В. Душенькин, В. С. Русяев. М.: Госполитиздат, 1959. 30 с.
6. Национальный архив Республики Башкортостан Ф. 10267, Оп. 1, Д. 5, Л. 2.
7. НА РБ Ф. 10311, Оп. 1, Д. 1, Л. 93.
8. НА РБ Ф. 10311, Оп. 1, Д. 2, Л. 155,160.
9. НА РБ Ф. 10311, Оп. 1, Д. 3, Л. 134-137.
10. НА РБ Ф. 10311, Оп. 1, Д. 6, Л. 124.
11. НА РБ Ф. 1832, Оп. 3, Д. 162, Л. 18-19.
12. НА РБ Ф. 9776, Оп. 2, Д. 7, Л. 152.
13. НА РБ Ф. Р-78, Оп. 1, Д. 3, Л. 16.
14. НА РБ Ф.П-1832, Оп. 4, Д. 397, Л. 50.
15. Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу. Свердловск. Средне – Уральское книжное издательство, 1978. 112 с.
16. Плотников И.Ф. Десть тысяч героев. М.: Издательство «Наука», 1967. 84 с.
17. Российский государственный военный архив Ф. 37 976, Оп. 8, Д. 318-233, Л. 2.
18. РГВА Ф. 40786, Оп. 1, Д. 24, Л. 64,75.
19. Самсонов В. К. На пути к возрождению. Омск, 1920. 3 с.
20. Юлан А. Легендар комбриг Муса Муртазин // Йэшлек. 2006 . № 19. С. 7. (на башк. яз.).
21. Ярмуллин А.Ш. Искандар Солтанов // Киске Офо. 2009. № 9. С. 7. (на башк. яз.).
22. Ярмуллин А.Ш. Рождение Башкирской республики: 20 марта 1919 года было подписано Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством об образовании Автономной Советской Башкирской Республики // Молодежная газета.

19 марта 2009. С. 5.

23. Ярмуллин А.Ш. Федератив даулат королюшона нигез халган республика // Йэшлек. 2007. № 133. С. 5. (на башк. яз.).

BASHKIR TROOPS ON THE STERLITAMAK FRONT 2ND HALF 1918 TO BEGINNING 1919

The article is devoted to the participation of the Bashkir army on the Sterlitamak front during the Civil War. The author set the task to consider in detail the events on this front. He gave a brief overview of the participation of the Bashchast in the battles against the Red Army on the side of the Whites. The events on the Sterlitamak front, where fierce battles took place between the White Bashkirs and the Red units, were particularly carefully analyzed. The study of this problem helps to reveal in more detail the little-known pages of the Civil War in Bashkortostan. The forces, condition and equipment of the Bashkir troops participating in the battles on this front are described in detail. The author focuses on the Bashkir troops, despite their serious condition, which successfully held the defense at the front, attracting large forces of the Red Army. On the basis of the report of the Chief of staff of the Sterlitamak Front, the winter events of 1919 were restored. The characteristic features of the Bashkir troops are highlighted and described. The actions on this front were one of the decisive moments of the Civil War on the territory of Bashkortostan. In conclusion, it is concluded that the fighting on this front partially led to the process of transition and further choice of the path to create the autonomy of Bashkortostan. The chronological framework of the events covered in this publication covers the period from the second half of 1918 to the beginning of 1919, the period of active battles of the Civil War on the territory of Bashkortostan.

Keywords: Civil War, Sterlitamak front, M. L. Murtazin, defense, Belobashkir units, Red Army, Bashkortostan, armament, Bashkir government.

References

1. Aminev Z. A. (1966). The October Socialist revolution and the Civil War The war the war in the singular (1917 -1919) [The October Socialist Revolution and the Civil War in Bashkiria (1917-1919)]. Ufa. 346 s.
2. The Preachy history of Bashkir [Military history of the Bashkirs]. (2013). Ufa. 256 s.
3. Kasimov S. F. (1997). Autonomy of Bashkortostan: the formation of a stationary group of the Bashkir district (1917-1925) [The Autonomy of Bashkortostan: the formation of the national statehood of the Bashkir people (1917-1925)]. Ufa. 115 s.
4. Kulsharipov M. M. (2000). Bashkir budget movement(1917-1920) [Bashkir National Movement(1917-1920)]. Ufa. 130 s.
5. Light raid [Legendary Raid]. / Chas. B. G Verkhoven', V. C Dulkan, V. C. Rusyaev. (1959). M.: Consecration. 30 s.
6. National archive of the Republic of Bashkortostan [National Archive of the Republic of Bashkortostan] F. 10267, Op. 1, d. 5, l 2.
7. NOT RB F. 10311, Op. 1, d. 1, l 93.
8. NOT RB F. 10311, Op. 1, d. 2, l 155,160.
9. NOT RB F. 10311, Op. 1, d. 3, p. 134-137.
10. NOT RB F. 10311, Op. 1, d. 6, l 124.
11. NOT RB F. 1832, Op. 3, d. 162, l. 18-19.
12. NOT RB F. 9776, op. 2, d. 7, l. 152.
13. NOT RB F. S-78, Op. 1, d. 3, l. 16.
14. NOT RB F. P-1832, Op. 4, d. 397, l. 50.
15. Plotnikov I. F. (1978). In the White Guard soap [In the White Guard rear]. Sverdlovsk. Secondary-Ural book. 112 s.
16. Plotnikov I. F. (1967). Ten one thousand characters [Ten thousand heroes]. M.: Publishing House "Nauka". 84 s.

17. Felt Russian state archive [Russian State Military Archive] F. 37 976, Op. 8, d. 318-233, L. 2.
18. Rsma F. 40786, Op. 1, d. 24, l. 64,75.
19. Samsonov V. K. (1920). On the way to excitement [On the road to rebirth]. Omsk. 3 s.
20. Yulan A. (2006). Legendar kombig Musa Murtazin [Legendary Brigade Commander Musa Murtazin] // Yeshlek. 19. S. 7. (not the tower exactly.).
21. Yarmullin A. S. (2009). Iskandar Soltanov [Iskandar Soltanov] // Kiske Ofo. 9. S. 7. (not the tower. exactly.).
22. Yarmullin A. S. (2009). Christmas of the early Republic: on March 20, 1919, the agreement of the centralized Soviet government with the Bashkir government on the formation of the Autonomous Bashkir Republic was signed [The birth of the Bashkir Republic: On March 20, 1919, the Central Soviet Government signed an agreement with the Bashkir Government on the formation of the Autonomous Soviet Bashkir Republic] // Youth Soviet. March 19. S. 5.
23. Yarmullin A. S. (2007). Federal daulat producer Egan publicist [A republic in a federal state structure] // Yeshlek. 133. S. 5. (not the tower. exactly.).

Об авторе

Гафаров Азат Загирович – аспирант, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: azat.gafarov@yandex.ru

Gafarov Azat Zagirovich - Post-graduate student, Bashkir State University (Russia), E-mail: azat.gafarov@yandex.ru

Григорьев А.М., аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА БАШЕН ХОРЫ ХЕРСОНЕСА: ФОРТИФИКАЦИЯ ИЛИ АНТИСЕЙСМИКА?

В статье рассматривается вопрос о назначении дополнительных поясов башен, которые возводились на памятниках ближней и дальней хоры Херсонеса Таврического в III – II вв. до н.э. В обыденном понимании данные архитектурные элементы служили для усиления конструкций стен и башен, однако о причинах и назначении такого усиления в отечественной историографии на сегодняшний день отсутствует единое мнение. Практически все исследователи, в той или иной мере обращавшиеся к данному вопросу, сходятся на их «противотаранном» (т.е. фортификационном) или антисейсмическом назначении. В связи со значительным накоплением археологических данных как в России, так и за рубежом, представляется возможным рассмотреть это архитектурное явление в более широких временных и географических рамках, а также приобщить к решению данной проблемы факты, которые прямо или косвенно могут свидетельствовать и о других причинах возникновения этих архитектурных элементов. Данное исследование базируется на рассмотрении аналогий к исследуемым архитектурным объектам – близких по своей конструкции строительных остатков, зафиксированных на территории Восточного Крыма. Таким образом, расширенная география и хронология исследуемого архитектурного явления позволяют получить новые теоретические обобщения.

Ключевые слова: Херсонес, античная фортификация, городище, Северное Причерноморье, хора, противотаранные пояса, башни.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-29-46

На протяжении всей истории изучения поселенческих памятников хоры Херсонесского государства исследователями уделялось внимание так называемым «противотаранным поясам» или «панцирям», которые пристраивались к внешним периметрам башен или же к отдельным участкам внешних стен поселений. По своему виду эти сооружения представляли собой дополнительные ряды каменной кладки, как правило, пирамидальной в разрезе формы. В частности, такие сооружения отмечены в строительных остатках усадеб ближней хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове и на поселениях дальней хоры в Северо-Западном Крыму – на городищах Калос Лимен, Беляус, Кульчук. Время их возникновения в архитектуре херсонесской хоры относится исследователями к широкому интервалу – с конца первой трети III в. до н.э. до второй половины – конца II в. до н.э., что с наибольшей вероятностью может соотноситься с кризисными явлениями на территории древней Таврики,

вызванными активизацией скифских племен, оттесненных сарматами из степей Северного Причерноморья, и вынужденных отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове [1, с. 100]. Переломный момент в истории Херсонесских укреплений и сельскохозяйственных поселений относится исследователями к 270-260-м гг. до н.э. В ближайших окрестностях Херсонеса отмечается гибель сельскохозяйственных усадеб [13, с. 84] [22, с. 292-293], на территории его дальней хоры также отмечались разрушения усадеб и укреплений [25, с. 75-79].

Данный коллапс, явившийся началом затяжного военно-политического кризиса, сопровождался весьма своеобразной строительной деятельностью на большинстве херсонесских поселений, причем в несколько последовательных периодов. Одним из явлений в архитектуре Херсонесского государства времени скифо-херсонесских войн стало возведение обозначенных выше дополнительных поясов башен и стен.

На Гераклейском полуострове интересные нас сооружения наиболее полно исследованы на усадьбах наделов 9, 10 и 86. Усадьба на наделе 86 (Рис. 1) существовала с III в. до н.э. по III в. н.э. и неоднократно перестраивалась. Самая крупная ее перестройка связана с возведением башни в ее западном углу. Первоначальные размеры башни составляли 6,60 х 9 м, а толщина стен – 0,85 – 0,95 м. Во второй половине II в. до н.э. башня была обнесена мощным поясом из крупных блоков, имевшим расширение к подошве. Таким образом, толщина стен башни в ее нижней части стала достигать 2,75 м, и в таком виде башня сохранилась до момента ее гибели в III в. н.э. [16, с.170].

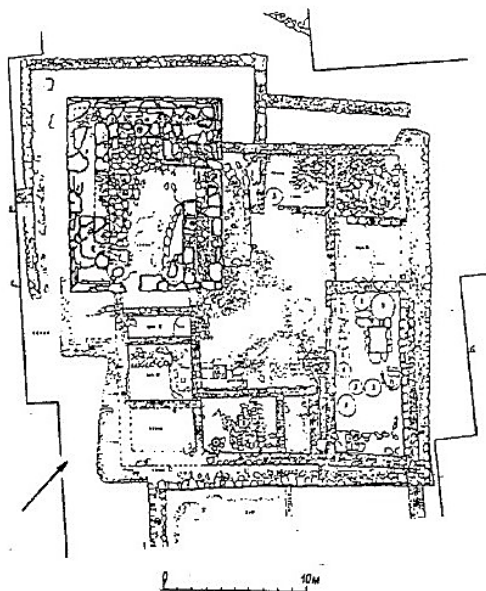

Рис. 1. План усадьбы на наделе 86 (по И.Т. Кругликовой, 1983).

Усадьбы наделов 9 и 10 (Рис. 2) на Гераклейском полуострове возникли одновременно в конце IV или в начале III в. до н.э. Время пристройки к ним дополнительных поясов по И.Т. Кругликовой – II в. до н.э. В результате этого толщина их стен увеличилась с 0,7-0,8 м до 2,5 м на наделе 9 и до 2,00 м на наделе 10. При этом стены башен, которые выходили во внутренний двор усадьбы, также укрепились [16, с. 173]. Кроме того, отмечено, что такими поясами усиливались не

только башни, но иногда и стены усадеб.

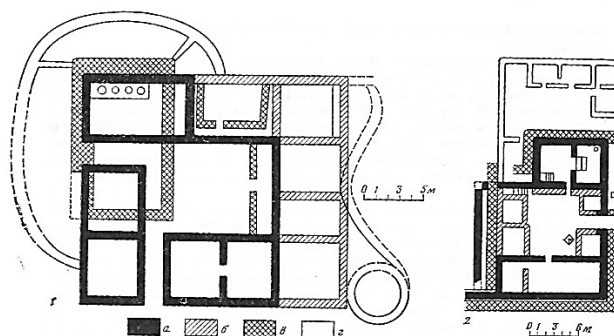

Рис. 2. Планы усадеб наделов 9 и 10 (по И.Т. Кругликовой, 1986).

На городище Беляус в Северо-Западном Крыму дополнительные пояса имеют две башни - Башня 1 и Башня 2 (Рис. 3, 4). Комплекс укрепленных усадеб Беляуса датируется исследователями концом IV – началом II в. до н.э. [25, с. 60-64] [10, с. 255-256]. Возникновение дополнительного пояса Башни 1 О.Д. Дашевская датировала временем не позднее II в. до н.э. [7, с. 89]. Пояс Северо-Западной (башни 1) состоит из забутовки, прилегающей непосредственно к первоначальным стенам башни и огромных панцирных блоков, грубо обработанных и достигающих в длину по горизонтали 1,5 м. Характерной особенностью панциря является его пирамидальность, которая достигается сужением рядов кладки кверху и скошенностью наружной боковой грани камня. Толщина указанного панциря вместе с забутовкой достигает в основании 1,70 м, в верхнем ряду – 1,40 м. Наибольшая высота сохранившейся части пояса достигает 1,30 м. Примечательно, что с южной стороны башни никаких следов дополнительного пояса выявлено не было [7, с. 90]. Также О.Д. Дашевская отмечает, что в строительстве дополнительного пояса башни были вторично использованы рустованные квадраты первого строительного периода, которые, вероятнее всего происходили из верхних ярусов кладки, после чего дополнительно укрепленная башня уже не достигала прежней высоты [7, с. 89-90].

Северная усадьба городища Беляус

имела башню (Башня 2), первоначально возведенную в III в. до н.э. [8, с. 287]. Появление второго пирамидального пояса башни О.Д. Дашевская относит к концу II в. до н.э. При этом, автор раскопок отмечает, что после его возведения вся усадьба была расширена к северу и к востоку, и, таким образом ее площадь увеличилась втрое, а башня оказалась в её центре [9, с. 267-268]. Стоит учесть, что в первом строительном периоде башня выступала за линию северной внешней стены городища на половину своей длины, и, таким образом, могла иметь оборонительное значение, обеспечивая фланкирующий обстрел пространства перед северным въездом. Из этого следует, что строительные мероприятия конца III – начала II в. до н.э. вряд ли были связаны с усилением оборонительного потенциала башни, в частности ее противотаранной защиты. То же самое можно сказать и о первой башне (юго-западной). Нельзя не отметить ее близкое расположение к морю и наличие с южной стороны башни комплекса подпорных сооружений, выявленного под песком пляжа. Данное сооружение подпирало фундамент Башни 1. Образованная эти архитектурным приемом площадка, подстилающая башню, выступала на 3 м к югу от ее фундамента. По

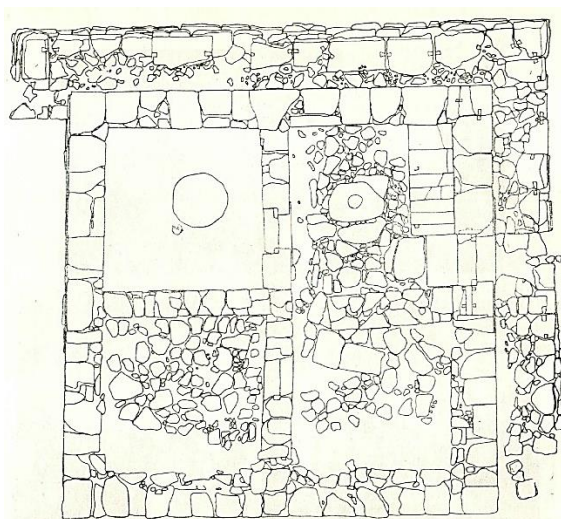

Рис. 3. План Башни 1 на городище Беляус (по: Дашевская О.Д., Голенцов А.С., 2004).

данным О.Д. Дашевской высота этой конструкции в древности составляла 3,30 м. [10, с. 88]. С учетом этих обстоятельств, говорить о необходимости усиления здесь защитных против стенобитных орудий не представляется возможным, так как подход к этой башне с юга или с запада и без того был затруднительным.

Башня укрепленной усадьбы на городище Кульчук (**Рис. 5**) была построена во второй половине III в. до н.э. Первоначальная толщина ее стен равнялась 1,0 м. Позже к ним со всех сторон был пристроен усеченно-пирамидальный пояс из громадных блоков, шириной в основании около 2,5 м. В некоторых местах он сохранился почти на первоначальную высоту – около 3 м. По стратиграфическим наблюдениям С.Б. Ланцова, произведенным снаружи башни, складывается впечатление, что этот пояс был сооружен в конце II в. до н.э. До этого в историографии изучения всех аналогичных башен херсонесского государства считалось, что они возникли в конце III – начале II в. до н.э. в начальный период одного из этапов скифо-херсонесских войн [18, с.75-77]. Ранее дата сооружения пояса Кульчукской башни определялась А.С. Голенцовым серединой III в. до н.э. [5, с. 50-52].

Рис. 4. Башня 2 городища Беляус (по Смекаловой Т.Н., 2017).

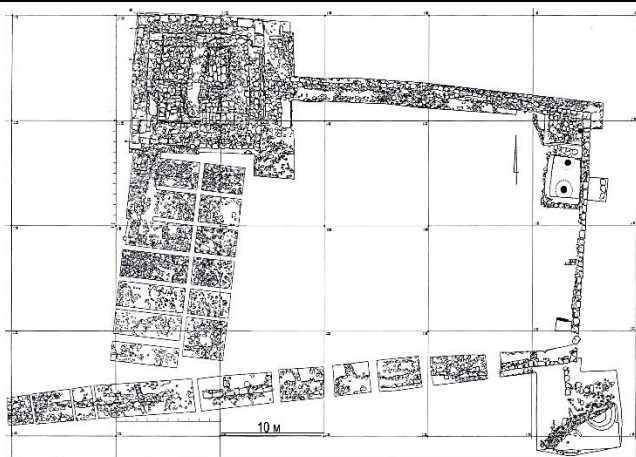

Рис. 5. Башня укрепленной усадьбы на городище Кульчук (по С.Б. Ланцову, 2010).

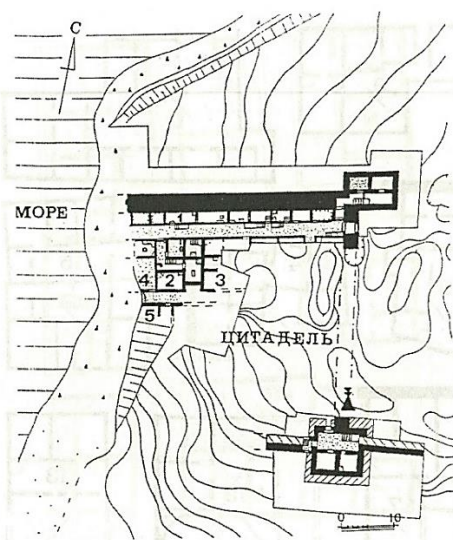

Рис 6. План цитадели Калос Лимена (по Уженцеву В.Б., 2006).

В Калос Лимене возведение дополнительных поясов башен связано со вторым строительным периодом укреплений – второй третью III – первой половиной II в. до н.э., что связано с повышением обороноспособности города [23, с. 42] Более ранние башни крепостного обвода продолжали функционировать вплоть до II в.

до н.э., и лишь одна, в западной части южной оборонительной стены подверглась перестройке – к ней был пристроен дополнительный пирамидальный пояс (**Рис. 6, 7.**), который по строительной технике идентичен сооружениям на городище Беляус. В.Б. Уженцев датировал его первой половиной II в. до н.э.

Рис.7. Калос Лимен. Дополнительный пояс башни (фото автора, 2016).

Помимо башни в обновленном крепостном обводе Калос Лимена дополнительным внешним панцирем обносятся куртины, отходящие от восточных ворот. Ширина этого панциря составляла 0,75 – 0,84 м. Однако, наибольшая сохранившаяся его высота представлена всего одним рядом каменных блоков [17, с. 49], что не позволяет в полной мере оценить замысел древних строителей.

До начала масштабных исследований поселений отдаленной хоры в Северо-Западном Крыму данные сооружения рассматривались В.Д. Блаватским и С.Ф. Стржлецким как таврский компонент в местной строительной традиции [20, с. 113, 162]. Основанием для такой атрибуции поясов послужило использование в кладке крупных (до 1,50 м длиной) блоков и низкое качество их обработки и пригонки по месту.

Новая интерпретация дополнительных поясов возникла с открытием аналогичного панциря на юго-западной башне городища Беляус [6, с. 246-255]. А.Н. Щеглов, обратившись к вопросу о назначении пирамидального пояса, установил факт более поздней его пристройки к уже существующей башне, и пришел к выводу о его противотаранном назначении. Также А.Н. Щеглов дополнительно обследовал сохранившиеся остатки усадеб Гераклеяского полуострова и установил, что «те башни, стены которых пирамидальны, имеют два строительных периода» [25, с. 74] и «пирамидальность – результат дополнительного укрепления нижней части», что и привело его к выводу о том, что это «дополнительные противотаранные пояса» [24, с. 61].

В то же время А.Н. Щеглов допускает, что «скифы достаточно хорошо знали принцип действия стенобитных орудий, и что в их войске оно были применялись при осаде крепостей [25, с. 74.]. Так, гипотеза А.Н. Щеглова была принята в отечественной науке и получила полное признание. С осторожностью к атрибуции дополнительных поясов относилась И.Т.

Кругликова, отмечая в то же время, что подобные конструкции могли использоваться для усиления стен башен в связи с их достройкой на наибольшую высоту [16, с. 173-174].

Новые теоретические обобщения к вопросу о назначении дополнительных поясов башен и стен в связи со значительным накоплением археологических данных были представлены В.М. Ивановым в специальной работе [15, с. 100-122]. В статье приводится ряд весомых доводов в пользу антисейсмической функции рассматриваемых сооружений, при этом подчеркивается, что они не только не были противотаранными, но и фортификационными вообще [15, с. 111]. К этой позиции были приведены следующие аргументы:

1) Угловые блоки прямоугольных конструкций могли быть легко выбиты тараном, что повлекло бы дальнейшее разрушение кладки, следовательно, такое их применение было бы нецелесообразным. При этом угловые блоки херсонесскими строителями не скруглялись [15, с. 102].

2) Высота некоторых сохранившихся поясов достигает почти двух метров и тем самым перекрывает «рабочую высоту» тарана, что также, по мнению автора, приводит к выводу о нецелесообразности возведения такой конструкции в качестве противотаранной.

3) Аналогии подобным сооружениям неизвестны в метрополии. В данном утверждении В.М. Иванов ссылается на монографию А.У. Лоуренса [26], в которой подробно иллюстрируются все известные приемы греческого фортификационного зодчества. Кроме того, автор указывает на отсутствие упоминания рассматриваемых сооружений в наставлениях античных полiorкетиков – Филона, Витрувия, Аполлодора, Афинея Механика.

4) Еще одним аргументом в пользу невоенного назначения поясов, по мнению В.М. Иванова, является топография раскопанных усадеб ближней хоры Херсонеса. В данном случае «размежеванная

и превращенная в сплошную зону интенсивного виноградарства территория полуострова представляла собой прекрасный «укрепрайон», так что крайне маловероятной выглядит возможность нападения противника на указанные усадьбы» [15, с. 112].

5) Исследователь ссылается на надежные данные об опасности землетрясений, имевших место в античном Крыму в пределах второй четверти III в. до н.э., ссылаясь на работу В.П. Толстикова, посвященную этому вопросу [21, с. 73].

Проведенное В.М. Ивановым исследование содержит весьма убедительные аргументы в пользу невоенного назначения дополнительных поясов башен. Однако, представляется возможным взглянуть на это архитектурное явление гораздо шире, не ограничиваясь исключительно территорией Херсонесского государства и периодом III-II вв. до н.э. кроме того, в изучении данного предмета хотелось бы выйти за рамки военно-архитектурного или сейсмо-архитектурного анализа и перейти к поиску иных, несомненно утилитарных мотивов возведения дополнительных поясов древними строителями.

Возвращаясь к вопросу о сейсмической активности Северо-Западного Крыма в античное время, хотелось бы отметить, что по крайней мере следы двух разрушительных землетрясений относились исследователями в середине IV и в конце II в. до н.э. [19, с. 22-46]. Отсюда возникает вопрос, насколько возведение дополнительных поясов башен совпадало во времени с отмеченными периодами сейсмической активности. Рассмотренные выше пояса трех усадеб Гераклеяского полуострова, Кульчука, Беляуса и Калос Лимена были датированы их исследователями в пределах II в. до н.э. К концу II в. до н.э. относятся только пояса Беляуса и Кульчука (см. Таблицу 1). При этом,

как уже отмечалось В.М. Ивановым, следы сейсмических разрушений отмечались в Восточном Крыму и в III в. до н.э. (в Пантикапее). Таким образом, данный аргумент в пользу антисейсмического назначения дополнительных поясов башен представляется достаточно веским.

Нельзя оставить без внимания и положение дополнительных поясов в планировочных структурах поселений. Так, например, многие башни, стены которых усиливались, не играли прямой роли оборонительных сооружений, то есть не располагались на позициях фланкирующей защиты внешнего периметра стен или ворот как например Башня 2 на Беляусе или башни усадеб Гераклеяского полуострова¹.

Однако, категорически исключать фортификационное (а может быть и ремонтно-восстановительное) назначение дополнительных поясов стен и башен в пользу антисейсмического представляется не совсем обоснованным. В ходе исследований последних 10-15 лет аналогичные сооружения были открыты и в восточной части Крымского полуострова. В своем большинстве они имеют расположение на внешних периметрах оборонительных стен и башен, а их постройка связывается исследователями с мероприятиями по усилению оборонительного потенциала крепостных обводов. При этом данное явление в Восточном Крыму имеет достаточно широкие временные рамки – с III в. до н.э. до III в. н.э. Подобные конструкции исследованы на городищах Белинское, Ак-Кая, Артезиан, Илурат.

Ю.П. Зайцев отмечал масштабную реконструкцию оборонительных сооружений городища Ак-Кая в середине III в. до н.э. [12, с. 170]. Среди характерных черт перестроек этого времени был выделен и «специфический способ усиления стен путем пристройки дополнительных поясов» [12, с. 171].

¹ Информация о положении сооружений с дополнительными поясами в планировочных структурах поселений приведена ниже в Таблице 1.

На городище Артезиан на бастионе, пристроенном к южной оборонительной стене крепости основание было укреплено по внешнему периметру дополнительным поясом, (*Рис. 8*) сложенным из бутовой кладки из массивных плит и блоков,

скрепленных глиной. Как отмечает Н.И. Винокуров, «вероятно этот пояс выполнял антисейсмические и противотаранные функции [4, с. 190]. При том, отмечается, что его возведение производилось поверх слоя пожара 45-46 гг. н.э. [4, с.171].

Рис. 8. Бастион с «противотаранным поясом» на городище Артезиан (по Винокурову Н.И., 2018)

Еще один «противотаранный» пояс был выявлен на городище Илурат. Он был пристроен к юго-восточной оборонительной стене крепости в третьем строительном периоде поселения и датируется концом II в. до н.э. (*Рис. 9*) Данное сооружение прослеживается на всем протяжении стены – около 200 м. Толщина панциря составляла 4,0 м. Он состоит из пяти рядов кладки высотой до 1,7 м, сложенной под углом 67 градусов от основания [1, с. 234].

Аналогичного рода сооружение было возведено и в более позднее время

на Белинском городище в Восточном Крыму. В ходе перестроек крепостного обвода III в. н.э. к западной башне пристраивается противотаранный пояс пирамидальной или усеченно-конической формы (*Рис. 10*). Его ширина составляет 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки – 1,9 м. Материал кладки представлен крупными необработанными камнями. По утверждению авторов раскопок, сооружение этой конструкции было связано с варварскими набегами в III в. н.э. [14, с. 183].

Дополнительные пояса сооружений на территории Крыма

Памятник	Дата	Строительная техника	Расположение	Примечание
<u>Усадьба 86</u>	Вторая половина II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
<u>Усадьба 9</u>	II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
<u>Усадьба 10</u>	II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Расположена на размежеванной с/х территории
<u>Беляус</u>	Конец II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	На двух башнях	Расположение башен не предполагает активной обороны
<u>Кульчук</u>	Конец II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня усадьбы 2	Положение башни на плане комплекса фланкирующее
<u>Калос Лимен</u>	Первая половина II в. до н.э.	Регулярная постелистая кладка из обработанных блоков	Башня	Входит в комплекс сооружений т.н. «Цитадели»
<u>Ак-Кая</u>	Середина III в. до н.э.	Иррегулярная, бутовая кладка	Оборонительные стены	Локальные достройки оборонительной системы
<u>Артезиан</u>	I в. н.э.	Иррегулярная бутовая кладка	Бастион цитадели	Расположен на слое пожара 45-46 гг. н.э.
<u>Илурат</u>	II в. н.э.	Регулярная рядовая, постелистая кладка из обработанных блоков	Оборонительная стена	Отмечен ряд мероприятий по усилению обороноспособности
<u>Белинское</u>	III в. н.э.	Иррегулярная бутовая кладка	Башня	Перестройка или ремонт в ходе военных конфликтов III в. н.э.

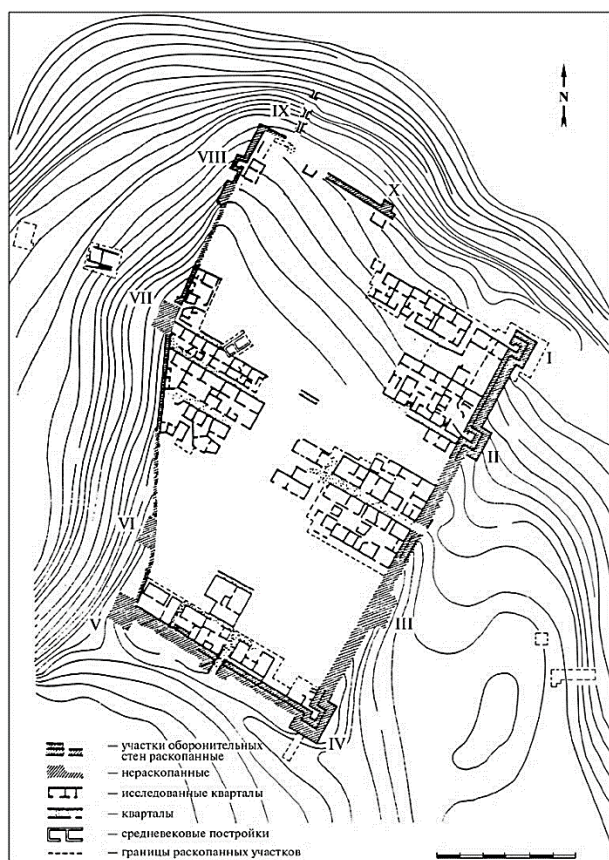

Рис. 9. План Крепости Илурат I-III в.
(по: Виноградов Ю.А.,
Горнчаровский В.А., 2008).

Рис. 10. Противотаранный пояс западной башни на городище Белинское
(по: Зубарев В.Г., Ярцев С.В.,
Смекалов С.Л., 2019).

Приведенные аналогии из Восточного Крыма, хоть и более поздние, убедительно демонстрируют иные замыслы древних строителей кроме как усиление построек против разрушительной силы землетрясений, хотя, при этом не возникает никакого сомнения в том, что это природное явление было им хорошо знакомо. Резонно будет предположить, что на представленной группе памятников усиление дополнительными конструкциями стен и башен могло иметь как оборонительные функции, так и быть результатом ремонтно-восстановительных работ после военных или иных разрушений. Как бы то ни было, эти пояса по своей сути могли служить надежными контрфорсами для стен, которые могли утратить свою первоначальную устойчивость. Кроме того, обозначенное выше мнение И.Т. Кругликовой о том, что они могли усиливать основание башен для увеличения их высоты путем пристроек, представляется вполне рациональным.

Ранее В.М. Иванов отмечал, что аналогии «противотаранных» поясов отсутствуют на памятниках метрополии. В действительности не представляется возможным отыскать что-то подобное на территории материковой и островной Греции или в Малой Азии. Однако, на сегодняшний день имеются данные, которые могут говорить об экстерриториальности и универсальности этого архитектурного приема. В этом отношении довольно значима недавняя работа Э. Перона Д' Артура, посвященная башенным комплексам Палестины первых веков нашей эры [27]. В статье рассмотрены 23 башенных комплекса, представляющих собой модели эллинистических укрепленных усадеб. Анализируя функции и окружающий башни контекст, исследователь видит в них пункты для наблюдения за сельскохозяйственными владениями, жилища, а также своего рода пункты безопасности для спасения от внешних угроз. При этом, автор акцентирует внимание на том, что рассмотренный

им ряд памятников не имел прямого военного назначения [27, с. 277]. Из 23 рассмотренных в работе архитектурных комплексов, по меньшей мере пять из них имели дополнительные утолщения по периметрам башен, в частности это Хорват-Элек, Кумран, Офарим, Руджум Эль-Хаамири, Арозэр (**Рис. 11**) [27, с. 306].

В Хорват-Элеке внешний пояс башни возвышается на 1,10 м и представляет собой строго вертикальную конструкцию, на других же памятниках (Кумран, Офарим) он образует усеченную пирамиду. Данную форму палестинских поясов Э. Перон Д' Артур сравнивает как раз с пирамидальными сооружениями Крыма. Конструкции возведены из грубо обработанных блоков среднего или крупного размера. Автор статьи также отмечается, что толщина этих конструкций варьируется от 2 до 4 м, но редко бывает одинаковой. При этом на внешних периметрах поселений их толщина значительно больше, чем на стенах башен, выходящих во внутренний двор усадьбы или на внутреннюю территорию комплексов [27, с. 306]. Точной позиции относительно назначения этих сооружений не приводится.

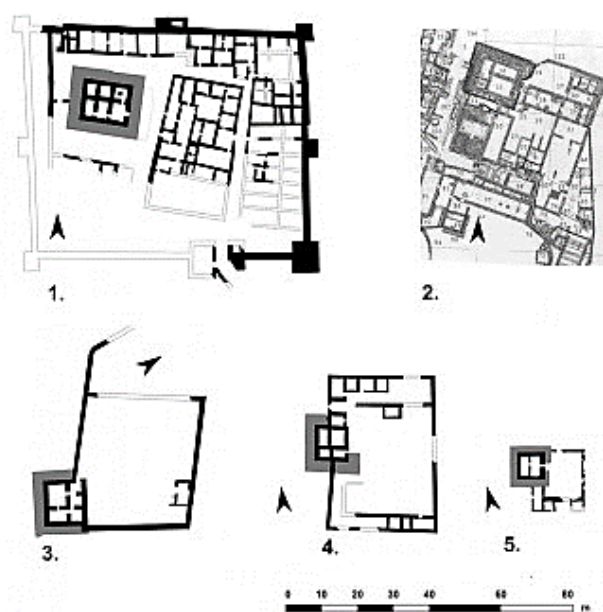

Рис. 11. Башенные комплексы в Палестине (по Э. Перон Д' Артуру, 2014).

1 – Хорват-Элек, 2 – Кумран, 3 – Арозэр, 4 – Руджум эль-Хаамири, 5 – Офарим.

Подводя итог, следует заключить, что дополнительные пояса башен, а в отдельных случаях и стен не представляют собой исключительного явления, характерного только для памятников хоры Херсонеса эллинистического времени. За последние годы произошло значительное накопление археологических данных и для Восточного Крыма, а кроме того, подобные сооружения были выявлены на территории Палестины. Приведенные в данной работе аналогии имеют более поздние датировки, что, однако, только подчеркивает широту рассматриваемого явления во времени и пространстве.

При оценке этого архитектурного приема следует учесть всю совокупность обстоятельств, которые были проанализированы исследователями в рамках отдельных памятников. Таким образом, складывается весьма непростая картина, так как были зафиксированы случаи и усиления

обороноспособности крепостных обводов, и синхронность с сейсмической активностью (во II в. до н.э. в Северо-Западном Крыму), и даже случаи бытования подобных сооружений поверх слоя пожара. Нет никакого сомнения в том, что дополнительные пояса усиливали конструкции башен, выполняя роль своего рода контрфорсов. Исходя из этого можно предположить, что мы имеем дело с явлением куда более универсальным, чем просто принятие антисейсмических или фортификационных мер. В отдельных же случаях будет справедливо рассматривать строительство дополнительных поясов как часть мероприятий по ремонту или достройке башен. То есть, с этой позиции данные сооружения могут служить своего рода «заплатками» для поврежденных кладок стен. При этом нельзя исключать роль контрфорсирования или усиления нижних рядов кладок для повышения этажности башен.

Список используемых сокращений

АО – Археологические открытия

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

СА – Советская археология

СЗКАЭ – Северо-Западный Крым в античную эпоху

Список литературы

1. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Москва, 1953, 216 с.
2. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в до н.э. – середина III в. до н.э.). Санкт-Петербург, 2008, 332 с.
3. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва, 1990, сс. 310-371.
4. Винокуров Н.И. Проблемы фортификации античного городища Артезиан: гипотезы и реалии // Боспорский феномен 2018, Часть 1. Санкт-Петербург, 2018, сс.188-195.
5. Голенцов А.С. Фортификации городища Кульчук // Фортификация в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 1995, сс. 50-52.
6. Дашевская О.Д., Щеглов А.Н. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА, 1965, №2, сс. 246-255.
7. Дашевская О.Д. Античная башня на городище Беляус // КСИА, 1969, вып. 116, сс. 85-93.
8. Дашевская О.Д. Раскопки городища и некрополя Беляус // АО 1976, сс. 287-288.
9. Дашевская О.Д. Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции // АО 1979,

сс. 267-268.

10. Дашевская О.Д. Раскопки Белуса и Западно-Донузлавского городища // АО 1982, сс. 255-256.

11. Дашевская О.Д. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1993, сс. 86-90.

12. Зайцев Ю.П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (Эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Москва, 2015, сс. 164-173.

13. Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории сельских усадеб на Гераклеяском полуострове // Древнее Причерноморье: материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса, 1990, сс. 71-89.

14. Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. Варварский компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II – V вв. н.э. (на примере городища Белинское) // Боспорские исследования XXXVIII, 2019, сс. 179-204.

15. Иванов В.М. О назначении дополнительных поясов сооружений херсонесской хоры // Проблемы истории, филологии, культуры, №13, 2003, сс. 100-122.

16. Кругликова И.Т. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеяского полуострова // Проблемы античной культуры. Москва: «Наука», 1986, сс. 168-175.

17. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994, сс. 44-70.

18. Ланцов С.Б. Краткий обзор исследований Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ // Калос Лимен: Музей и заповедник. Симферополь, 2012, сс. 73-89.

19. Никонов А.А. Древние разрушительные землетрясения в Херсонесе и их значение в оценке долговременной сейсмической опасности Юго-Западного Крыма // Вопросы инженерной сейсмологии, Т.42, №2, 2015, сс. 17-50.

20. Стржлецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961, 247 с.

21. Толстиков В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Санкт-Петербург, 1999, сс. 72-75.

22. Тюрин М.И., Лесная Е.С. Кризисные явления в округе Херсонеса в III в. до н.э.: к вопросу о хронологии усадеб Гераклеяского полуострова // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции. Часть 2. Санкт-Петербург, 2020, сс. 292-299.

23. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной гавани. Симферополь, 2006, 248 с.

24. Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976, 176 с.

25. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, Изд-во «Наука», 1978, 156 с.

26. Lawrence A.W. Greek aims in fortification. – Oxford, Clarendon Press, 1984, 483p.

27. Peron-d'Harcourt. A. Édifices ruraux à tour de Palestine hellénistique: parallèles à Qumrân // Syria. Arheologie, art et histoire, 91, 2014, pp. 277-318.

ADDITIONAL BELTS OF CHORA TOWER OF CHERSONESSOS: FORTIFICATION OR ANTISEISMIC?

The article discusses the question of the appointment of additional belts, which were erected on the sites of Chersonesos Chora in the III-II centuries BC. In ordinary sense, these architectural elements served to strengthen the walls and towers, however, for today in Russian historiography there is no consensus about the reasons and purpose of such strengthening. Almost all of researchers, who have addressed this case, agree with

on their “anti-ram” (ie fortification) or anti-seismic purpose. In connection with the significant accumulation of archaeological data both in Russia and abroad, it seems possible to consider this architectural phenomenon in a wider time and geographical framework, as well as to attach some facts that may indicate other reasons for the emergence these architectural elements. This research based on the consideration of analogies to the studied architectural objects - construction remains similar in design, recorded in the territory of the Eastern Crimea. Thus, the expanded geography and chronology of the architectural phenomenon allows one to obtain new theoretical generalizations.

Keywords: Chersonesos, ancient fortifications, settlement, Northern Black Sea Coast, anti-ram belts, towers.

References

1. Blavatskij V.D. (1953) *Zemledelie v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya* [Agriculture in ancient states of Northern Black Sea Coast]. Moscow, 216 p.
2. Vinogradov Yu.A., Goroncharovskij V.A. (2008) *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmerijskogo (VI v do n.e. – sredina III v. do n.e.)* [Military history and warfare of Kimmerian Bosporus VI B.C. – middle of III B.C.]. St. Petersburg, 332 p.
3. Vinogradov Yu.G., Shcheglov A.N. (1990) *Obrazovanie territorial'nogo Hersonesskogo gosudarstva* [Formation of the Chersonesus territorial state] // *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: politics, economics, culture]. Moscow, pp. 310-371.
4. Vinokurov N.I. (2018) *Problemy fortifikacii antichnogo gorodishcha Artezian: gipotezy i realii* [The issue of fortification of Artezian settlement: hypotheses and realities] // *Bosporskij fenomen* [Bosporian phenomenon] 2018, Part 1. St. Petersburg, pp.188-195.
5. Golencov A.S. (1995) *Fortifikacii gorodishcha Kul'chuk* [Fortifications of the Kul'chuk settlement] // *Fortifikaciya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortifications in antiquity and middle ages]. St. Petersburg, pp. 50-52.
6. Dashevskaya O.D., Shcheglov A.N. (1965) *Hersonesskoe ukreplenie na gorodishche Belyaus* [Chersonesus fort on the Belyaus settlement] // *SA* [Soviet archaeology] №2, pp. 246-255.
7. Dashevskaya O.D. (1969) *Antichnaya bashnya na gorodishche Belyaus* [Antique tower on the Belyaus settlement] // *KSIA* [Short messages of Institute of archaeology], vol. 116, pp. 85-93.
8. Dashevskaya O.D. (1976) *Raskopki gorodishcha i nekropolya Belyaus* [Excavations of Belyaus settlement and necropolis] // *AO* [Archaeological discoveries] 1976, pp. 287-288.
9. Dashevskaya O.D. (1979) *Dvadcatyj sezon Donuzlavskoj ekspedicii* [20th season of Donuzlav expedition] // *AO* [Archaeological discoveries] 1979, pp. 267-268.
10. Dashevskaya O.D. (1982) *Raskopki Belayusa i Zapadno-Donuzlavskogo gorodishcha* [Excavations of Belyaus and West-Donuzlav settlement] // *AO* [Archaeological discoveries] 1982, pp. 255-256.
11. Dashevskaya O.D. (1993) *Raboty v Chernomorskom rajone Kryma* [Fieldworks in Chernomorsky district of Crimea] // *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu* [Archaeological researches in Crimea]. Simferopol', pp. 86-90.
12. Zajcev Yu.P. (2015) *Oboronitel'nye sooruzheniya kreposti Ak-Kaya v Central'nom Krymu (Epoha ellinizma i rimskij period)* [Fortifications of Ak-Kaya settlement in the Central Crimea (Hellenistic and Roman period)] // *S Mitridata duet veter* [The wind blows from Mitridate]. Moscow, pp. 164-173.
13. Zolotarev M.I., Turovskij E.Ya. (1990) *K istorii sel'skih usadeb na Geraklejskom poluostrove* [To history of manors on Heracleean peninsula] // *Drevnee Prichernomor'e: materialy I Vsesoyuznyh chtenij pamyati professora P.O. Karyshkovskogo*. Odessa, pp. 71-89.
14. Zubarev V.G., Yarcov S.V., Smekalov S.L. (2019) *Varvarskij komponent v material'noj kul'ture sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora vo II –V vv. n.e. (na primere gorodishcha*

Belinskoe) [Barbarus component of material culture on settlements of Bosporus in II – V A.D. (on the example of the settlement Belinskoe)] // Bosporskije issledovaniya [Bosporian researches] XXXVIII, pp. 179-204.

15. Ivanov V.M. (2003) O naznachenii dopolnitel'nyh pojasov sooruzhenij hersonesskoj hory [About appointment of additional belts on the chora of Chersonesus] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Issues of history, philology, culture], №13, pp. 100-122.

16. Kruglikova I.T. (1986) Bashni na sel'skohozyajstvennykh usad'bah Geraklejskogo poluostrova [Towers on the manors of Heracleean peninsula] // Problemy antichnoj kul'tury [Issues of antique culture]. Moscow: «Nauka», pp. 168-175.

17. Kutajsov V.A., Uzhencev V.B. (1994) Vostochnye vorota Kalos Limena [Eastern gates of Kalos Limen] // SZKAE [North-West Crimea in the ancient era]. Kiev, 1994, pp. 44-70.

18. Lancov S.B. (2012) Kratkij obzor issledovanij Donuzlavskoj ekspedicii KF IA NANU [The short review of researches of Donuzlav expedition KF IA NANU] // Kalos Limen: Muzej i zapovednik [Kalos Limen: museum and preservation]. Simferopol', pp. 73-89.

19. Nikonov A.A. (2015) Drevnie razrushitel'nye zemletryaseniya v Hersonese i ih znachenie v ocenke dolgovremennoj sejsmicheskoj opasnosti Yugo-Zapadnogo Kryma [Ancient destructive earthquakes in Chersonesos and their significance in assessing the long-term seismic hazard of Southwestern Crimea] // Voprosy inzhenernoj sejsmologii [engineering seismology issues], T.42, №2, pp. 17-50.

20. Strzhleckij S.F. (1961) Klery Hersonesa Tavricheskogo [Clears of Tauric Chersonessos]. Simferopol', 247 p.

21. Tolstikov V.P. (1999) K probleme zemletryaseniya III v. do n.e. na Bospore (po materialam raskopok Pantikapeya i Nimfeya) [To the issue of earthquake on Bosporus in III B.C. (based on materials from the excavations of Panticapaeum and Nympheus)] // Bosporskij gorod Nimfej: novye issledovaniya i materialy i voprosy izucheniya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. St. Petersburg, pp. 72-75.

22. Tyurin M.I., Lesnaya E.S. (2020) Krizisnye yavleniya v okruge Hersonesa v III v. do n.e.: k voprosu o hronologii usadeb Geraklejskogo poluostrova [Crisis phenomena on the outskirts of Chersonesos: to the issue of chronology of Heracleean peninsula's manors] // Bosporskij fenomen. Bosporskoe carstvo M. I. Rostovceva. Vzgljad iz XXI veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Part 2. St. Petersburg, pp. 292-299.

23. Uzhencev V.B. (2006) Elliny i varvary Prekrasnoj gavani [Hellenes and barbarians of Kalos Limen]. Simferopol', 248 p.

24. Shcheglov A.N. (1976) Polis i hora [Polis and Chora]. Simferopol', 176 p.

25. Shcheglov A.N. (1978) Severo-Zapadnyj Krym v antichnuyu epohu [North-West Crimea in ancient era]. Leningrad, «Nauka» publ., 156 p.

26. Lawrence A.W. (1984) Greek aims in fortification. – Oxford, Clarendon Press, 483p.

27. Peron-d'Harcourt. A. (2014) Édifices ruraux à tour de Palestine hellénistique: parallèles à Qumrân // Syria. Arheologie, art et historie, 91, pp. 277-318.

Об авторе

Григорьев Андрей Михайлович – аспирант кафедры археологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: andrey.grigorev.92@list.ru

Grigorev Andrey Mihailovich – postgraduate student, department of archaeology, Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: andrey.grigorev.92@list.ru

УДК 947.066 (470.319)+930.2(093)

Ерофеева Г.И., магистрант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, специалист отдела музейно-образовательных программ ГБУК г.Москвы ГМЗ «Царицыно» (Россия)

ВЛАДЕНИЯ ГРАФОВ ОРЛОВЫХ-ДАВИДОВЫХ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

В статье дано подробное описание Глодневского имения середины – конца XIX столетия, основанное на привлечении малоизвестных документов, находящихся в личных фондах графов Кушелевых-Безбородко и графов Орловых-Давыдовых, хранящихся в Отделе рукописей РГБ, в РГАДА и в РГИА, также использованы материалы Центрального государственного архива г. Москвы. На основе архивных источников прослежена экономическая модель развития Глодневской усадьбы, в том числе достаточно полно отражена хозяйственная деятельность имения. В конце XVIII столетия владельцами Глодневской экономии были сиятельные вельможи Безбородко, далее Кушелевы-Безбородко, представители этого рода много десятилетий верно служили Отечеству. В этой связи их частная жизнь, в том числе касающаяся ведения усадебного хозяйства, заслуживает внимания. Следующим владельцем Глодневского имения являлся граф А.В. Орлов-Давыдов. На период владения усадьбой графом Анатолием Владимировичем имение превращается в высокодоходную экономию. Актуальность статьи определяется также тем обстоятельством, что значительная часть земель Глодневского владения находилась на территории современной Брянской области. Несмотря на то, что большая часть построек имения утрачена, главный усадебный дом, фрагменты парка до настоящего времени сохранились, поэтому вполне справедливо обратить более пристальное внимание к данной усадьбе и осветить ее историческое прошлое.

Ключевые слова: дворянские имения, графы Орловы-Давыдовы, графы Кушелевы-Безбородко, Глодневская усадьба, Городищенский винокуренный завод.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-47-66

Круг явлений, объединенных понятием «русская усадьба» весьма обширен. Сюда следует включать не только постройки и сооружения, находившиеся на территории владений от парадных дворцово-парковых ансамблей высшего дворянства до небольших провинциальных усадеб, но и вопросы социального устройства, общественных отношений, научной, технической деятельности, культуры.

Мода, привычка к роскоши, подражание двору поглощали огромные денежные средства. Эти средства пополнялись из «неисчерпаемых» доходов имений. Поэтому экономическая, хозяйственная сторона усадебной жизни играла немаловажную роль.

Землевладения крупных помещиков представляли собой огромные территории. Сюда могли входить деревни, земельные угодья (пашни, сенокосы, леса,

пустоши), водные объекты с прилегающими к ним хозяйственными постройками (мельницы, пристани и т. д.), ремесленные мастерские, фабрики, заводы, церковный приход.

Имея данный по рождению высокий социальный статус, обеспечивавший стабильное материальное положение, некоторые дворяне были хорошими и рачительными хозяевами своих родовых вотчин. Лично вникая в хозяйственные нужды имений, владельцы усадеб могли использовать передовые по тем временам способы ведения хозяйства, выписывать новое оборудование, осваивать новые отрасли хозяйства, нередко опираясь на заграничный опыт, впоследствии приносящий стабильный доход владельцу. Подобные имения становились образцовыми доходными экономиями.

Нужно отметить, что многие усадьбы являлись не только средством

получения дохода, но и становились местом отдохновения и покоя. В имениях, на лоне природы, в хозяйственных заботах, отдыхали от шумной столичной жизни. Распорядок дня расписывался по своему усмотрению и не имел строгой регламентации, а пребывание при дворе требовало больших расходов и необходимости вести более открытую светскую жизнь, подчинённую правилам и нормам, принятым в обществе.

Одной из богатейших семей на протяжении XIX столетия являлась семья графа В. Г. Орлова. Большинство провинциальных поместий сиятельного владельца представляли собой высокодоходные экономии. Среди обширных владений Владимира Григорьевича были земли и в Орловской губернии, в том числе Богословская вотчина. Данное имение было куплено в 1824 г. у невестки Владимира Григорьевича, графини Анны Ивановны Орловой, урожденной Салтыковой. На момент продажи поместье включало в себя земли в Орловском и Малоархангельском уездах Орловской губернии.

После смерти последней из рода Орловых, Екатерины Владимировны Новосильцевой, 26 марта 1856 г., ее племяннику Владимиру Петровичу Давыдову было высочайше разрешено принять титул и имя его деда по матери и именоваться графом Орловым-Давыдовым. Владимир Петрович становится наследником огромного состояния, в том числе и Богословской вотчины. Граф В.П. Орлов-Давыдов был записан в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания нескольких губерний, включая Орловскую.

Владимир Петрович, являясь человеком разносторонним, обладая широким кругозором, состоял в личной переписке со многими выдающимися людьми своего времени, о чем свидетельствует сохранившаяся обширная корреспонденция графа. Вот некоторые из его адресатов: географ и мореплаватель Ф.П. Литке,

митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский Никанор, министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов, писатели Вальтер Скотт, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков, поэт князь П.А. Вяземский, писатель и поэт граф А.К. Толстой. В фонде Орловых-Давыдовых отдела рукописей РГБ сохранилось письмо графа Алексея Константиновича адресованное Владимиру Петровичу. Приведем выдержку: «Флигель Адъютанта Графа Анатолия Владимировича Орлова Давыдова Гр. А.К. Толстой покорнейше просит пожаловать к нему в Понедельник на чтение» [6].

Ф.И. Тютчев был также знаком с В.П. Орловым-Давыдовым, неоднократно получал от него приглашения посетить его подмосковное имение «Отрада». «Отсюда я уеду после 20 этого месяца, – писал он жене из Петербурга 2 июня 1869 г., – пробуду дней десять в Москве; по пути посещу Орловых-Давыдовых, чтобы наконец исполнить так часто и так тщетно даваемое обещание; затем явлюсь к вам в Овстуг» [15]. Тютчев исполнил свое намерение и был в Отраде 11 июля – в день именин хозяйки дома – Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой.

После отставки Владимир Петрович, будучи рачительным и заботливым хозяином, много времени уделял управлению своими обширными владениями. Будучи в Германии он совершил осмотр «замечательнейших ферм и других сельскохозяйственных заведений того края» [23], для использования увиденного в управленческой практике.

Граф В.П. Орлов-Давыдов являлся одним из почетных членов основателей Брянского общества сельского хозяйства. Почетными членами-основателями также значились: А.Н. Мальцова, Э.Ф. Тютчева, А.Ф. Тютчева, супруга орловского гражданского губернатора М.В. Сафонович и др. Действительными членами-основателями являлись С.И. Мальцов, граф А.В.

Олсуфьев, Н.И. Тютчев, инженер-капитан А.С. Цуриков, генерал-майор А.М. Гулевич и др.

Одной из главных задач Общества являлось «улучшение и развитие сельского хозяйства в его полном объеме, как то: земледелия, скотоводства, садоводства, огородничества, лесоводства пчеловодства <...> и прочих отраслей сельской промышленности и хозяйства» [16]. Согласно уставу общества, достижение данных целей происходило «посредством собраний общества для взаимного обмена мыслей, знаний. <...> Посредством исследований и опытов по каждой отдельной части сельского хозяйства. <...> Сообщением, как последствий произведенных опытом, так и новых сделанных открытий. <...> Улучшением пород скота и введением правильного ухода за ним. <...> Приобретением новых семян. <...> Подысканием лучших средств к распространению между крестьянами грамотности. <...> Приобретением и сообщением периодических изданий. <...> Исследованием различных местных обстоятельств, препятствующих правильному развитию сельского хозяйства» и др. [16]. Отдельным пунктом указывалось «распространение общепользовных сведений по части женского хозяйства и руководства по этому предмету» [16]. Согласно уставу, как в почетные, так и в действительные члены могли избираться женщины «известные по своему образованию и познанием в деле женского воспитания» [16]. Денежные взносы с них не взимались.

После смерти Владимира Петровича Богословское имение досталось его третьему сыну, графу Сергею Владимировичу Орлову-Давыдову. Сергей Владимирович был щедрым жертвователем и состоял членом большого числа благотворительных обществ, в том числе он являлся почетным членом «Общества вспомоществования недостаточным ученикам Новозыбковского реального училища». Об этом свидетельствует выданный на

его имя диплом от 1888 г. за подписью председателя правления Общества князя Николая Дмитриевича Долгорукова (см. ил. 1). В 1888 г. в Богословском имении на средства Сергея Владимировича был построен каменный храм во имя Сергия Радонежского.

Помещиком Орловской губернии был также и его родной брат – Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов. При императоре Николае II он входил в число первых чинов Двора, был церемониймейстером.

Граф А.В. Орлов-Давыдов являлся участником Кавказской войны, за время службы стал кавалером более 20 различных орденов, среди которых были не только русские, но и греческий, французский, итальянский, сербский, румынский, персидский и даже японский.

После смерти Владимира Петровича именно к Анатолию Владимировичу перешли все основные богатства рода Орловых-Давыдовых, он стал крупнейшим хозяином-землевладельцем Московской, Симбирской, Самарской, Тамбовской, Воронежской, Калужской, Эстляндской губерний, виллы Шале-де-Розье в Ментоне, двух домов в Петербурге.

О богатстве графа А. В. Орлова-Давыдова можно судить по следующим сведениям. Согласно отчету Главной конторы (1901–1902 гг.) за Анатолием Владимировичем числилось 240929 десятин земли, при использовании которых «получилось в прибыли по счетам: земли, лесоводства, продуктов полеводства прежних лет, арендных статей, свиноводства, кирпичных, винокуренного и лесопильного заводов и Фурштадского дома-всего 865824 р. 09 коп., остальные отрасли хозяйства дали убыток в 161851 р. 06 к., а потому чистая прибыль отчетного года выразилось суммою в 703973, 03 к.» [14]. Сравнивая цифры прихода и расхода денежных средств, мы видим, в какой степени выгодным и грамотно организованным было ведение хозяйства в поместьях

Анатолия Владимировича.

Благосостояние Орловых-Давыдовых росло, в том числе, благодаря личным заслугам Анатолия Владимировича, его умению организовать экономически выгодное хозяйство в своих владениях. Грамотный подбор кадров для управления имением также играл немаловажную роль в экономически эффективном ведении хозяйства.

Граф А.В. Орлов-Давыдов много жертвовал на благотворительность. В 1882 г. выделил 5000 руб. на учреждение капитала своего имени в Кавалергардском полку. В русско-японскую войну пожертвовал 1 миллион рублей на нужды Красного Креста, помогал сестре Марии обустроить обитель «Отрада и утешение», брату Сергею – Ольгинскую больницу.

В 1888 г. Анатолий Владимирович купил имение Глоднево Дмитровского уезда Орловской губернии. В начале XVIII столетия владельцем Глодневской вотчины был молдавский господарь Д.К. Кантемир, который в 1711 г. был принят в российское подданство. Среди обширных владений, пожалованных молдавскому господарю Петром I, были земли и в Комарицкой волости Глодневского стана.

Следующими владельцами Глодневской усадьбы были сиятельные вельможи Безбородко. Из-за прекращения потомства по мужской линии наследницей огромного состояния братьев Безбородко стала графиня Любовь Ильинична Кушелева (урожденная Безбородко). Ее сыну графу Александру Григорьевичу Кушелеву было разрешено прибавить к своей фамилии фамилию деда и далее именоваться графом Кушелевым-Безбородко.

Землями в Орловской губернии владел и князь Николай Сергеевич Волконский (1753–1821), дед Л.Н. Толстого, получивший их за своею женою Екатериной Дмитриевной урожденной Трубец-

кой. Приведем выдержку из книги биографа Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева: «Кроме Ясной Поляны, Волконскому принадлежала еще одна деревня в Богородицком уезде Тульской губернии и три деревни в Дмитровском уезде Орловской губернии. По данным 1832 года, когда все эти имения принадлежали уже Н.И. Толстому, в них числилось всего 351 душа» [7].

После смерти в 1821 г. князя Н.С. Волконского все имущество перешло к его единственной наследнице М.Н. Волконской, будущей матери Л.Н. Толстого. Мария Николаевна Толстая (урожденная Волконская) умерла в 1830 г., ее супруг, граф Н.И. Толстой скорее всего продал орловские владения в 1830-х гг.

Возвращаясь к Глодневскому имению графа А.Г. Кушелева-Безбородко, приведем его описание. Речка Нерусса делила владение на две неровные части. Ближайшими селениями к имению находились: «Село Глоднево в 10 верстах, деревня Фогиня в 5 верстах, деревня Городище в 2 верстах, село Авчухи в 3 верстах, село Веребское в 10 верстах, деревня Хрипково в 7 верстах, село Островское в 10 верстах, деревня Лубенская в 8 верстах, деревня Талдыкино в 12 верстах, деревня Алешанка в 12 верстах, село Домаха в 15 верстах» [19].

Согласно «Денежному десятилетнему отчету по имениям Графа Кушелева-Безбородко» с 1845 по 1855 гг., Глодневская вотчина приносила стабильный доход. Например, в 1845 г. приход по имению составил 49290 руб. 47 коп., расход – 3740 руб. 47 коп., в 1853 году приход – 59108 руб. 83 коп., расход – 4783 руб. 30 коп.» [8]. По степени доходности Глодневское имение не уступало Ново-Чигольской, Хмельницкой и другим экономиям Кушелевых-Безбородко.

После смерти в 1855 г. графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко владельцем Глодневской вотчины стал его сын Григорий Александрович.

Григорий Александрович Кушелев-

Безбородко – статский советник, русский литератор, меценат, являлся попечителем Неженского лицея в Черниговской губернии, а также учрежденного им детского приюта, содержал дом призрения пожилых женщин на Охте. Он принимал участие во множестве благотворительных организаций, на его деньги был издан ряд сочинений современников.

Согласно «Ведомости земель, принадлежавших Графу Григорию Александровичу Кушелеву-Безбородко, находящихся в Глодневе с деревнями Дмитровского уезда Орловской губернии» к 1870 г. Глодневское имение включало: 107 дес[ятин] 1600 саж[еней] усадебной земли, 6772 дес. 1200 саж. пахотной, 2093 дес. сенокосной, 697 дес. 900 саж. перелога, 349 дес. 1700 саж. неудобной. Общая площадь имения составляла 18853 дес. 1036 саж. земли [20].

Согласно «Сведениям о количестве земель при хуторах Глодневской экономии» за 1870 г., имение состояло из четырех хозяйств. Глодневское хозяйство включало пять участков: Глоднево с хозяйственными постройками и водяною мельницей, участки при деревнях Фогина, Вежонки, селах Чайнка, Глушья построек и рабочего скота не имели, в селе Глушье находилась водяная мельница. Жучковское хозяйство состояло из трех хуторов. Хутор Жучок имел хозяйственные постройки, живой инвентарь (так раньше называли рабочий скот), имелось стадо овец в количестве около 1660 голов. Хутор Гремучий из построек имел волоню, сарай, избу. Хутор Городищенский включал винокуренный завод с принадлежавшими ему постройками, водяную мельницу, при деревне Городище находились ветряная мельница, живой инвентарь. Островское хозяйство состояло из Островского (хозяйственные постройки, живой инвентарь) и Тереховского (хозяйственные постройки) хуторов, Лысинского, Пальцевского, Лукинского участков. Кавелинское хозяйство

состояло их Кавелинского хутора (хозяйственные постройки, живой инвентарь, две водяные мельницы), Круглинского, Талдыкинских участков (жилых построек, рабочего скота не имели), Кочетовского отрезка (одна водяная мельница) [24].

Главный усадебный дом находился в селе Глоднево. В «Описи движимого и недвижимого имущества, графа Г.А. Кушелева-Безбородко» читаем: «Каменный дом для приезда Графа, длиною 14 сажень, шириною 7 сажень, в 2 этажа, крыт железом, с тремя террасами, комнат в верхнем этаже-7, в нижнем-12» [20].

После смерти графа Г.А. Кушелева-Безбородко в 1870 г. была составлена подробная опись его имущества, благодаря чему сохранился список вещей, находившихся в господском доме. Нужно отметить, что усадебный дом сохранился до настоящего времени.

Рядом с главным зданием находились три плодовых сада. В настоящее время сады практически утрачены. Также в Глоднево размещался деревянный флигель, занимаемый управляющим Глоднским имением.

Село Глоднево издавна славилось своими ярмарками. На главной площади располагались «торговые ряды с 17 лавками из соснового леса, <...> сарай бревенчатый, крытый черепицей, с 4 помещениями, <...> трактирное заведение, деревянное, крытое черепицей» [20]. Рядом находились постоялый двор с пятью комнатами и питейный дом.

В имении был лазарет, помимо лечения, выделялись деньги и на содержание больных.

Одной из наиболее прибыльных статей доходов, получаемых владельцами поместий, являлось винокурение. Нужно отметить, что еще с начала XVIII столетия владения князей Кантемиров в Трубчевском, Севском, Дмитровском уездах славились своим винокурением производством. Для увеличения доходности

Глодневского имения было решено построить винокуренный завод.

Контракт, заверенный в московской нотариальной конторе, между титулярным советником Э. И. Дандре (главноуправляющий имениями графа Григория Александровича), московским купцом Э.И. Бромлеем и медником, прусским подданным, В.И. Раадцем на изготовление необходимых машин и аппаратов для завода, был подписан 23 марта 1863 г.

Договор на предмет строительства винокуренного завода был заключен с архитектором Орловского Бахтина кадетского корпуса И.Ф. Тибо-Бриньолем 22 мая 1863 г. Иосиф Францевич Тибо-Бриньоль – академик архитектуры Императорской Академии художеств, городской архитектор Орла. По его проектам в Орле были построены здание Александринского института благородных девиц, городские усадебные ансамбли, в которых сейчас располагаются литературные музеи Н.С. Лескова и И.С. Тургенева, дом провизора Рота и др.

Приведем выдержку из данного договора: «... я Тибо подрядился построить в имении Графа Г.А. Кушелева-Безбородко в Дмитровском уезде в Глодневской экономии близ деревни Городища на указанном месте винокуренный завод на следующих условиях: <...> Вся постройка винокуренного завода должна быть мною Тибо на спланированном мною месте, по переделанному мною плану Архитектора Дьячкова или по плану Дьячкова если таковой вновь будет прислан винокуром и по составленной мною смете и окончена не позднее сентября» [9].

Главное здание Городищенского винокуренного завода было двухэтажным. На первом этаже располагались машины, аппараты, производственные помещения, на втором, помимо технических, находились комнаты, занимаемые винокуром и управляющим завода.

Согласно «Докладной записке о стоимости Городищенского винокуренного завода и о предполагаемом доходе от одного», постройка главного корпуса «со всеми машинами, посудой и находящейся при нем солодовней обошлась в 35778 рублей 83 копейки» [9].

На строительство остальных хозяйственных и производственных помещений было затрачено порядка 2600 руб. «Всего же на стройку винокуренного завода со всеми постройками израсходовано наличных денег 38828 руб. Стоимость лесного материала, употребленного на все постройки, составила 5313 руб. Кроме того на приобретение запасов, <...> жалование служащим затрачено 17609 руб.» [9]. Всего на постройку Городищенского завода и образования при нем оборотного капитала было потрачено 61750 руб. [9].

Завод начал работать с февраля 1864 г. Управляющий Глодневским помещьем Иван Андреевич Ауэрбах в докладе Главной конторы за 1864 г. отмечал: «...на винокуренный завод не следует смотреть как на предприятие чисто промышленное, долженствующее само по себе давать известный % на затраченный капитал; в Глодневской экономии, где рядом с хорошими землями, около 4000 десятин пашни песчаной, <...> не дающей никакого дохода, нет средства к более скорому и выгодному возвышению доходности, как через посредство винокуренного завода, доставляющего в изобилии дешевое и сильное удобрение. <...> Винокуренный завод имеет большое значение в тамошнем крае, лишенном всяких промышленных предприятий» [9].

Посредством завода управляющий Ауэрбах рассчитывал поднять благосостояние крестьян и как следствие увеличить доходность имения: «... вызванная деятельность как на винокуренном заводе, так и в сопряженном с ним хлебопашестве, имеет благотворное влияние на

благосостояние крестьян, что уже отражается на более успешном сборе накопившихся за прежнее время недоимок, которые в скором времени убавятся до незначительной цифры, с этой точки зрения если бы завод сам по себе не давал никакого дохода, то и тогда существование его было бы полезно и выгодно для экономии» [9].

Согласно «Бюджету по Городищенскому Винокуренному заводу на период винокурения за 1870/71 г.», доход от винокурения выражался в сумме 46495 руб. 5 коп., расход – 40495 руб. 5 коп., соответственно чистой прибыли выходило 6000 рублей [2].

Помимо винокурения одной из статей доходов Глодневского поместья была сдача в аренду мельниц.

Вся отчетность по имению направлялась в Главную Контору графа Г.А. Кушелева-Безбородко, которая находилась в Санкт-Петербурге, Гагаринская пристань, дом 1.

После смерти сыновей Александра Григорьевича, Григория в 1870 г. и Николая в 1862 г., род Кушелевых-Безбородко пресекается по мужской линии, вследствие чего Глодневское имение переходит во владение их сестры – графини Любви Александровны Мусиной-Пушкиной (урожденной Кушелевой).

На период владения имением Л.А. Мусиной-Пушкиной дела в экономии шли не совсем удачно, так как оно было заложено в Общество Взаимного Поземельного Кредита. Графиня Любовь Александровна решила продать имение.

Представляет интерес письмо главноуправляющего графа А.В. Орлова-Давыдова И.И. Брюханова от 12 июля 1888 г. Приведем выдержки из него: «Ваше Сиятельство, Милостивый Государь Граф Анатолий Владимирович! Главноуправляющий Графини Любви Александровны Мусиной-Пушкиной Г. Гродзинский обратился ко мне с предложением приобрести ее имение в Дмитровском

уезде Орловской губернии, площадью до 16000 десятин за 700000 рублей, <...> продажа этого единственного не дошедшего в Малороссию имения вследствие расстройства денежных дел Графини и поступления по разным обязательствам 1 августа платежей желательна в самом скорейшем времени». Нужно отметить, что Глодневская экономия находилось недалеко от Богословского имения графа С.В. Орлова-Давыдова, брата Анатолия Владимировича. В связи с чем, главноуправляющий отмечает: «... я со своей стороны полагал бы этой чисто случайной покупкой или для Вашего Сиятельства, или для Графа Сергея Владимировича и буду ждать дальнейших приказаний» [1].

Вместе с письмом была передана подробная опись имения. Приведем выдержки из этого описания: «Принимая во внимание обширность имения, хорошее его положение по обе стороны сплавной реки Неруссы, близость уездного города, а так же и то, что в нем ведется собственное хозяйство, причем оно снабжено инвентарем и хорошими постройками, а следовательно для устройства имения больших затрат не потребуется, приобретение его небезвыгодно; тем более, что по состоянию денежных дел Графини Мусиной-Пушкиной в настоящую минуту, можно рассчитывать на большую уступку, я с своей стороны полагал бы начать переговоры о приобретении этого имения, предложив за него 550 т. руб. с расходами по купчей крепости на наш счет, каковые будут до 30 т. руб. и сверх того войти в соглашение о приобретении урожая хлебов нынешнего года» (Подчеркнуто в оригинале рукой А.В. Ор.-Д.) [1].

В результате Глодневское имение вместе с долгом было продано графу Анатолию Владимировичу Орлову-Давыдову в 1888 г.

Нужно отметить, что семьи графов Орловых и Мусиных-Пушкиных имели давнее знакомство. После смерти графа

Федора Григорьевича Орлова его брат Владимир Григорьевич Орлов (прадед А.В. Орлова-Давыдова) «всеподданнейше просил императора Павла Петровича о назначении вместе с ним Камергера Александра Григорьевича Петрово-Солововой и Сенатора Графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина соопекунами по имению малолетних воспитанников Графа Федора Григорьевича» [23].

Глодневское владение было куплено за 525000 рублей. Долг за имением, переведенный Обществу Взаимного Поземельного Кредита, составил 272720 рублей, графиня Л.А. Мусина-Пушкина получила 252280 рублей. Согласно хозяйственному плану, общая площадь Глодневского имения на момент продажи составляла 15723 дес. 664 саж. [18].

Границами экономии на период владения графом А.В. Орловым-Давыдовым являлись наделы крестьян различных сел и деревень, окружавших поместье. Ближайшими соседями имения были владения княгини Марии Владимировны Воейковой, урожденной Голицыной, камергера Двора Его Величества Александра Александровича Офросимова, Брасовская усадьба Великого князя Георгия далее Михаила Александровичей и др.

По предварительным расчетам А.В. Орлова-Давыдова «к 1890-му году Глоднево обойдется в 678 или 700000 рублей (не считая разных побочных расходов по межеванию, составлению планов и пр.)» [18]. Порядка 50000 тысяч рублей планировалось потратить на ремонт винокурного завода.

Главнуправляющий обширными владениями графа Иван Иванович Брюханов лично знакомиться с состоянием дел в Глодневской усадьбе. Хотя и не совсем довольный результатами проделанной работы по восстановлению хозяйства экономии, он заключил: «Вообще я придерживаюсь к мнению г. Татаринова и вполне убедился, что не более как через

год, много два Глодневское имение войдет в ряд самых лучших и доходных наших имений; замеченные же мною недостатки будут устранены» [18]. На полях отчета Брюханова граф Анатолий Владимирович сделал пометку: «Дай Бог» [18].

Среди важнейших дел по восстановлению доходности имения являлся капитальный ремонт Городищенского винокурного завода.

Это был не единственный в округе винокурный завод. В Брасовской усадьбе великого князя Георгия далее Михаила Александровичей было два винокурных завода с ректификационными отделениями. В имение Радогощ княгини Марии Владимировны Воейковой, граничащим с Глодневской экономией, был винокурный завод на 6 млн градусов.

В отчете главноуправляющего И.И. Брюханова за декабрь 1889 г. читаем: «Винокурный завод переделан весьма порядочно и от перемещения машин и аппаратов не узнаваем. <...> В течение двух недель на заводе находились 3 акцизных чиновника и мне пришлось услышать от них лестные отзывы о нашем заводе – они говорят, что по размещению машин и аппаратов наш завод один из лучших (подчеркнуто в оригинале рукой А.В. Орлова-Давыдова. – Авт.), даже по сравнению с огромным винокурным заводом в Брасове» [18].

С 1889 г. Городищенский винокурный завод начал работать на два затора, в каждый затор помещали «около 250 пудов картофеля и пудов ржи и солода вместе» [18].

Резюмируя данные по заводу, главноуправляющий отмечал: «...по приблизительному расчету перестройка обошлась около 20000 рублей, так как до сих пор издержано около 16500 рублей. И предстоит еще разных уплат около 3000 рублей» [18].

В 1893 г. Главная Контора графа

А.В. Орлова-Давыдова сделала распоряжения по организации ревизии в принадлежащих ему обширных владениях. Инструкция была дана по 19 пунктам, среди которых: ревизия кассы, проверка приходно-расходной документации, вопросы, касающиеся лесного, сельского хозяйства, обеспеченность имений живым и мертвым инвентарем, взимание недоимок, оплата труда служащим и др.

Были и особые условия, касающиеся Глодневской вотчины, в инструкции читаем: «По Городищенскому винокуренному заводу при осмотре завода, разъяснить причины недостаточности выхода спирта, большого расхода по заводу и его мало доходности и указать меры к лучшей постановке дела как по винокурению, так и по продаже» [3]. Видимо, доходность от винокуренного производства была не столь высока, как ожидалось.

В 1894 г. среди вопросов, которые планировалось обсудить на съезде управляющих Приволжскими, Ново-Покровской и Глодневской вотчинами графа Анатолия Владимировича, был пункт, касающийся винокуренных заводов. Дело-производитель Главной Конторы Ф.Я. Тулин отмечал: «Винокуренные заводы не желательны в виду значительных затрат капитала на постройку их и приобретение аппаратов и в виду плохого сбыта спирта и низких на него цен» [11].

Тем не менее, основная ценность Глодневского имения состояла именно в винокуренном заводе. Читая годовые отчеты Главной конторы по имениям графа А.В. Орлова-Давыдова, видим, что Глодневская вотчина оценивалась в первую очередь с позиций доходности или убыточности этого завода. Поэтому происходит постоянное вложение средств в реорганизацию предприятия, шло усовершенствование технологического процесса винокурения, закупалось новое оборудование.

К 1897 г. производилось уже 125000

ведер спирта в 40°, если сравнивать с первым годом запуска завода (1889) – 13800 ведер.

В отчете за 1897 г. читаем: «На заводе поставлены следующие машины и аппараты: перегонный аппарат "Гербста", заторный металлический чан с водяным охлаждением системы "Эккерта", дрожжевой заторный металлический чан той же системы, три парника "Генца", дробилка и другие приспособления. Двигателями завода являются две паровые машины одна 6018 сил, другая 6010 сил, паровиков два – один в 40 сил, другой в 26 сил, при заводах имеется паровая мельница о двух поставах» [19]. В 1894 г. было построено ректификационное отделение с аппаратом системы «Савалья», аппарат приобрели у Московской фирмы «Завод "Дангауэр и Кайзер"» (завод был основан в Москве в 1869 г., в советский период – завод «Компрессор». – Авт.). Получаемый спирт сбывали в Москве, Ростове на Дону.

Отходами спиртового производства являлась барда, которую использовали на корм скоту, излишек продавали. Например, в 1897 г. было продано 500 тысяч ведер и выручено 2500 рублей.

Согласно отчету за 1897 г., «рабочих на заводе во время производства бывает от 40-45 человек, каковые получают от 6-12 р. в месяц жалованья на своих харчах, при этом, возле завода для них выстроена просторная светлая казарма с двумя отделениями – одно для проявления пищи, а другое для спанья. Администрация завода состоит из винокура, двух его помощников, машиниста, подвального, очистного мастера и заводского приказчика с окладом жалованья в год до 5500 руб.» [19]. Завод отапливался дровами, также проводились вполне удачные опыты по организации торфяного отопления.

Общая прибыль от Городищенского винокуренного завода на 1897 г. состав-

ляла 102500 рублей, расход 91078, соответственно чистой прибыли выходило 11422 рубля.

В 1901 г. на винокуренном заводе произошел пожар. Пострадали рабочие завода, в том числе два умерли. Приведем выдержку из донесения Главной конторы Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова: «Умершие рабочие – крестьяне с. Глоднева: Иван Синицын и Григорий Рожнов, после которых остались вдовы, каждая из них с грудным ребенком. Они и родные их обратились с просьбою доложить Вашему Сиятельству о их бедственном и безвыходном положении и просят о назначении им денежного пособия» [5].

Прошение было удовлетворено, вдовам выдали единовременное пособие в размере 200 рублей каждой. Помимо этого, пострадали конюшни, хозяйственные постройки, инвентарь, сгорело 400 пудов овса и 200 пудов сена, хранившихся на чердаке конюшни. По подсчетам управляющего Глодневским имением Гартмана общий ущерб составил порядка 2500 рублей [5]. Не смотря на пожар, Городищенский винокуренный завод смог восстановить свою работу. Согласно отчетам за 1901–1902 гг., прибыль от завода составила 27912 р. 30 коп.

В экономии также находились «два кирпичных завода, изготавливающих ежегодно до 200000 кирпича, как для своего употребления, так и на продажу» [19]. В Глодневском имении были открыты большие залежи огнеупорной глины, образец которой отправили в лабораторию Горного института. Глина оказалась хорошего качества, из нее стали делать гжельский кирпич.

При имении находились мастерские: слесарная, столярная, кузнечная и бондарная, все они предназначались для ремонта сельскохозяйственной техники, заводских машин и оборудования. Помимо этого, в экономии было пять водяных мельниц, сдававшихся в аренду.

Начиная с 1888 г., в имении велись

строительные работы. Приведем выдержки из отчета за 1889 г.: «В Глоднево отремонтирован господский дом, <...> конторский дом, выстроены две новые бани для служащих и рабочих, новый подвал для хранения овощей, новый сарай, отремонтированы все помещения служащих, <...> на Жучке выстроены вновь казармы для рабочих, баня, флигель для служащих, кузница, отремонтирован дом для служащих и сыроварня; на Круглинском вырыты 2 колодца, отремонтированы хлебные амбары, на Кавелинском, <...> в лесах выстроены одна караулка и отремонтировано три; затем перестроены вновь Домановская и Силонская мельницы, все новые строения того же типа, как и бывшие Глодневские» [18]. Были также построены деревянная конюшня на Островском хуторе, каменная кузница на Кавелинском хуторе. Согласно замечанию Глодневского управляющего С.Ф. Коржевина, «все почти постройки выстроены после покупки имения, а потому все они новы и вполне удовлетворяют своему назначению» [19]. Действительно, согласно «Плану Городищенского хутора», составленному в 1891 г. практически все постройки, указанные в экспликации новые или отремонтированы при графе А.В. Орлове-Давыдове (см. ил. 2). Стоимость всех построек имения на 1897 г. выражалась в сумме 93593 р.

К 1897 г. Глодневское имение включало: 83,68 десят. усадебной земли, 5553,14 десят. пахотной, 233,74 десят. залежной, 1690,85 десят. луговой чистого сенокоса, 747,69 десят. луговой, заросшей лесом, 50,99 десят. выгона, 6242, 90 десят. леса, 434, 55 десят. неудобной земли. Соответственно общая площадь имения составляла 15037, 54 десятин земли [19].

Большое внимание в экономии уделялось сельскому хозяйству. Сравнивая показатели за десятилетний период (1888–1899 гг.) по данному разделу, ви-

дим заметные успехи. Несомненно, определенная заслуга в этом принадлежала управляющему Глодневским имением С.Ф. Коржевину

Сергей Федорович Коржевин в 1879 г. окончил Земледельческую школу Императорского общества сельского хозяйства. Со второй половины XVIII в. в России существовало Вольное экономическое общество, которое занималось развитием промышленности и земледелия в России. В числе учредителей значился и Григорий Григорьевич Орлов – двоюродный прадед А.В. Орлова-Давыдова. Члены Московского отделения Вольного экономического общества, для содействия земельному обустройству Московской и смежных с ней губерний, открыли в 1818 г. Московское общество сельского хозяйства. У МОСХ имелись собственные свеклосахарные заводы, пасека, школа дубления овчин, различные комитеты (торфяной, льноводства, акклиматизации животных и растений, шелководства, скотоводства и др.). Были устроены склады семян, комитет сельской грамотности, справочная для сельских хозяев. Проводились ежегодные аукционы животных лучших пород. Основной целью Общества являлось развитие сельского хозяйства на научной основе. В 1822 г. была открыта Московская земледельческая школа для подготовки специалистов со средним агротехническим образованием. По окончании школы студенты получали звание «ученого управительского помощника». Помимо общеобразовательных предметов читалось большое количество специальных дисциплин: механика, земледелие, полеводство, луговое хозяйство, лесоводство, скотоводство, ветеринария, сельскохозяйственные экономия, счетоводство, строительное искусство и проч. (Наименования дисциплин списаны со свидетельства, выдаваемого студентам по окончании школы.)

В фонде Московской земледельческой школы ЦГА г. Москвы сохранилось

свидетельство Сергея Федоровича об окончании школы. В аттестате кроме оценок по предметам приводится и следующая характеристика выпускника Коржевина: «Практические сведения в сельском хозяйстве приобрел достаточные. Во время пребывания в школе поведения был отличного» [17]. Окончание школы давало право по истечении шестилетнего срока получить звание «Ученого управителя». Ставилось условие: в течение указанного периода заниматься сельским хозяйством и отсылать свои отчеты директору школы. Сергей Федорович решил получить звание «Ученого управителя» и в 1897 г. в качестве аттестационной работы выслал подробный отчет по Глодневскому имению графа А.В. Орлова-Давыдова. Должность управляющего имением Сергей Федорович стал занимать с 1893 г. Видимо, данная работа имела определенную ценность, так как находилась в личных бумагах Алексея Фёдоровича Фортунатова (1856–1925 гг.) – известного агронома, экономиста, экономико-географа и статистика. Личный фонд А.Ф. Фортунатова хранится в ЦГА г. Москвы.

Возвращаясь к описанию Глодневского имения по сельско-хозяйственной части отметим, что все пахотные земли экономии распределялись между «шестью хуторами, а именно Городищенский с площадью 196, 24 дес., Глодневский с площадью 329, 80 дес., Жучковский с площадью 1207 дес., Островский с площадью 1507 дес., Кавелинский с площадью 894, 16 дес. и Круглинский 599 дес., кроме того имеются мелкие пахотные участки расположенные к С-З - Вижонский 238, 23 дес., Веребская пуца 109 дес., Глушинск 108, 16 и Березовое 198, 66, к Ю. Талдыкинский 149 дес.» [19]. (см ил. 3). Центральное управление находилось в Городищенском хуторе.

Хутора располагались вблизи крестьянских наделов и сдавались в аренду

за деньги или отработку. При Глодневской усадьбе были фруктовые сады. В экономии выращивали зерновые (рожь, овес, пшеница, просо), гречиху, горох, лен, кормовую свеклу, подсолнечник.

Большие посевные площади отводили под картофель, как основное сырье для винокуренного производства. Если в 1888–1889 гг. в среднем получали до 200 пудов с десятины, то к 1895 г. средний урожай картофеля составлял 425 пудов. Сажали следующие сорта картофеля: «Шотландка», «Дабер», «Чугунка» и др.

Поскольку для производства спирта использовали и зерновые, то это давало возможность вводить многопольные системы хозяйства (в том числе 10-ти, 9-ти, 8-ми и 4-х-польные), апробировать новые методы по увеличению урожайности культур. При составлении системы севооборота особое внимание уделяли выбору культур и их правильному чередованию. Также в севообороте часть полей отводилась под пар с удобрениями, пастбища. Из-за недостаточного количества навоза в севооборот в качестве удобрения вводились бобовые культуры (вика, клевер) как в чистом виде, так и с посадкой к зерновым. Помимо этого, проводились эксперименты по внесению фосфорно-калийных удобрений.

Глодневская экономия была хорошо обеспечена необходимым производственным и сельскохозяйственным оборудованием. В отчете С.Ф. Коржевина читаем: «Весь мертвый инвентарь очень хорош и может долго служить имению, ежегодная затрата на приобретение вновь мертвого инвентаря выражается от 2000-2500 руб.» [19].

Все хозяйственные работы в экономии выполнялись «сроковыми и месячными рабочими, нанимаемыми из местных крестьян с платой зимой от 3-5 руб. и летом 4-7 руб. в месяц на экономическом продовольствии» [19]. В поместье работали также местные крестьяне от-

рядно, преимущественно на уборке хлебов и копке картофеля. Плата таким рабочим производилась с десятины. В среднем количество рабочих насчитывалось зимой до 120 человек, летом до 250 человек.

Представляет интерес характеристика рабочих, занятых в имении, данная управляющим С.Ф. Коржевным: «Наем нужного количества рабочих не имеет затруднения, но исполнение ими работ оставляет желать очень многого. Большинство из них идут в рабочие по неимению работ в своем хозяйстве или потому, что большая семья и работ не хватает, или бобыли, не имеющие никакого хозяйства, число каковых с каждым годом увеличивается. Наемка таких рабочих ведется старшим членом семьи и соответственно выбирается член семьи с каким-либо пороком, так как хороший работник нужен и в своем хозяйстве, почему и отношение к работе таких работников крайне небрежно, при предъявлении же к ним более строгих требований в исполнении работ они уходят с работы несмотря на заключенные договоры и вернуть их бессильны» [19].

Нужно отметить, что в большинстве центральных губерний, Орловская не исключение, крестьяне находились в крайне бедственном положении. Огромное число крестьян являлось малоземельным. В руках помещиков сосредотачивались лучшие земли, с более удобным, чем у крестьян, составом угодий. Наличие отрезков, чересполосность с наделными землями сильно затрудняли ведение крестьянского хозяйства. Уборка урожая производилась косами и серпами. В большинстве хозяйств Орловской губернии, вплоть до конца XIX в., сохранялась «дедовская» трехпольная система земледелия. Помещики продолжали использовать полукрепостнические методы эксплуатации, практиковалась сдача земли крестьянам в аренду «исполугу». Глодневская усадьба не исключение.

Причинами отсталости орловского крестьянского хозяйства помимо этого являлись перенаселение (об этом упоминает Глодневский управляющий в отчете), отсутствие кредита для крестьян в банке, тяжелые налоги и выкупные платежи, частые неурожаи (Севский, Трубчевский, Дмитровский уезды очень часто страдали от засух), хищническое расхищение лесов. Приведем выдержку из «Описания отдельных русских хозяйств» за 1897 г., издававшегося Департаментом земледелия: «К числу недостатков хозяйств Орловской губернии относится малая забота о лесах, тем менее оправдываемая, что при теперешнем положении хлебных цен лесоводство часто может оказаться выгоднее земледелия, <...> орловские землевладельцы могли бы получить немалые выгоды от более заботливого, чем ныне, отношения к лесному хозяйству» [21].

Как упоминалось выше, недалеко от Глодневского поместья находилось Брасовское имение великого князя Михаила Александровича, являвшегося одним из наиболее передовых по ведению хозяйства. Тем не менее, очень показательны в отношении окрестного населения слова главного землемера и луговода Брасовского имения В.А. Фоминых. Приведем выдержки: «Как это ни странно, а Брасовское имение, несмотря на то, что оно лежит в самом центре Европейской России, представляет из себя "непочатый уголок". Взять население сел и деревень, окружающих Брасовское имение. <...> Грамотность на весьма низкой ступени-попадают деревни, в которых почти нет грамотных. Бедность, грязь, убогие жилища, <...> а рядом с этим лень, пьянство и нищенство» [12].

Достаточно красноречивы и замечания, данные служащим графа А.В. Орлова-Давыдова касательно крестьян Жигулевской вотчины Самарской губернии: «Бедность крестьян и попрошайничество невыносимы. Нравственный уровень их

падает; то и дело воруют и поджигают не только у нас, но и между собою» [10]. Причем, данная экономия являлась одной из наиболее доходных среди владений графа А.В. Орлова-Давыдова, где значительная часть местного населения обеспечивалась работой.

Важную роль в получении доходов Глодневского имения играло лесное хозяйство. Леса экономии распределялись между лесными дачами: Жучковская (самая большая), северные (Ницаино, Озерное, Ближний и Березовое) и южные (Кавелинская пуца и Промклеветский лес при хуторе Кавелинском, Виожонская и Круглинская дубравы при хуторе Круглинском). Названия дач взяты из отчета за 1897 г. В Жучковской даче обороты рубки для хвойных деревьев составляли 80 лет, для лиственных – 60 лет. В Южных лесных дачах обороты рубки для всех пород составляли 60 лет, в Северных – 45 лет, оборот рубки кустарника на всех дачах – 10 лет. В Глодневском парке рубка велась выборочно, по 100 деревьев в год. Был выработан план лесоустройства, сделаны подробные планы лесных дач. Согласно отчету, издаваемому Орловским губернским земством «Опыт исчисления доходности земель Дмитровского уезда» за 1894 г., среди самых крупных имений уезда, в которых была проведена таксация, указывались только Глодневское имение графа А.В. Орлова-Давыдова и Лобановское (Долбенское) Великого князя Сергея Александровича. В целом, чистая прибыль от леса в имении за 1897 г. составляла 8750 рублей.

В экономии содержали молочный и рабочий скот. В качестве рабочего скота использовали волов и лошадей. Волы каждый год приобретались в Харьковской и Полтавской губерниях, 15 %, от их общего количества откармливались бардой и поступали на продажу местным просолам. Лошадей насчитывалось порядка 155 голов. Для улучшения породы

был приобретен заводчик породы «Арден» (одна из старейших пород тягловых лошадей).

Администрация имения на 1897 г. состояла из управляющего, конторщика, кассира, трех писарей, шести заведующих хуторами, ключника, двух старост, фельдшера, винокура и двух помощников, подвального, очистного мастера, машиниста, старосты завода, заведующего лесами и садовника. Годовой оклад служащих составлял 15820 руб.

В имении велась строгая отчетность как по Центральному управлению, так и по хуторам. Заведующие хуторами ежедневно подавали «ведомости о произведенных работах, а также ежемесячные ведомости о приходе и расходе продуктов, материалов, живого и мертвого инвентаря и т. п.» [19]. Кроме того, при каждом хуторе заполнялись «полевые журналы, они заключают в себя жизнь каждого поля в отдельности до мельчайших подробностей, то есть когда и как поле было обработано, какие участки были удобрены, какой урожай, что на него влияло и т. д.» [19].

В Центральном управлении велись следующие книги: «Приходно-расходная», «Книга мелочной раздачи земель», «Книга оброчных статей», «Расчетная со служащими», «Книга дебитов и кредитов», «Кассовая книга», «Главная книга», «Книга расчетов по Винокуренному заводу».

А.В. Орлов-Давыдов в случае необходимости оказывал помощь служащим, крестьянам своих вотчин. Например, согласно прошению «служащего Глодневской вотчины Степана Ефимова Нефедьева о пособии на воспитание двух сыновей» за 1895 г., ему на протяжении нескольких лет выделялось сумма в размере 60 рублей [4]. Часть суммы шла на содержание старшего сына в Мариинском земледельческом училище.

Подводя итоги можно сделать вывод, что Глодневское имение приносила

значительную прибыль владельцу. Согласно отчету за 1901–1902 гг., среди 16 вотчин графа А.В. Орлова-Давыдова по степени доходности Глодневское владение с винокуренным заводом занимало второе место, обгоняя даже приволжские высокодоходные поместья.

В 1905 г. умер граф А.В. Орлов-Давыдов. Наследником имений в Воронежской, Тамбовской, Калужской, Курской, Орловской губерниях становится его младший сын Алексей Анатольевич Орлов-Давыдов.

В исполнительном листе от 3 октября 1906 г. читаем: «Графа Алексея Анатольевича Орлова-Давыдова ввести во владение недвижимых имений, доставшихся ему от отца его графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова по духовному завещанию, утвержденному по исполнению 15/22 февраля сего года С.-Петербургским Окружным Судом, приобретенным завещателем по купчей, внесенной в крепостную книгу по Дмитровскому уезду за 1888 год, под № 17, состоящем того же уезда при селе Глоднине, деревне Фошне, деревне Веженке, селе. Веребское, хуторах: Жучке, Городищенском, Островском и Кавелинском и пустошах: Круглинской и Талдычинской» [13].

Алексей Анатольевич был двоюродным братом князя Николая Дмитриевича Долгорукова, много сделавшего для Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Граф А.А. Орлов-Давыдов с 1907 г. являлся Жиздринским уездным предводителем дворянства, был депутатом IV Государственной Думы, занимался предпринимательством, был председателем правления акционерных обществ: «Нижне-Покровского свеклосахарного рафинадного завода» и «Новопокровского графа Алексея Орлова-Давыдова свеклосахарного рафинадного завода» в Тамбовской губернии.

Заканчивая обзор Глодневского имения, хотелось бы привести выдержку

из периодического издания, выпускаемого Департаментом земледелия: «В разных местностях России имеются хозяйства, выдающиеся в том или другом отношении. <...> Несомненно, такие хозяйства всегда и везде в значительной сте-

пени способствуют развитию и улучшению целой окрестности, наглядно указывая, в каком направлении и какими мерами может быть оно улучшено» [22]. Этот вывод автора публикации вполне справедлив для Глодневской вотчины.

Список литературы

1. Брюханов Иван Иванович. Письма и телеграммы к графу А.В. Орлову-Давыдову. 1888 год // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 219. К. 39. Ед. хр. 23.
2. Бюджет по винокуренному заводу за 1870/71 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 103.
3. Главная Контора графа А.В. Орлова-Давыдова. Инструкции данные ревизору Стейну А.А. // ОР РГБ. Ф. 219. К. 4. Ед. хр. 50.
4. Главная Контора по управлению имениями графов Орловых-Давыдовых. Донесения графу А.В. Орлову-Давыдову // ОР РГБ. Ф. 219. К. 4. Ед. хр. 53.
5. Главная Контора по управлению имениями графов Орловых-Давыдовых. Письма к графу А. В. Орлову-Давыдову // ОР РГБ. Ф. 219. К. 5. Ед. хр. 4.
6. Граф Алексей Константинович Толстой. Письмо к Орловым-Давыдовым, графу Владимиру Петровичу и графу Анатолию Владимировичу // ОР РГБ. Ф. 219. К. 62. Ед. хр. 76.
7. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Отв. ред. М.К. Добрынин. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 628 с.
8. Денежный десятилетний отчет по имениям // РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 285.
9. Дело об устройстве винокуренного завода // РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 112.
10. Записка о личном составе управляющих и о ведении хозяйства // ОР РГБ. Ф. 219. К. 5. Ед. хр. 25.
11. Записки по вопросам о продаже хлеба, запашке, овцеводству и т. д. // ОР РГБ. Ф. 219. К. 5. Ед. хр. 34.
12. Известия Главной Конторы Брасовского и Дерюгинского имений Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича, № 2-3. Дмитриев. Типография А.Д. Кривошеченко. 1915 г.
13. Исполнительный и вводный листы, удостоверения о вводе гр. А.А. Орлова-Давыдова во владение Городищенской вотчины Орловской губернии. 1906-1916 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1013. Оп. 1. Д. 42.
14. Книга годовых отчетов Главной конторы по имениям А.В. Орлова-Давыдова // РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 2597.
15. Королева И.А. «О.И. Орловой-Давыдовой». Литературное наследство. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Отв. ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1988. Том 97. Книга 1. С. 181-182.
16. Краинский Василий Андреевич. Список членов-основателей Брянского Общества сельского хозяйства // ОР РГБ. Ф. 219. К. 101. Ед. хр. 39.
17. Личные дела учащихся. Коржевин С.Ф. // Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 472. Оп. 2. Д. 695.
18. Материалы по имению «Глоднево» графа А.В. Орлова-Давыдова // ОР РГБ. Ф.

219. К. 5. Ед. хр. 32.

19. Описание имения Глоднево, принадлежащие Его Сиятельству Графу Анатолию Владимировичу Орлову-Давыдову // ЦГА Москвы. Ф. 642. Оп. 1. Д. 465.

20. Описи движимого и недвижимого имущества Кушелевых-Безбородко // РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 778-779.

21. Описание отдельных русских хозяйств. Выпуск 2. Орловская губерния. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб., 1897. 61 с.

22. Описание отдельных русских хозяйств. Выпуск 1. Тульская губерния. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб., 1897. 71 с.

23. Орлов-Давыдов В.П. «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Составлен внуком его графом Владимиром Орловым-Давыдовым». Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878. 371с.

24. Сведения о количестве земель при хуторах Глодневской экономии // РГАДА. Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 125.

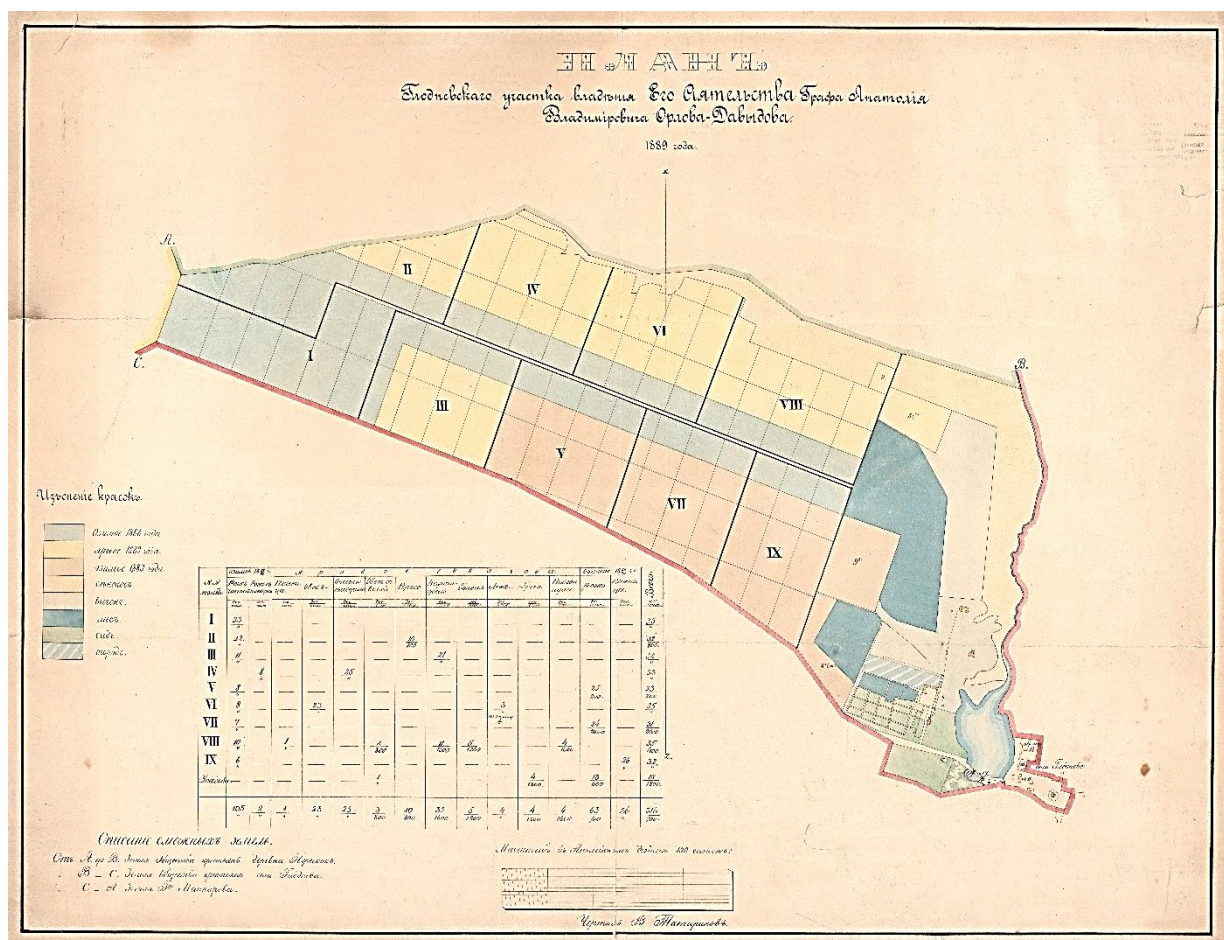
Список иллюстраций

Ил. 1. Граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов. Диплом почетного члена Общества вспомоществования недостаточным ученикам Новозыбковского реального училища. Публикуется впервые. ОР РГБ. Ф. 219. К. 135. Ед. хр. 4. Л. 1.

Ил. 2. «План хутора Городищенского Глодневской вотчины с описанием построек» 1891 год. РГИА. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 206. Л. 1.

Ил. 3. «План Глодневского участка владения Его Сиятельства Графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова» 1889 год. РГИА. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 205. Л. 1.

POSSESSIONS OF THE COUNTS OF ORLOV-DAVYDOV IN THE ORYOL PROVINCE (UNPUBLISHED SOURCES)

The article gives a detailed description of the Glodnevsky estate of the mid-late XIX century, based on the involvement of little-known documents in the personal funds of Counts Kushelev-Bezborodko and Counts Orlov-Davydov, stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library, in the Russian State Archive of Ancient Acts and in the Russian State Historical Archive, and also used the materials of the Central State Archive of Moscow. On the basis of archival sources, the economic model of the Glodnev estate development is traced, including the economic activity of the estate is sufficiently reflected. At the end of the XVIII century, the owners of the Glodnevsky estate were the illustrious nobles Bezborodko, then the Kushelevs-Bezborodko, representatives of this family served the Fatherland faithfully for many decades. In this regard, their private life, including those related to the management of the estate, deserves attention. The next owner of the Glodnevsky estate was Count A.V. Orlov-Davydov. For the period of ownership of the estate by Count Anatoly Vladimirovich, the estate turns into a high-yield economy. The relevance of the article is also determined by the fact that a significant part of the land of the Glodnevsky estate was located on the territory of the modern Bryansk region. Despite the fact that most of the buildings on the estate have been lost, the main manor house, fragments of the park have survived to this day, so it is quite fair to pay more attention to this manor and highlight its historical past.

Keywords: noble estates, Counts Orlov-Davydov, Counts Kushelev-Bezborodko, Glodnevsky estate, Gorodishchensk distillery.

References

1. Bryuhanov Ivan Ivanovich. (1888). Pis'ma i telegrammy k grafu A.V. Orlovu-Davydovu [Bryukhanov Ivan Ivanovich. Letters and telegrams to Count A.V. Orlov-Davydov] // Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB). F. 219. K. 39. Ed. hr. 23.
2. Byudzhet po vinokurennomu zavodu za 1870/71 gg. [Distillery budget 1870/71] // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 1377. Op. 1. Ed. hr. 103.
3. Glavnaya Kontora grafa A.V. Orlova-Davydova. Instrukcii dannye revizoru Stejnu A.A. [The main office for managing the estates of the Orlov-Davydov counts. Instructions given to revezor Stein A. A.] // OR RGB. F. 219. K. 4. Ed. hr. 50.
4. Glavnaya Kontora po upravleniyu imeniyami grafov Orlovyh-Davydovyh. Doneseniya grafu A.V. Orlovu-Davydovu [The main office for managing the estates of the Orlov-Davydov counts. Reports to Count A.V. Orlov-Davydov] // OR RGB. F. 219. K. 4. Ed. hr. 53.
5. Glavnaya Kontora po upravleniyu imeniyami grafov Orlovyh-Davydovyh. Pis'ma k grafu A. V. Orlovu-Davydovu [The main office for managing the estates of the Orlov-Davydov counts. Letters to Count A. V. Orlov-Davydov] // OR RGB. F. 219. K. 5. Ed. hr. 4.
6. Graf Aleksej Konstantinovich Tolstoj. Pis'mo k Orlovym-Davydovym, grafu Vladimiru Petrovichu i grafu Anatoliyu Vladimirovichu [Count Alexey Konstantinovich Tolstoy. Letter to the Orlov-Davydovs, Count Vladimir Petrovich and Count Anatoly Vladimirovich] // OR RGB. F. 219. K. 62. Ed. hr. 76.
7. Gusev, N.N. (1954). Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1828 po 1855 god [Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1828 to 1855] / AN SSSR. Int mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo; Otv. red. M.K. Dobrynin. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 628 s.
8. Denezhnyj desyatiletnij otchet po imeniyam [Monetary ten-year report on estates] // RGADA. F. 1377. Op. 1. Ed. hr. 285.
9. Delo ob ustrojstve vinokurenного завода [The case of the device of the distillery] // RGADA F. 1377. Op. 1. Ed. hr. 112.
10. Zapiska o lichnom sostave upravlyayushchih i o vedenii hozyajstva [Note on the personnel of the managers and on the management of the economy] // OR RGB. F. 219. K. 5. Ed. hr. 25.

11. Zapiski po voprosam o prodazhe hleba, zapashke, ovcevodstvu i t. d. [Notes on the sale of bread, plowing, sheep breeding, etc.] // OR RGB. F. 219. K. 5. Ed. hr. 34.
12. Izvestiya Glavnoj Kontory Brasovskogo i Deryuginskogo imenij Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Mihaila Aleksandrovicha, № 2-3. (1915) [News of the Main Office of the Brasov and Deryuginsky estates of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. Dmitriev: Tipografiya A.D. Krivopushchenko.
13. Ispolnitel'nyj i vvodnyj listy, udostovereniya o vvode gr. A.A. Orlova-Davydova vo vladenie Gorodishchenskoj votchiny Orlovskoj gubernii. (1906-1916). [Executive and introductory sheets, certificates of entry of column A.A. Orlova-Davydov in the possession of the Gorodishche estate of the Oryol province] // Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 1013. Op. 1. D. 42.
14. Kniga godovyh otchetov Glavnoj kontory po imeniyam A.V. Orlova-Davydova [Book of annual reports of the Main Office for the estates of A.V. Orlov-Davydov] // RGADA. F. 1273. Op. 1. CH. 3. Ed. hr. 2597.
15. Koroleva I.A. (1988) «O.I. Orlovoj-Davydovoj». Literaturnoe nasledstvo [O.I. Orlova-Davydova. Literary legacy] AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Otv. red. S.A. Makashin, K.V. Pigarev, T.G. Dinesman. M.: Nauka, Tom 97. Kniga 1. S. 181-182.
16. Krainskij Vasilij Andreevich. Spisok chlenov-osnovatelej Bryanskogo Obshchestva sel'skogo hozyajstva [Krainsky Vasily Andreevich. List of founding members of the Bryansk Society of Agriculture] // OR RGB. F. 219. K. 101. Ed. hr. 39.
17. Lichnye dela uchashchihsya. Korzhevin S.F. [Personal files of students. Korzhevin S.F.] // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGA Moskvy). F. 472. Op. 2. D. 695.
18. Materialy po imeniyu «Glodnevo» grafa A.V. Orlova-Davydova [Materials on the estate "Glodnevo" of Count A.V. Orlov-Davydov] // OR RGB. F. 219. K. 5. Ed. hr. 32.
19. Opisanie imeniya Glodnevo, prinadlezhashchie Ego Siyatel'stvu Grafu Anatoliyu Vladimirovichu Orlovu-Davydovu [Description of the Glodnevo estate belonging to His Excellency Count Anatoly Vladimirovich Orlov-Davydov] // CGA Moskvy. F. 642. Op. 1. D. 465.
20. Opisi dvizhimogo i nedvizhimogo imushchestva Kushelevyh-Bezborodko [Inventories of movable and immovable property of the Kushelev-Bezborodko] // RGADA F. 1377. Op. 1. Ed. hr. 778-779.
21. Opisanie otdel'nyh russkih hozyajstv. Vypusk 2. (1897). Orlovskaya guberniya. Ministerstvo zemledeliya i gosudarstvennyh imushchestv. Departament zemledeliya [Description of individual Russian farms. Issue 2. Oryol province. Ministry of Agriculture and State Property. Department of Agriculture] SPb., 61 s.
22. Opisanie otdel'nyh russkih hozyajstv. Vypusk 1. (1897). Tul'skaya guberniya. Ministerstvo zemledeliya i gosudarstvennyh imushchestv. Departament zemledeliya [Description of individual Russian farms. Issue 1. Tula province. Ministry of Agriculture and State Property. Department of Agriculture] SPb., 71 s.
23. Orlov-Davydov V.P. (1878). «Biograficheskij ocherk grafa Vladimira Grigor'evicha Orlova. Sostavlenn vnukom ego grafom Vladimirom Orlovym-Davydovym» [Biographical sketch of Count Vladimir Grigorievich Orlov. Compiled by his grandson, Count Vladimir Orlov-Davydov] T. II. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 371s.
24. Svedeniya o kolichestve zemel' pri hutorah Glodnevskoj ekonomii [Information about the amount of land at the farmsteads of Glodniewski economy] // RGADA. F. 1377. Op. 1. Ed. hr. 125.

Об авторе

Ерофеева Галина Игоревна – магистрант Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. Факультет истории и международных отношений, специалист отдела музейно-образовательных программ ГБУК г. Москвы ГМЗ «Царицыно» (Россия), E-mail: nosoreva1987@mail.ru.

Erofeeva Galina Igorevna - Master's student of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. Faculty of History and International Relations, Specialist of the Department of Museum and Educational Programs of the Moscow State Museum of Fine Arts "Tsaritsyno" (Russia), E-mail: nosoreva1987@mail.ru.

УДК 94(47)«1941/1945»

Комаров Д.Е., доктор исторических наук, профессор, Смоленский казачий институт промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского ПКУ (филиал в г.Вязьме) Россия

ОСВОБОЖДЕНИЕ СМОЛЕНЩИНЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье дается анализ наступательных операций Красной Армии в 1942-1943 гг., развернувшихся на территории Смоленской области. Бои на западном стратегическом направлении, в этот период рассматриваются в общем контексте коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Концентрируется внимание на экономических и политических факторах, определяющих стратегию советского верховного командования в планировании масштабных боевых операций, против гитлеровской группы армий «Центр». Раскрыты причины и последствия, не верной оценки состояния и потенциальных возможностей войск противника, накануне общего наступления на советско-германском фронте в январе 1942 г. Выделены отличительные особенности операций Красной армии на центральном, Московском направлении, в ходе которых была освобождена Смоленская область (в границах до 1944 г., с учетом территорий, которые позже отошли в Калужскую и Калининскую области). На примере изменения численности личного состава и техники Западного и Калининского фронтов, показано постепенное наращивание перевеса над войсками противника, удерживающих Ржевско-вяземский выступ – плацдарм для наступления на Москву по кратчайшему маршруту. Раскрывается постепенный процесс перехода стратегической инициативы к советской армии на этом участке советско-германского фронта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Смоленская область, коренной перелом в войне, боевые действия, Западный фронт.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-67-76

Территория Смоленской области в 1942-1943 гг. оказалась в стороне от основных крупных битв периода коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (Сталинградская битва, битва на Курской Дуге, прорыв Ленинградской блокады, битва за Днепр), но развитие оперативно-стратегической обстановки здесь, на западном направлении, напрямую зависело от их результатов.

Смоленская область была освобождена в результате трех стратегических наступательных операций, и на их примере можно проследить процесс постепенного накапливания перевеса в силах, рост воинского мастерства и постепенного перехода стратегической инициативы в руки Красной Армии. Каждая из этих операций: Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция января-апреля 1942 г., Ржевско-Вяземская наступательная операция марта 1943 г. и

Смоленская стратегическая наступательная операция августа-октября 1943 г. достаточно детально разработаны в отечественной историографии. Их ход и результаты описаны как в энциклопедических изданиях [1, 2, 3], посвященных Великой Отечественной войне, так и в отдельных исследованиях [8, 10]. Однако, на данный момент не предпринималась попытка проанализировать ход наступательных действий советских войск в 1942-1943 гг. в комплексе, на фоне общего коренного перелома в войне, в границах конкретного российского региона. В представленной статье проведен такой анализ, что позволяет на примере западного направления детализировать и развить наши знания об общем процессе перехода стратегической инициативы на всем советско-германском фронте к Красной Армии.

Освобождение Смоленщины началось

еще в ходе общего наступления Красной Армии на советско-германском фронте в январе 1942 г. 8 января на центральном участке фронта началась широкомасштабная Ржевско-Вяземская наступательная операция. Эта операция явилась логическим продолжением разгрома гитлеровских войск под Москвой, в которой противнику было нанесено серьезное поражение. Так, в донесении 4 ТА в штаб группы армий «Центр» 05.01.1942 г. указывалось, что «боевой состав дивизий по одному усиленному батальону», отмечались большие потери от обморожений и бреши в линии фронта [22, ф.500, оп. 12462, д. 160 л.10, 23]. Безусловно, противник понес серьезные потери, но это отнюдь не означало, что он был полностью разбит и истратил имевшиеся резервы.

Советское командование, во многом переоценило масштабы одержанной победы и планировало дальнейшие действия, исходя из чрезвычайно завышенных данных о потерях противника. Так, по информации разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии вооруженные силы Германии с 22 июня до ноября 1941 г. потеряли более 4,4 млн. человек, а на 1 марта 1942 г. – 6,5 млн., в том числе сухопутные войска – 5,8 млн. А к лету 1942 г. наша официальная печать доведет численность убитых, раненых и пленных солдат и офицеров вермахта до 10 млн. человек [20, с. 20; 14]. Говоря о потерях противника на центральном участке фронта, можно упомянуть о сведениях, предоставленных в Ставку ВГК командованием Западного фронта, по которым неприятель только с 6 по 10 декабря 1941 г. потерял убитыми 85 тыс. человек [22, ф.208, оп. 2511, д. 1035, л. 63, 64; 21. Ф. 16а, оп. 946, д. 125, лл. 240-243].

Данные немецкой стороны во многом отличаются от данных советской стороны. По их сведениям, за весь декабрь 1941 г. группа армий «Центр» (то есть с учетом

потерь и на Калининском фронте) потеряла убитыми, ранеными и эвакуированными в тыл 104 тыс. человек [17, с. 381].

Контрнаступление под Москвой нанесло сильный удар по германской военной машине, но вермахт смог достаточно организованно отойти и закрепиться на новых рубежах. Неправильная оценка сил привела к тому, что в высших эшелонах власти родился план широкомасштабного наступления по всему фронту. Против этого плана выступал Г.К. Жуков [7, с. 234]. Он понимал, что для успешного наступления недостаточно только того обстоятельства, что противник ослаб и понес ощутимые потери. Для этого необходимо самому располагать значительными, превосходящими противника силами и только в этом случае можно рассчитывать на стремительное и победоносное наступление. Как свидетельствуют факты, таких сил в тот момент у СССР не было.

Валовая продукция промышленности СССР с июля по декабрь 1941 г. сократилась более, чем в 2 раза. СССР по объему производства важнейших видов продукции отставал от Германии с оккупированными ею странами в 5-6 раз (против 1,5 – 2 раз к началу войны) [4, с. 43; 9, с. 61]. К концу 1941 г. численность рабочих и служащих сократилась на 13 млн. человек [18, ф. 644, оп. 1, д. 16, л. 96]. Советская оборонная промышленность просто не в силах была обеспечить такие широкомасштабные планы советского руководства.

Красная Армия испытывала трудности и с людскими резервами. Шесть месяцев непрерывных боев и поражений привели к огромным потерям в личном составе РККА – 5,3 млн. погибших, раненых, попавших в плен и без вести пропавших. На оккупированной территории было оставлено более 5360 тыс. военнообязанных. Советское государство было вынуждено призвать на военную службу мужчин всех возрастов, вплоть до 1890

года рождения [11, с. 23; 2, с. 76].

На начало 1942 г. советские войска ни на одном участке фронта не имели ни количественного, ни качественного превосходства над противником. Девять новых армий, сформированных почти перед наступлением, были распределены по фронту почти равномерно. Уровень подготовки командующих и штабов, степень материального обеспечения войск были недостаточны для выполнения задач наступления.

Практически сразу же после начала Ржевско-Вяземской наступательной операции в январе-феврале 1942 г. стали очевидными все просчеты советского командования. Удалось освободить несколько западных районов Смоленской области. Отдельным частям Западного и Калининского фронтов удалось прорвать оборону противника в наиболее слабых местах и устремиться к опорным пунктам вражеской обороны (Ржеву, Вязьме, Белому и др.), но сил для развития наступления было явно недостаточно. Противнику в феврале 1942 г. удалось восстановить линию фронта и отрезать прорвавшиеся в глубь вражеской обороны советские части. Для усиления группы армий «Центр» в январе 1942 г. в группу армий Центр было направлено 5 пехотных дивизий, а в феврале-апреле из Франции, Германии и Югославии – еще 8 пехотных дивизий и 2 охранные бригады [14, с. 459, 464]. В апреле 1942 г. была уничтожена западная группировка 33-й армии, а в течение лета гитлеровцами были ликвидированы партизанские края на территории Смоленской области, а регулярным частям РККА, действовавшим на территории области, с трудом удалось пробиться через линию фронта к своим.

Как видим, зимой-летом 1942 г. немецкие войска обладали достаточной силой, имели резервы и успешно отражали наступательные действия советских войск. Потери Красной Армии, не считая

партизан, в ходе проведения Ржевско-Вяземской наступательной операции в период с 8 января по 20 апреля 1942 г. составили: 776889 человек (санитарные и безвозвратные), 957 танков; 7296 орудий и минометов; 550 боевых самолетов [5, с. 176, 369]. Общие потери гитлеровской группы армий «Центр» за январь-апрель 1942 г., по данным профессора С.Н. Михалева, составили 379,7 тыс. человек [13, с. 113]. Наиболее точную характеристику наступательным действиям на центральном участке фронта зимой-весной 1942 г. дал в своих мемуарах Г.К. Жуков, сказав: «Зимой 1942 г. мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные, с общей точки зрения, идеи о широком наступлении. А, не имея сил, войска не могли создать ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт» [7, с. 237].

Совсем в другой обстановке проходил второй этап освобождения Смоленщины. Уже через несколько недель после ликвидации окруженной группировки противника под Сталинградом началась Ржевско-Вяземская наступательная операция. Победа в Сталинградской битве ознаменовала собой новый этап Великой Отечественной войны. Стратегическая инициатива и перевес в силах неуклонно переходили в руки Красной Армии. На смоленском направлении это выразилось в решении германского командования оставить Ржевско-Вяземский плацдарм и вывести за счет этого часть сил на другие участки фронта. Перед началом Ржевско-Вяземской операции на всем участке Западного и Калининского фронтов советские войска имели численное превосходство и перевес в вооружении и технике. Наиболее значительным это превосходство было в полосе 30-й армии: в живой силе – в 2,5 раза, в танках – в 6 раз, в артиллерии – в 2,5 раза; в полосе 5-й армии:

в живой силе – в 2 раза, в танках – в 3 раза, в артиллерии – в 1,3 раза и т. д. [22, ф. 208, оп. 2511, д. 2605 л.5; 22, ф. 208, оп. 2511, д. 2606, л. 24].

Это отступление противника представляло собой отказ германского командования от наступления на Москву по самому короткому маршруту – с территории Ржевско-Вяземского плацдарма. Планирование своих действий с этого момента германское командование осуществляло с учетом численного и качественного превосходства частей Красной Армии. К 22 марта 1943 г. Ржевско-Вяземская наступательная операция завершилась. Был ликвидирован Ржевско-Вяземский плацдарм, и освобождена восточная часть Смоленской области.

Необходимо отметить ряд особенностей этой операции. Несмотря на отступление, инициатива находилась в руках противника, и стратегическая обстановка развивалась по плану, диктуемому германским командованием. Нашим войскам в течение всего наступления не удалось переломить обстановку. Окружить и разгромить центральную группировку немецких войск также не удалось. Темпы преследования противника, в целом, оказались низкими и составляли лишь 6-7 километров в сутки. Вместо стремительного выхода на пути отхода противника, войска фронтов фактически двигались за ним и занимали то, что он оставлял.

Данная операция характеризует собой начало коренного перелома в войне на западном стратегическом направлении. Перевес в силах на этом участке фронта был уже достигнут, но советские войска, как командный состав, так и рядовой, оказались не готовы к проведению такой операции. Если опыт ведения оборонительных боев, где главный упор делался на упорство, героизм и мужество, в войсках имелся, то опыта и навыков ведения наступательной операции на фронте поспешно отступавшего противника не

было. Войска Калининского и Западного фронтов, не имея крупных подвижных соединений, оказались не в состоянии вести решительное преследование противника, перерезать его коммуникации, рассекать его группировки и бить его по частям. Попытка введения в действие двух танковых корпусов (1-го и 5-го) в середине марта 1943 г. на южном фланге наступления ни к чему не привела, а части корпусов понесли значительные потери. За несколько дней боев танковые корпуса, по нашим данным, потеряли 132 машины [1, с. 241]. По данным немецкой стороны, потери советских танковых соединений были намного больше. Так, в германских документах отмечалось: «...В течение 17-18 марта в районе Дюки противник потерял убитыми 2000 солдат и офицеров. В 8 танковых бригадах, участвующих в боях 18 марта, по предварительным данным 370 танков, из них 257 подбито» [22, Ф. 500, оп. 12462, д. 561, л. 123, 130, 134].

Попытки прорвать линию фронта, на которой противник закрепился силами 17 дивизий после оставления Ржевско-Вяземского плацдарма, оказались безрезультатными [15, с. 178].

Командующий группой армий «Центр» после завершения операции доложил главнокомандующему сухопутных войск: «Маневр проведен планомерно. Противнику не удалось помешать отходу... Это выигранное сражение» [21, с. 227].

В ходе мартовской Ржевско-Вяземской наступательной операции 1943 г. были очищены от врага 19 тыс. кв. км. Свободными стали уже 29 районов области (из 54) и 7 районов частично – 60% территории области. Главным результатом Ржевско-Вяземской наступательной операции явилась ликвидация опасного плацдарма на центральном участке фронта. Линия фронта на Московском направлении была отодвинута еще на 130–150 км [10, с. 427].

После мартовского наступления в

полосе правого крыла Западного и Калининского фронтов наступило относительное затишье. Эпицентром основных боевых действий стал район Курской дуги. Как известно, противник в районе Курского выступа сосредоточил резервы и намерен был нанести решающий удар. Но враг был остановлен, разбит и отброшен. Битва на Курской дуге явилась кульминацией коренного перелома в войне. Израсходовав все резервы и силы на осуществление операции «Цитадель» и не достигнув результатов, противник утратил возможность вести активные наступательные действия, был вынужден перейти к обороне и «латанию дыр» на всем советско-германском фронте.

Освобождение западных районов Смоленщины произошло в ходе Смоленской стратегической наступательной операции под кодовым наименованием «Суворов», осуществляемой войсками Западного и Калининского фронтов (7 августа – 2 октября 1943 г.). Данная операция включала в себя несколько более мелких наступательных операций и являлась составной частью общего наступления Красной Армии. Наступательная операция «Суворов» развернулась на широком участке фронта в 600 км и продолжалась 57 дней.

Операция «Суворов» явилась логическим продолжением коренного перелома в войне и следствием разгрома противника на Курской дуге. К этому моменту Красной Армии удалось на смоленском направлении еще более увеличить перевес в силах над противником. Так, войскам Западного и Калининского фронтов удалось довести численность своих войск к началу операции до 1252600 человек, 20640 орудий и минометов, 1436 танков и самоходных орудий и 1100 боевых самолетов. Им противостояла 850-тысячная группировка противника, имевшая на вооружении до 8800 орудий и минометов, более 500 танков и штурмовых орудий и 700 боевых самолетов [3, с. 217].

Наше командование на этом участке фронта еще не планировало широкомасштабных единовременных наступательных операций на больших участках фронта с глубокими прорывами и охватами противника, как это будет позже в Белорусской наступательной операции, а придерживалось тактики локальных, логично вытекавших друг из друга тактических наступательных операций. О том, какое значение предстоявшей операции придавало советское Верховное командование, свидетельствует тот факт, что накануне начала операции в полосу Калининского фронта выезжал сам И.В. Сталин (документально подтверждается всего лишь несколько фактов выезда Сталина на фронт). 5 августа 1943 г. Сталин лично встречался и беседовал с командующим фронтом А.И. Ерёменко о подготовке предстоявшей операции [6, с. 33].

В отличие от предшествовавших наступательных операций на этом направлении операция «Суворов» имела ряд существенных отличий.

Во-первых, противник планировал держать устойчивую оборону и для усиления своей группировки перебрасывал дополнительные силы с других участков фронта. Так, в полосы Калининского и Западного фронтов в ходе операции было переброшено дополнительно 16 дивизий противника, из которых 13 – с Орловско-Брянского направления [8, с. 164].

Во-вторых, отличием Смоленской наступательной операции явилось активное и массированное использование артиллерии и поддержки наступления войск авиацией.

В-третьих, нашим войскам после прорыва глубоко эшелонированной обороны и выхода на оперативный простор удалось эффективными действиями подвижных частей и соединений умело перерезать коммуникации и создать для гитлеровцев угрозу фланговых охватов. Так, в дневном оперативном донесении

группы армий «Центр» за 24 сентября отмечается: «В районе 4 А (армии) началось новое наступление противника на стыке 9 ак (армейского корпуса) и 39 тк (танкового корпуса), которое привело к прорыву наших слабых линий обороны. Кавалерия и танки в количестве, до сих пор невиданном, совершили удар на дороги Монастырщина, Смоленск... Смоленск и Рославль сегодня ночью, согласно плану, будут оставлены» [22, ф. 500, оп. 1212462, д. 150, л. 165].

Общим итогом летне-осеннего наступления 1943 года на западном направлении явился прорыв мощнейшей гитлеровской оборонительной линии, освобождение огромной территории и нанесение врагу поражения на этом важном стратегическом направлении. Наши войска выполнили основную задачу – своими наступательными действиями способствовали успешному завершению наступления Красной Армии на Курском направлении. В ходе Смоленской наступательной операции была практически полностью очищена от врага территория Смоленской области, и началось освобождение Белоруссии. Всего было освобождено более 7500 населенных пунктов. Сами немецкие историки отметили, что «в результате сражение за Смоленск...было проиграно» [21, с. 272].

Таким образом, можно утверждать, что процесс освобождения основной части территории Смоленской области происходил в ходе наступательных операций, являвшихся составной частью широко-масштабного коренного перелома в ходе войны. На Смоленском направлении он проходил постепенно и ценой больших потерь. Так, потери Западного и Калининского фронтов в Ржевско-Вяземской наступательной операции марта 1943 г. и в ходе операции «Суворов» составили 590 тыс., из которых 146507 человек – потери «безвозвратные» [19, с. 228, 313].

Анализ боевых действий на

Смоленском направлении в период 1942-1943 гг. позволяет наиболее ярко определить изменение оборонительной тактики противника в процессе коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (и периода предшествующего ему), которая выражается в трех основных этапах.

Первый (январь 1942 – февраль 1943 гг.) – характеризовался активной обороной и сдерживанием наступательных действий Красной Армии. Причем в этот период верховное командование Вермахта рассматривало реальную возможность «броска на Москву» по самому кратчайшему маршруту – с территории Ржевско-Вяземского плацдарма. С целью не дать возможности подготовить и осуществить подобный план, советское командование проводило на этом участке фронта постоянные наступательные операции. В масштабах Калининского и правого крыла Западного фронтов (не считая многочисленных частных операций в масштабе фронтов и армий) советским командованием во второй половине 1942 года были проведены две крупные операции: Ржевско-Сычёвская наступательная операция 30 июля – 23 августа 1942 года и Ржевско-Сычёвская наступательная операция 25 ноября – 20 декабря 1942 года. Постоянные наступательные действия наших войск на западном стратегическом направлении в 1942 году не только сковывали силы противника и не давали их использовать на других участках фронта, постоянные удары Красной Армии на этом участке фронта стали одной из основных причин того, что за весь период своего существования Ржевско-Вяземский плацдарм не стал для гитлеровцев «балконом для прыжка на Москву». Враг не мог здесь накапливать резервы, а был вынужден бросать имевшиеся силы на отражение наших атак.

Второй этап характеризуется планомерным отступлением с сохранением

стратегической инициативы в своих руках. В ходе отвода войск с территории Ржевско-Вяземского плацдарма немецкому командованию удалось сократить линию фронта с 550 км до 200 км. Это дало возможность врагу высвободить четыре управления корпусов и 20 дивизий (15 пехотных, 3 танковых и 2 моторизованных), из которых 15 было переброшено на другие опасные направления, что позволило остановить наступление Центрального и Брянского фронтов.

И третий этап – это вынужденное отступление с большими потерями в результате наступательных действий превосходивших сил Красной Армии. Стратегическая инициатива практически полностью на этом направлении перешла в руки Красной Армии. Бои на Смоленщине летом-осенью 1943 г. привели к крушению

пресловутого «восточного вала» в верховьях Днепра. Германские войска вынуждены были перейти на фоне превосходства советских войск к новой тактике, в ходе которой решалась главная задача – изматывание Красной Армии и нанесение ей максимальных потерь с тем, чтобы она утратила возможность дальнейших наступательных действий. Ход Смоленской операции показал, что эта тактика немцев частично срабатывала. Продвижение войск, в большинстве случаев, было медленным, и части Калининского и Западного фронтов понесли значительные потери. Сил пробить тот заслон, который поставили гитлеровские войска на восточной границе с Белоруссией, уже не было. Фронт здесь стабилизировался до начала операции «Багратион».

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки в четырех книгах. Кн. 2. М.: Наука, 1998. 502 с.
2. Великая Отечественная война. 1941-1945: События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
3. Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М.: Политиздат, 1973. 542 с.
4. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. 192 с.
5. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
6. Ерёменко А. И. Годы возмездия. 1943–1945. М.: Финансы и статистика, 1985. 424 с.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: Новости, 1987. 325 с.
8. Истомин В.П. Смоленская наступательная операция (1943 г.). М.: Воениздат, 1975. 213 с.
9. Комаров Д.Е. Эксплуатация советской экономики немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) Смоленск: СГПУ, 2001. 188 с.
10. Комаров Д.Е. Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. Региональный аспект. 1941 - 1945 гг.: на материалах Смоленской области. Дис...докт. ист. наук. Москва: МПГУ, 2007. 645 с.
11. Мазуркевич Р.В. Планы и реальность // Военно-исторический журнал. № 2. 1992. С. 22-31.
12. Маланьин К. Провал «блицкрига» в цифрах потерь немецко-фашистской

армии // Военно-исторический журнал. 1967. № 12. С. 80-86.

13. Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистическое исследование. Красноярск, 1997. 139 с.

14. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945: Военно-исторические очерки. Т. 1. М.: Воениздат, 1958. 735 с.

15. Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945. Военно-исторические очерки. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. 523 с.

16. Правда. 1942. 24 июня.

17. Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 гг. М.: Воениздат, 1980. 383 с.

18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

19. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.

20. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. 205с.

21. Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.

22. Центральный архив Министерства обороны РФ.

LIBERATION OF SMOLENSK REGION AS AN INTEGRAL PART OF THE INDIGENOUS TURNING POINT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyzes the offensive operations of the Red Army in 1942-1943, deployed on the territory of Smolensk region. The battles in the western strategic direction during this period are considered in the general context of a radical turning point in the course of the Great Patriotic War. Attention is focused on the economic and political factors that determine the strategy of the Soviet high command in planning large-scale military operations against the Nazi Army Group Center. There were revealed the causes and consequences of an incorrect assessment of the state and potential capabilities of the enemy troops on the eve of the general offensive on the Soviet-German front in January 1942. The distinctive features of the operations of the Red Army in the central, Moscow direction, during which Smolensk region was liberated (within the borders until 1944, taking into account the territories later transferred to Kaluga and Kalinin regions). Using the example of changes in the number of personnel and equipment of the Western and Kalinin Fronts, a gradual build-up of superiority over the enemy troops holding the Rzhev-Vyazma ledge - a bridgehead for an attack on Moscow along the shortest route is shown. The article reveals the gradual process of the transition of the strategic initiative to the Soviet army in this sector of the Soviet-German front.

Keyword: the Great Patriotic War, Smolensk region, a radical turning point in the war, hostilities, the Western Front.

References

1. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945. (1998). Voennno-istoricheskie ocherki v chetyrekh knigah [The Great Patriotic War of 1941-1945. Military-historical essays in four books]. Book 2. М.: Nauka. 502 s.

2. Velikaya Otechestvennaya vojna. (1990). 1941-1945: Sobytiya. Lyudi. Dokumenty: Kratkij istoricheskij spravocchnik [The Great Patriotic War. 1941-1945: Events. People. Documents: A brief historical reference]. М.: Politizdat. 464 s.

3. Velikaya Otechestvennaya vojna. Kratkij nauchno-populyarnyj ocherk (1973). [The Great Patriotic War. Brief popular science essay]. М.: Politizdat. 542 s.

4. Voznesenskij N. (1947). Voennaya ekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Military economy of the USSR during the Great Patriotic War]. М.: Gospolitizdat. 192s.

5. Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennyh Sil SSSR v vojnah, boevykh dejstviyakh i voen. konfliktah. Statisticheskoe issledovanie. (1993)/ [The classification of secrecy is removed: The losses of the Armed Forces of the USSR in wars, combat operations and military conflicts. Statistical research]. M.: Voenizdat. 416 s.
6. Eryomenko A. I. (1985)/ Gody vozmezdiya. 1943–1945 [Years of retribution. 1943–1945]. M.: Finance and Statistics. 424 s.
7. Zhukov G.K. (1987). Vospominaniya i razmyshleniya. [Memoirs and reflections]. Vol. 2. M.: Novosti. 325 s.
8. Istomin V.P. (1975). Smolenskaya nastupatel'naya operaciya (1943 g.). [Smolenskaya offensive operation (1943)]. M.: Voenizdat. 213 s.
9. Komarov D.E. (2001). Ekspluatatsiya sovetskoj ekonomiki nemecko-fashistskimi zahvatchikami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1944 gg.). (2001). [Exploitation of the Soviet economy by the German-fascist invaders during the Great Patriotic War (1941–1944)]. Smolensk: SGPU. 188 s.
10. Komarov D.E. (2007). Velikaya Otechestvennaya vojna: boevye dejstviya, vlast', narodnye massy. Regional'nyj aspekt. 1941 - 1945 gg.: na materialah Smolenskoj oblasti [The Great Patriotic War: military actions, power, and the masses. Regional aspect. 1941–1945: based on the materials of Smolensk region]. Dr. hist. sci. diss. M.: MPGU. 645 s.
11. Mazurkevich R.V. (1992). Plany i real'nost' [Plans and reality]. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-historical journal]. 2. S. 22–31.
12. Malan'in K. (1967). Proval «blitzkriega» v cifrah poter' nemecko-fashistskoj armii [The failure of the "blitzkrieg" in the figures of losses of the German fascist army. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military-historical journal]. 12. S. 80–86.
13. Mihalev S.N. (1997). Lyudskie poteri v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Statisticheskoe issledovanie [Human losses in the Great Patriotic War of 1941–1945. Statistical research]. Krasnoyarsk, 1997. 139 s.
14. Operacii sovetskih vooruzhennyh sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945: Voenno-istoricheskie ocherki. (1958). [Operations of the Soviet armed forces in the Great Patriotic War of 1941–1945: Military-historical essays]. Vol. 1. M.: Voenizdat. 735 s.
15. Operacii sovetskih vooruzhennyh sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945: Voenno-istoricheskie ocherki. (1958). [Operations of the Soviet armed forces in the Great Patriotic War of 1941–1945: Military-historical essays]. Vol. 2. M.: Voenizdat. 523 s.
16. Pravda [The truth]. 1942. June 24.
17. Rejngardt K. (1980). Povорот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 гг. [The turn near Moscow: The Collapse of Hitler's strategy in the winter of 1941/1942]. M.: Voenizdat. 383 s.
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)].
19. Rossiya i SSSR v vojnah XX veka: Poteri vooruzhennyh sil. Statisticheskoe issledovanie. (2001). [Russia and the USSR in the wars of the XX century: Losses of the armed forces. Statistical research]. M.: OLMA-PRESS. 607 s.
20. Stalin I. (1947). O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza [About the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moskva. 205 s.
21. Haupt V. (2006). Srazheniya gruppy armij «Centr» [Battles of the army group "Center"]. M.: Yauza, Eksmo. 352 s.

22. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

Об авторе

Комаров Дмитрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского ПКУ (филиал в г. Вязьме) Россия. Email: Buffel1943@mail.ru

Komarov Dmitry Evgenievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Smolensk Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovsky PKU (branch in Vyazma) Russia. Email: Buffel1943@mail.ru

Кошельков В.А., аспирант, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет».

ПРОСТРАНСТВО СЛУХОВ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье представлена история, география и содержание циркулировавших слухов среди жителей Псковской губернии в первой трети XIX в. Изучена историография и источниковая база по данной проблеме. Документы, раскрывающие содержание слухов, концентрируются в делах 20 фонда Государственного архива Псковской области. На основании анализа этих источников была произведена периодизация циркулирования слухов. Среди основных периодов распространения слухов на территории Псковской губернии выделяются июль – август 1812 г., 1822–1826 гг., 1826–1830 гг. и начало 1830-х гг. Автором выявлены причины, побудившие зарождение слухов среди жителей Псковского края. На отдельных примерах раскрывается реакция простого населения губернии на военные слухи 1812 г. Особое внимание уделяется и реакции губернских властей на распространение ложных слухов во все периоды их циркулирования. Автором сделаны выводы о высоком значении слухов в вопросе изучения истории социального пространства Псковской губернии первой трети XIX в. Работа является актуальной по причине того, что именно в последние десятилетия заметно возросло внимание исторического сообщества к вопросам социальной истории. Уникальность настоящего исследования заключается в том, что ряд исторических источников впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: социальная история, социальное пространство, военные слухи, слуховедение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-77-82

Циркулирование слухов характерно для любого общества и эпохи. Слухи являются важным элементом исторического процесса, и привлекают немалое внимание у современных исследователей. По справедливому замечанию А.К. Егорова, слухи «формируют как фон исторических событий, так и непосредственно воздействуют на эти события» [2, с. 3]. Само рождение слухов может быть связано, с одной стороны, с желанием общества узнать правду или же напротив – желанием эту правду исказить. Слухи являются естественной реакцией социума на резонансные события и своеобразным компенсатором отсутствия информации.

Нужно сказать, что исследователи особое внимание изучению слухов уделили только в последние десятилетия. Советский и российский историк Кабанов В.В. указывал, что отечественная наука такой феномен как слухи обходила и не придавала им особого внимания. По его мнению, рождение слухов связано с крупными поворотами в истории, например, голодом, войнами и восстаниями, революциями [3, с. 255].

Одной из наиболее существенных работ, в которой была показана значимость слухов в социальной истории является труд И.В. Побережникова «Слухи в социальной истории: типология и функции» [5]. Историк отмечает, что в XVIII – XIX вв. слухи составляли важную часть социального пространства, так как они зачастую сопутствовали социальным и социально-политическим конфликтам [5, с. 47].

Конечная цель данного исследования состоит в выявлении характера циркулирующих слухов среди жителей Псковской губернии, определении круга проблем, тревоживших население Псковской губернии, временных рамок распространения слухов, а также социального состава распространителей.

В истории Псковской губернии первой половины XIX в. известно несколько периодов циркулирования слухов. Согласно сохранившимся документам в Государственном архиве Псковской области, первая волна циркулирования слухов была связана с событиями Отечественной войны 1812 г. Хронологически слухи охватывали период июля – августа 1812 г.,

то есть время продвижения французской армии вглубь Российской империи.

Несомненно, Отечественная война оставила огромный отпечаток в общественной жизни России 1812 г. и как масштабное событие начала XIX в. породила огромное количество слухов и домыслов среди простого населения губерний Российской империи [4] и Псковская губерния в данном случае не стала исключением. Расположение Псковской губернии, граничащей с Санкт-Петербургской и Витебской губерниями, обуславливало возможность проникновения французов на ее территорию, а также ведение военных действий вблизи ее границ. Непосредственная близость Псковской губернии к западным границам Российской империи предопределила специфическую коммуникацию местного населения о скором приходе французской армии, породила страхи и переживания, которые в совокупности составили слухи жителей Псковской губернии.

Самым частым предметом слухов 1812 г. являлись пути следования французских батальонов вблизи Псковской губернии, что наводило страх на жителей. Так, барона Розена тревожило, что резервные французские батальоны следуют в Ригу, что по его мнению напрямую представляло опасность для жителей Псковской губернии. В рапорте нижнего земского суда на имя губернатора П.И. Шаховского от 2 августа 1812 г. сообщается, что крестьяне графа Фитенгофа разглашают слухи о скором приближении французских резервных батальонов в Псковскую губернию, наводя тем самым страх на близлежащую округу. Про аналогичные слухи мы узнаем из рапорта помещика Михаила Меншикова на имя вице-губернатора Х.П. Ренненкампа, датированного 30 августа 1812 г. Крестьян тревожило «надвигающиеся бедствие гарнизонного батальона», они кричали, что «французы вслед к нам идут» и тем самым возмущали народ [6, л. 9].

Наиболее полно источники освещают слухи за июль 1812 г. Из донесения великолукского дворянского предводителя на имя губернатора П.И. Шаховского от 23 июля 1812 г. мы узнаем о том, что «с 18 по 20 июля в г. Великих Луках произошло беспокойство и волнение между некоторыми дворянами-обывателями и крестьянами» по поводу приближения французских резервных батальонов [6, л. 6]. Сообщается, что кто-то оставил дома и «забрав лучшее имущество удалился по селениям отдаленным к лесам» [6, л. 6]. В своем донесении великолукский предводитель дворянства предполагает, что волнения в городе возникли в результате «проезда по Торопецкому тракту из Великих Лук чиновника господина Лашкарева со здешним священником Яковом Кузминым» и их крикам «по всей дороги», чтобы жители спасались, «ибо французы за ними вслед идут» [6, л. 6]. В этом же донесении содержалась информация, что, несмотря на усилия полковника Николая Львовича о «воздержании возмущения», все равно «тревогу продолжали делать до самого города» [6, л. 6]. Вторая причина, по которой жители Великих Лук были так испуганы, заключалась в том, что солдат, «приехавший в середине июля из Белорусской губернии», на площади «перед разными обывателями кричал», что французы «ежели не сегодня, то завтра к обеду верно будут здесь» [6, л. 7]. Все это наводило страх на жителей и некоторые в спешке покидали свои дома и уходили в леса.

В рапорте Великолукского земского исправника Мекинина от 20 июля 1812 г. на имя губернатора П.И. Шаховского сообщалось, что 20 июля «по утру близ моей квартиры замечено много незнакомой команды» и какой-то «незнакомый человек распространяет слухи, что он был у французов в плену и бежал» и что к вечеру 20 июля или к утру 21 июля французские солдаты «непременно будут» в городе. Тем самым жители пали «в страх

и отчаяние» [6, л. 17].

Также известно, что в отдельные поселения удельных крестьян приезжали неизвестные и разглашали ложные слухи о скорейшем прибытии французских войск. Так, 21 июля 1812 г. староста удельного имения Спасоникольского приказа Степанов Карп сообщает, что в удельные поселения приехали три неизвестных человека и стали слухи «разного рода распространять» [6, л. 13].

Вскоре после ряда аналогичных случаев и страха появления в Великолукском уезде мародёров губернскими властями были предприняты меры для «сохранения спокойствия, доколе требует воинская команда», решено было «подозрительных и вредных людей брать под стражу с описанием вины для предоставления государю-императору».

Широкое распространение ложных слухов и вместе с этим растущее число мародеров к началу августа заставило губернские власти с 3 августа 1812 г. для усиления безопасности по всей границе Великолукского уезда «учредить бекеты» – специальные сторожевые посты [6, л. 70]. Всего было обустроено десять бекетов, которые расположились в следующих поселениях: деревня Сеньково, деревня Каршаково, деревня Пехово, деревня Першутино, деревня Степахино, деревня Бурюхино, сельцо Мухино, сельцо Говорово, сельцо Пронино и удельное имение в деревне Капнино [6, л. 71]. После принятия данной меры упоминания о слухах в источниках в явном виде не прослеживаются. С другой стороны, исчезновение слухов в последующий период может быть связано с наступлением русской армии и переносом военных действий все далее на запад.

Новая волна рождения и распространения слухов приходилась на 1822 – 1826 гг. Содержательно эти слухи касались смерти императора Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны.

Согласно источникам, «нелепые

толкования» и «сумасбродные писания» о смерти Александра I и его жены среди населения Псковской губернии (в большей степени среди жителей Псковского уезда) впервые стали распространяться секретарем Машницким в 1822 г. [7, л. 1]. Эти слухи продолжали плодиться среди населения в течение ближайших четырех лет. В ответ на это губернскими властями в начале декабря 1826 г. было принято решение задержать секретаря Машницкого и доставить в Псковский тюремный замок, о чем псковский губернатор А.Ф. Квитка сообщил в донесении псковскому коменданту, командиру внутреннего гарнизонного батальона майору Петрову [7, л. 22]. Из рапорта Псковской городской больницы на имя А. Ф. Квитки известно, что 11 декабря 1826 г. по распоряжению Псковского приказа общественного призрения секретарь Машницкий был доставлен в «дом сумасшедших для содержания в особой комнате» [7, л. 22]. Секретарь был отправлен на прохождение медицинского освидетельствования, в рамках которого «при подробном испытании всеми присутствующими» был единогласно признан «лишенным здравого рассудка» [7, л. 29]. Со дня поступления в больницу бывший псковский секретарь находился под контролем смотрителя больницы, доктора Газенвинкеля. В ходе прохождения лечения оказалось, что Машницкий «был одержим излишней раздражительностью нервной системы и сильным волнением» [7, л. 29об.]. Прохождение курса лечения дало позитивные результаты – уже через несколько месяцев его «припадки уменьшились и можно было надеяться о совершенном выздоровлении» [7, л. 29об.].

Оценить масштаб слухов о смерти императора Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны довольно сложно, так как архивные источники об этом факте умалчивают, но можно предположить, что за 4 года распространения и циркулирования слухов они могли охватить сотни, а, возможно, и тысячи жителей Псковской

губернии. Примечателен и тот факт, что всплеск распространения слухов приходился на тот год, когда императора Александра I и Елизаветы Алексеевны уже действительно не было в живых. Но, несмотря на это, населением активно обсуждались таинственные обстоятельства смерти императора. Таким образом, можно сделать вывод, что определенная часть населения псковской провинции узнавала о резонансных и важных новостях из столицы России с большим опозданием, что и являлось основанием для рождения подобных слухов в условиях информационного вакуума.

Другим предметом слухов, которые циркулировали на территории Псковской губернии в 1826 – 1830 гг., стали ложные известия об освобождении крестьян. В первую очередь, освобождение связывалось с надеждами крестьянского мира на «решительную волю» нового императора Николая I и верой в «доброту царя». Стоит отметить, что подобные слухи имели общероссийский характер. Подтверждением тому являлся Манифест императора Николая I «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян» от 12 мая 1826 г. Первые известия о хождении подобных слухов губернские власти имели уже весной 1826 г. В мае 1826 г. после издания Манифеста Николая I по всем уездам Псковской губернии поступило предписание губернатора о недопущении распространения «неблагодарными и неблагомерными людьми незаслуживающих слухов о вольности крестьян» [8, л. 1]. Там же предписывалось «бдительное смотрение» за «неблагонадежными людьми» и пребывание их под «строгим присмотром» [8, л. 1]. Стоит отметить, что и лично император в своем Манифесте обещал привлечь возмутителей к ответственности по всей строгости закона. Согласно распоряжению Комитета министров 1826 г. для решения дел о крестьянах, распространяющих слухи, созывался особый военный суд, состоящий из «наличных офицеров присланной

Военной Команды с членами уездного суда, в котором происшествие и случилось» [8, л. 3]. Среди основных наказаний для крестьян, которые не повиновались помещикам, предусматривались телесные наказания и ссылка в Сибирь [8, л. 3]. Однако подобные меры способствовали лишь временному затиханию слухов. С новой силой слухи о скорой вольности крестьян стали распространяться в Псковской губернии в начале 1830-х гг. Об этом свидетельствует получение предписания из департамента полиции министерства внутренних дел «О преследовании лиц, распространяющих ложные слухи об освобождении крестьян», в котором сообщалось, что лично до «его императорского Величества дошло, что с некоторого времени» в Псковской губернии стали повторно «подобно многим прежним» рождаться новые слухи о намерении правительства дать крестьянам свободу [9, л. 2]. Одним из уездов Псковской губернии, в котором активно циркулировали слухи был Островский. Весной 1830 г. островский уездный предводитель дворянства М. А. Назимов неоднократно получал предписания псковского губернатора А. Н. Пещурова с повелением «о преследовании строжайшим образом всех неблагонадежных или развратных людей, кои ложные слухи распространяют» [9, л. 2]. Слухи начала 1830-х гг. подкреплялись все более частыми крестьянскими волнениями и восстаниями, а также общероссийской эпидемией холеры 1830 – 1831 гг. и усугублялись неурожаем 1833 г., который сильно ударил по сельской местности и хозяйству. Вероятнее всего, крестьяне были уверены, что власть прислушается к их недовольству и пойдет навстречу в попытках улучшить их положение. Однако такого шага в начале 1830-х гг. крестьяне не получили, все распространители слухов строго наказывались.

Слухи являются неотъемлемой частью социального пространства Псковской губернии. Особенностью слухов как

исторического источника по изучению истории Псковской губернии первой половины XIX в. является их фрагментарность и неполнота. Поле зрения исследователя ограничено отдельными ссылками на слухи в делопроизводственной документации. Но даже несмотря на эти явные недостатки слухи имеют высокую ценность для историка. Они позволяют узнать настроение простого населения губернии. Кроме того, они отражают те ожидания, которыми жило общество в рассматриваемый период, позволяя сравнить реальное положение дел с пространством слухов, сравнить правду и вымысел.

Вместе с тем не стоит забывать и то, что слухи как источники и отдельное

направление исторических исследований – слуховедение – на сегодняшний день слабо разработанная область исторических знаний, поскольку до сих пор в науке не сложилось единой точки зрения о правомерности изучения слухов как исторических источников. По мнению О.А. Гайлита в современной исторической науке наметилось два методологических подхода, в рамках которых принято изучать слухи. Во-первых, слухи как отдельный самостоятельный источник, во-вторых – как объект или предмет изучения [1, с.46]. На наш взгляд, исследователям еще предстоит кропотливая работа в отношении выработки приемов и методов работы со слухами.

Список литературы

1. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. 2018. № 4(20). С. 45–52.
2. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3. С. 7–10.
3. Кабанов В.В. Слухи как исторический источник // Источниковедение истории советского общества. Москва: РГГУ, 1997.
4. Кошельков В.А. Военные слухи на территории Псковской губернии в 1812 г. // Материалы Международного молодёжного форума «ЛОМОНОСОВ – 2018». [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018.
5. Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург. 1995.
6. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 395.
7. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 776.
8. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 747.
9. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 361-а.

THE SPACE OF RUMORS IN THE PSKOV PROVINCE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The article presents the history, geography and content of the rumors circulating among the inhabitants of the Pskov province in the first third of the XIX century. The historiography and source base on this problem are studied. The documents revealing the content of the rumors are concentrated in the files of the 20 Fund of the State Archive of the Pskov Region. Based on the analysis of these sources, a periodization of the rumor circulation was made. The main periods of spreading rumors in the Pskov province include July – August 1812, 1822–1826, 1826–1830, and the beginning of the 1830s. The author identifies the reasons that prompted the emergence of rumors among the residents of the Pskov Region. The reaction of the ordinary population of the province to the war rumors of 1812 is revealed on separate examples. Special attention is also paid to the reaction of the provincial authorities to the spread of false rumors in all periods of their circulation. The author draws conclusions about the high importance of rumors in the study of the history of the social space of the Pskov province in the first third of the XIX century. The work is relevant due to the fact that it is in recent decades that the attention of the

historical community to the issues of social history has significantly increased. The uniqueness of this study lies in the fact that a number of historical sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: social history, social space, military rumors, hearing science.

References

1. Gailit O.A. (2018). Issledovatel'skie vozmozhnosti sluhov i problemy ih izucheniya v rabotah sovremennykh istorikov // Vestnik Omskogo universiteta. №. 4 (20). S. 45–52.
2. Egorov A.K. (2015). Slushy kak obekt istoricheskogo issledovaniya // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. № 3. S. 7–10.
3. Kabanov V.V. (1997). Slushy kak istoricheskiy istochnik. Moskva: RGGU.
4. Koshelkov V.A. (2018). Voennye sluhi na territorii Pskovskoj gubernii v 1812 g. // Materialy Mezhdunarodnogo molodyozhnogo foruma «LOMONOSOV–2018». [Elektronnyj resurs]. Moskva: MAKS Press.
5. Poberezhnikov I.V. (1995). Sluhi v social'noj istorii: tipologiya i funkicii. Ekaterinburg.
6. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 395.
7. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 776.
8. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 747.
9. GAPO. F. 366. Op. 1. D. 361-a.

Об авторе

Кошельков Виталий Александрович – аспирант кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.

Koshelkov Vitaly Alexandrovich – graduate Student of the Department of National History, Pskov State University (Russia), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.

Латыпов Б.Н., магистр истории, заведующий отделом энциклопедистики и научного книгоиздания, ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия» (Россия)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АВСТРАЛИЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Статья посвящена истории возникновения и периоду подготовки Австралийской энциклопедии в начале XX века. На основе различных источников предпринята попытка изучить многолетний опыт австралийских энциклопедистов при создании Австралийской энциклопедии. В ходе исследования были проанализированы статьи энциклопедий при составлении первого и второго издания. В процессе рассмотрения первого издания отражена работа редакторов Артура Уилбирфорса Хосе и Герберта Джеймса Картера. При изучении опыта подготовки энциклопедии было выявлено, что составители особое внимание уделяли критериям включения персоналий, где главенствующее значение имело австралийское происхождение, также авторы-составители показали тесную связь австралийской нации с природой. В ходе проведенного исследования были выявлены основные разделы энциклопедии, количество авторских статей и иллюстраций. Приведены примеры наиболее интересных статей, таких как: «драма», «свиньи», «музыка» и «хлеб», которые отражают сущность народа Австралии. Изучена трудовая деятельность главного редактора Алека Чизхолма при подготовке второго издания Австралийской энциклопедии, выявлена и рассмотрена одна из лучших статей энциклопедии второго издания «аборигены». Сделан вывод о том, что становление «Австралийской энциклопедии» связано с возникновением государственности в Содружестве Австралии. Рождение нации и принятие Конституции привело к идее создания национальной «Австралийской энциклопедии».

Ключевые слова: Австралийская энциклопедия, история, опыт, критерий, нация, аборигены, Алек Чизхолм, Содружество Австралии

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-83-90

В начале XX века в Австралии происходили важнейшие политические и экономические процессы. Знаменательным событием в истории Австралии стало принятие Конституции 9 июля 1900 года (вступила в силу 1 января 1901 года). Этот период отмечен в Австралии борьбой за разграничение полномочий между федеральным центром и штатами, за ликвидацию таможенных барьеров и унификацию налогов. С 1901 года в Австралии создаются армия, авиация и флот. Были приняты законы, заложившие основы государственности в Австралийском Союзе. В 1901–1902 годах парламент принял законы о запрете иммиграции из азиатских и африканских стран (политика «Белой Австралии»). В 1904 году был принят закон «О примирении и арбитраже», согласно которому создавался Арбитражный суд для решения споров между предпринимателями и рабочими. В 1907 году был установлен минимальный размер зарплаты и в 1908 году введены пенсии по старости и инвалидности.

Государственный патернализм распространялся на все слои населения, включая аборигенов [1, с. 102–105]. В результате Австралия стала одной из самых передовых в области социальной защищенности стран того периода. Впоследствии становление государственности и зарождение новой нации заложили предпосылки и основу для создания национальной Австралийской энциклопедии.

В 1912 году в г. Сидней издательство «Ангус и Робертсон» («Angus & Robertson») приступило к проекту Австралийской энциклопедии, как к историко-биографической записи. С началом Первой мировой войны 1914–1918 годов подготовка издания была временно приостановлена. Лишь в 1925 году под редакцией Артура Уилбирфорса Хосе и Герберта Джеймса Картера был опубликован первый том «Иллюстрированной Австралийской энциклопедии» («The Illustrated Australian Encyclopaedia»). В 1926 году был издан второй том энциклопедии. Тираж

энциклопедии составил 10 тысяч экземпляров. Картер, будучи энтомологом, отвечал за научную сторону Австралийской энциклопедии, тогда как вся редакторская работа находилась в руках Хосе. С 1890 года Хосе работал редактором вместе с известным австралийским писателем Генри Лоусоном в издательстве «Ангус и Робертсон», кроме того, Хосе являлся автором книг, посвященных истории Австралии, Британской империи и Австралийского флота.

В Национальной библиотеке Австралии (г. Канберра) и Государственной библиотеке Нового Южного Уэльса (г. Сидней) находится широкий спектр архивных документов по Австралийской энциклопедии. Это письма авторов и редакторов Хосе и Картера; предлагаемые правки и исправления; список получателей бесплатных экземпляров; письма с подтверждением получения; стенограмма радиопередачи от 1925 года об Австралийской энциклопедии; печатные материалы и вырезки. Этот массив источников уникален в своем роде, ничего подобного в европейских энциклопедиях XIX или XX века не встречается. Австралийская энциклопедия выделяется среди современных европейских энциклопедий еще одним существенным отличием: отбор материала и организация не соответствуют культурным идеям или научным терминам, а носят явно национальный характер. Надин Хаген характеризует Австралийскую энциклопедию как «ментальное видение Австралии» [3, с. 248].

Как видно из таблицы 1, Австралийская энциклопедия 1925 года издания содержит 2629 статей.

Таблица 1

Общее количество статей

Персоналии	875	33 %
Животные	711	27 %
Растения	581	22 %
Остальные	462	18 %
Итого	2629	100 %

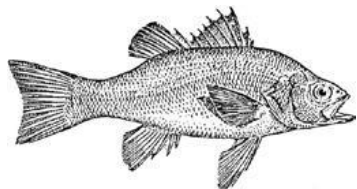
Около трети из общего количества статей составляют персоналии. Таким образом, персоналии, животные и растения занимают более 80 % энциклопедии. Первоначально, как уже отмечалось выше, издательство «Ангус и Робертсон» планировало издать историко-биографическую энциклопедию, в результате мы наблюдаем иную картину.

Основным критерием включения персоналий в Австралийскую энциклопедию являлись известные австралийские государственные деятели, ученые, политики и другие лица (в том числе и мигранты), которые внесли определенный вклад в развитие австралийской нации [3, с. 247–249].

Независимо от того, насколько был известным человек, если у него не было связи с Австралией, то, безусловно, он не попадал в энциклопедию. Например, в Австралийской энциклопедии есть статья о сыне известного английского поэта Альфреда Теннисона, но не о самом поэте. Причина отсутствия поэта в энциклопедии проста – он не имел никакого отношения к австралийской нации, в то время как его сын, Холлам Теннисон, был губернатором Южной Австралии, а затем вторым генерал-губернатором Австралии. Исключением является статья, посвященная вору и мошеннику Джеймсу Харди, которого трижды депортировали в Австралию. Довольно странным кажется наличие статьи об осужденном в энциклопедии, которая была издана в то время, когда большинство австралийцев все еще стыдились своего ссыльного происхождения.

Около половины Австралийской энциклопедии занимают статьи, посвященные животным и растениям, тем самым, вызывая у читателя предположение, что энциклопедия составлена ученым-биологом. Но, как нам известно, редакторы включали только эндемичных представителей флоры и фауны, а также растения и животные, завезенные в Австралию из других стран. Интересным выглядит то, что более 60 %

животных в энциклопедии составляют птицы и рыбы, хотя в Австралии обитает более ста различных видов сумчатых. Очевидно, что одной из целей энциклопедии было познакомить читателя с прекрасной австралийской природой. Насколько подробно изложен материал в статьях, можно продемонстрировать на примере статьи об окуне.

Речной окунь

(Рисунок из
«Австралийской энциклопедии»)

Окунеобразные представлены морским, лиманным, речным, белым морским, золотистым, маккуори, оранжевым, жемчужным, красным, серебряным и желтым. Иногда критерии отбора статей не ясны. Это касается статей об акулах, где представлены молотоголовые и белые акулы, но многие другие известные виды акул, как тигровая, мако и китовая, отсутствуют. Таким образом, описание природы в энциклопедии занимало главенствующее положение, как видно, составители издания хотели показать теснейшую связь австралийской нации с природой.

Обзор остальных 18 % статей энциклопедии показывает нам, что их содержание охватывает широкий круг сферы австралийской нации (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Разделы	Примеры статей
География	1. Австралия; 2. Аделаида; 3. Климат; 4. Геология; 5. Новый Южный Уэльс
Население	1. Аборигены
История	1. Австралия; 2. Хронологическая таблица; 3. Осужденные
Политика и государство	1. Колониальное руководство; 2. Федерация; 3. Полиция; 4. Белая Австралия
Военные	1. Австралийские имперские силы
Церковь	1. Англиканская церковь; 2. Баптисты; 3. Евреи
Образование	1. Публичное; 2. Библиотеки; 3. Университеты
Сельское хозяйство	1. Пчеловодство; 2. Фермерство
Промышленность	1. Пивоварение; 2. Горнодобывающая; 3. Бумажное производство; 4. Стрижка овец
Рабочая жизнь	1. Восьмичасовой рабочий день; 2. Пенсии; 3. Забастовки
Экономика и торговля	1. Австралийский банк Содружества; 2. Валюта; 3. Торговля и коммерция
Телекоммуникации, транспорт и техника	1. Орошение и сохранение водных ресурсов; 2. Гавани; 3. Маяки; 4. Телеграфные линии; 5. Тихоокеанский кабель; 6. Рельсы; 7. Септик (отстойник)
Минеральные ресурсы	1. Уголь; 2. Алмазы; 3. Драгоценные камни; 4. Золото; 5. Открытие месторождений нефти; 6. Опал; 7. Сапфир; 8. Сталь
Культура	1. Искусство; 2. Драма; 3. Литература; 4. Музей; 5. Музыка; 6. Театр
Спорт	1. Крикет; 2. Футбол; 3. Гольф; 4. Гонки; 5. Теннис
Здравоохранение	1. Общественное здравоохранение
Пища	1. Хлеб; 2. Масло; 3. Сыр; 4. Кофе

Как видно из таблицы 2, в энциклопедии представлены отдельные статьи:

«драгоценные камни», «алмазы», «опал» и «сапфир». Логичнее было бы отразить

статьи об алмазах, опале и сапфире в статье «драгоценные камни», но в данной статье они описываются как наиболее важные драгоценные камни в Австралии, тем самым объясняя нам, почему даны отдельные раскрытые статьи об этих камнях.

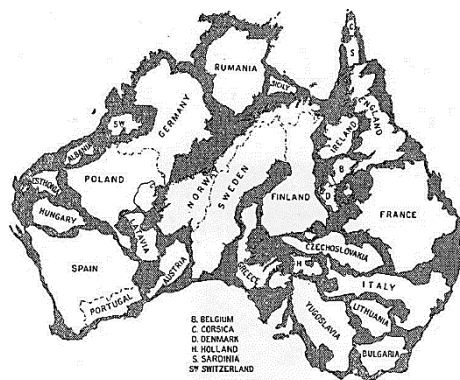
Как отмечает Надин Хаген: «Также видно на микроуровне, что Австралийская энциклопедия – это интеллект-карта австралийской нации» [3, с. 251]. Например, понятийные статьи «бушрейнджеры» (беглые преступники), «федерация», «Генри Лоусон» и «музеи» несомненно, являются интересными в контексте национального строительства. Статьи «драма», «свиньи», «музыка» и «хлеб» показывают нам, что выборка перечисленных статей выстроена согласно национальным интересам.

В начале статьи «драма» читатель, вероятно, ожидает получить краткое определение или общую историю термина. Однако издатели учли, что читатель уже знает общий смысл термина, поэтому статья начинается с истории драмы в Австралии. Таким образом, очевидно, что не термин «драма» находится в центре внимания, а тесная связь Австралии с драмой. Даже первое предложение статьи начинается со слов, что «Впервые пьеса, связанная с Австралией, была поставлена...». С особой гордостью читателям показывают пьесы, написанные австралийцами. После краткого введения статья разделена на три части: театры и постановки, репертуарные сцены и австралийские актеры и пьесы. В первой части статьи коротко излагается история театральных домов и трупп в различных австралийских городах и штатах, во второй части представлена история репертуарного театра, а в третьей – приведен список австралийских актеров и общая история австралийских пьес.

Статью «свиньи» можно назвать настоящим пробным камнем для Австралийской энциклопедии. Как известно, свиньи не являются «коренными» австралийскими животными, а были завезены

первыми белыми поселенцами в 1788 г. Автор статьи подчеркивает, что свиньи в Австралии находятся в хороших условиях, об этом свидетельствует описание самой статьи: «Свинья прекрасно обитает в Австралии. <...> На континенте чувствует себя, как дома, обитает в районах болота Маккуори, на ручьях северо-западного штата Нового Южного Уэльса, северных частях штата Квинсленд и Северной территории. Самое изысканное лакомство дикой свиньи – корень кувшинки, которыми изобилуют лагуны и русла рек».

В статье «музыка», как и в «драме», рассматривается целый ряд аспектов австралийской музыки: музыкальное развитие, музыкальные общества, гранд-опера, комическая опера, приглашенные знаменитости, приглашенные хоры; музыкальное образование: консерватории, экзамены, музыкальные конкурсы, выдающиеся австралийцы в музыке, австралийские композиторы, музыка австралийских аборигенов, музыка папуасов.

Карта Австралии, представленная на первой странице второго тома «Австралийской энциклопедии»

Как известно, нация (от лат. *patio*, букв. – народ, племя) – распространенное в науке и общественном сознании понятие с различным смысловым содержанием. В современной науке и праве под нацией понимаются два типа человеческих сообществ: совокупность граждан одного государства и этническая общность [2, с. 211]. Развивая эту мысль, мы

понимаем, что авторы энциклопедии отчетливо и тонко проводят линию по разграничению своей нации от других. Это отчетливо прослеживается в статье «хлеб». Автор статьи о хлебе в первом предложении дает нам понять, что хлеб, приготовленный в Австралии, отличается от европейского. Согласно статье, в Австралии система хлебопекарного производства функционирует «быстрее и требует меньшей обработки, используют муку лучшего качества для подъема хлеба; содержит большее количество воды, что в конечном итоге позволяет выпечь буханку хлеба...». Таким образом, автор не только просто утверждает, что австралийский хлеб отличается от европейского, но и что он лучше. В очередной раз мы видим, энциклопедия дает австралийцам повод гордиться своей нацией.

Таким образом, энциклопедия состоит из большого количества статей об интересных и талантливых людях, наслаждающихся прекрасной природой и развитой цивилизацией. При этом следует отметить, что каждая отдельно взятая статья в той или иной мере восхваляет австралийскую нацию. Очевидно, что энциклопедия являлась важным средством пропаганды для молодого поколения.

В 1958 году в свет выходит второе издание 10-томной «Австралийской энциклопедии» («The Australian encyclopedia»). Как верно подметил адъюнкт-профессор истории Рассел Макгрегор, «В эпоху Википедии возможно трудно понять то волнение, которое было вызвано публикацией новой 10-томной Австралийской энциклопедии 1958 года. Газеты по всей стране публиковали восторженные отзывы, превозносившие энциклопедию не только как незаменимый справочник, но и как признак культурной зрелости Австралии». Средства массовой информации Содружества, а также информационное бюро Австралии объявили появление энциклопедии событием, сравнимым по важности с некоторыми из

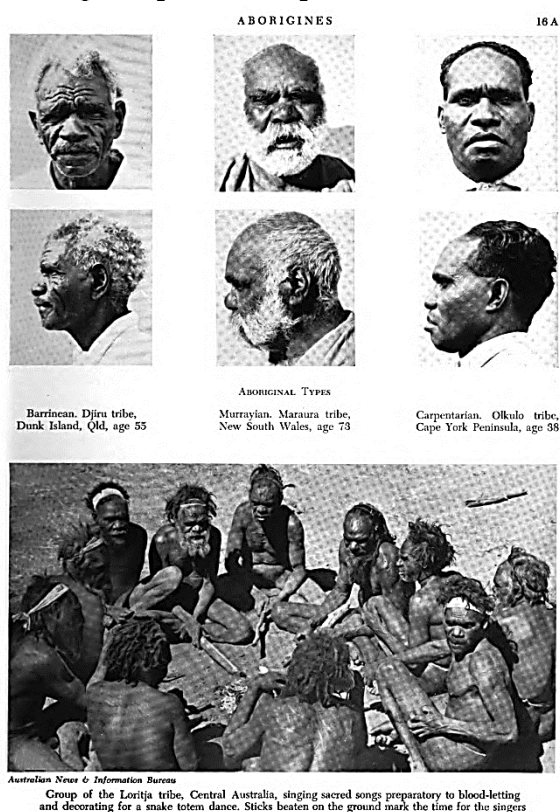
величайших общественных работ в стране. Католический архиепископ г. Брисбен Джеймс Дьюиг высоко оценил энциклопедию за преодоление сектантского раскола, который в тот период терзал австралийскую нацию. С другой стороны, газета «Трибуна» Коммунистической партии Австралии похвалила энциклопедию как дань уважения Австралии, отметив ее внимательность к пограничному насилию. Библиотекарь Эверетт Т. Мур Калифорнийского университета опубликовал рецензию и написал главному редактору энциклопедии Алеку Чизхолму, что это «великая работа».

А. Чизхолм. 1956 г.

Главный редактор А. Чизхолм во введении первого тома «Австралийской энциклопедии» указывает, что 10-томная энциклопедия состояла «из 4,5 миллионов слов и 6200 тем. Общее количество биографий составило 2200, статей по флоре и фауне – 1600, по географии – 1400. Также при подготовке словника по персоналиям был создан специальный комитет по биографиям, в состав которого вошли судья Дж. А. Фергюсон и ученый секретарь Королевского австралийского исторического общества Джеймс Джервис. Комитет занимался сбором, обсуждением, рассылкой биографий в публичные библиотеки и другие учреждения штатов. Как правило, отбор биографий производился на основе государственной службы. После составления словника по персоналиям возникали трудности с получением достоверной биографической информации. Изучение архивных источников и газет позволили

получить в той или иной мере данные о лицах, заслуживающих публикации. В некоторых случаях оказалось невозможным получить данные о датах рождения и смерти. Статьи о штатах и столицах были написаны более подробно, а также представлены населенные пункты численностью более 1 тысячи человек (по переписи 1947 года). Кроме того, в редких случаях были даны статьи, посвященные городам или деревням, в которых проживает небольшое количество жителей, но представляющих интерес с исторической точки зрения или в силу каких-либо других обстоятельств. Общее количество иллюстраций превысило 2 тысячи. Из них 54 цветных листа, около 1500 черно-белых фотографий; более 600 чертежей, карт, графиков и диаграмм, две копии большой карты Австралии и семь дополнительных цветных карт штатов Австралии и железных дорог» [6, с. 9–11].

Австралийские аборигены
(Фотография из «Австралийской энциклопедии». Т. 1, с. 16А)

Изначально при подготовке к выпуску новой энциклопедии Алек Чизхолм и руководство издательства «Ангус и Робертсон» недооценили объем энциклопедии и время, которое потребуется для ее завершения, они планировали выпустить 4 или 5-томное издание в течение 5 лет. В результате подготовка 10-томной Австралийской энциклопедии заняла ровно 10 лет. При подготовке издания А. Чизхолм настаивал на том, чтобы статьи энциклопедии легко воспринимались читателями независимо от сложности тематики. Австралийскую энциклопедию 1925–1926 годов, А. Чизхолм считал «скучной» и «педантичной», поэтому он хотел, чтобы второе издание Австралийской энциклопедии выглядело более современным и привлекательным.

При подготовке статьи об аборигенах А. Чизхолм столкнулся с давним соперничеством между Сиднейской и Аделаидской антропологическими школами. Несмотря на это, статья «аборигены» была признана одной из лучших когда-либо опубликованных по этой тематике. Не случайно объем статьи составил 80 тысяч слов и занял 97 страниц издания, являлся самым большим в энциклопедии и свидетельствовал о растущем общественном интересе к аборигенам в послевоенной Австралии. Статья об аборигенах состоит из следующих разделов: первобытное общество, физические особенности, зубочелюстная система, социальная организация, языки, дактилология, экономическая жизнь, каменные орудия, материальная культура, религия, мифы и легенды, музыка, поэзия, песни, танцы, каменные композиции, магия и колдовство, похоронно-поминальные обряды, искусство, болезни и лекарства, контакты с белыми, библиография [6, с. 3–99].

В Австралийскую энциклопедию были включены новые статьи по фольклору, культуре и географии, которые А. Чизхолм охарактеризовал «австралийскими диковинками» [4, с. 17–19]. Все это

было сделано для того, чтобы оживить энциклопедию и выразить дух Австралии.

В 1962 году право на переиздание «Австралийской энциклопедии» было продано Австралийскому обществу Гролье, и до 1972 года было выпущено пять переизданий с незначительными изменениями. С 1977 года частная Австралийская географическая компания опубликовала 6-томное третье издание, в 1983 году – 12-томное четвертое издание, в 1988 году – 9-томное пятое издание, в 1996 году – 8-томное шестое издание. В 1987 году Австралийское географическое общество приобрело право на издание «Австралийской энциклопедии» [5].

В заключение следует отметить, что становление «Австралийской энциклопедии» было неразрывно связано с возникновением государственности в Содружестве Австралии. Рождение новой нации и принятие Конституции в итоге привело к идее создания национальной «Австралийской энциклопедии». Энциклопедия явилась объединяющим фактором для молодой нации, где были отражены дух и сущность Австралии.

Впоследствии первое и второе издания «Австралийской энциклопедии» заложили прочный фундамент для подготовки следующих универсальных энциклопедий об Австралии.

Список литературы

1. Николаев В.П. Австралия // Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 1. А – Анкетирование. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. 766 с.
2. Тишков В.А. Нация // Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Т. 22. Нанонаука – Николай Кавасила. М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. 767 с.
3. Hagen N. A Mind-Map of a Nation: The Australian Encyclopaedia [Электронный ресурс] // Allgemeinwissen und Gesellschaft : [сайт]. [2007]. URL: <http://www.enzyklopaedie.ch/kongress/aufsaetze/hagen.pdf> (дата обращения: 26.02.2021).
4. McGregor R. Encyclopaedia for a nation [Электронный ресурс] // SL Magazine. State Library of New South Wales. Winter 2017 : [сайт]. [2017]. URL: https://www.sl.nsw.gov.au/sites/default/files/4918_sl_magazine_winter_2017_210wx265hmm_aw_spreads.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
5. The Australian Encyclopaedia [Электронный ресурс] // Britannica : [сайт]. [2021]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Australian-Encyclopaedia> (дата обращения: 24.03.2021).
6. The Australian encyclopaedia. In ten volumes. Vol. 1 [Электронный ресурс] // HathiTrust Digital Library : [сайт]. [2021]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051343088&view=2up&seq=7> (дата обращения: 23.03.2021).

HISTORY OF THE FORMATION AUSTRALIAN ENCYCLOPAEDIA

This article is about the history of the origin and the period of preparation of the Australian encyclopaedia at the beginning of the XX century. The study based on various sources are attempt to explore the many years of experience of Australian encyclopedists in creating Australian encyclopaedia. During the study it was analyzed data of preparation the first and second editions. Under review of the first edition it was shown the editors job of Arthur Wilberforce Jose and Herbert James Carter. This study explored the experience of encyclopaedia and it was revealed that compilers of encyclopaedia paid special consideration to the choice criteria of biographies and dominating value were Australian origin, and also compilers showed that the Australian nation to be seen as being closely bound to nature. As a result of the conducted research it was shown the main sections of encyclopaedia, number of author's articles and illustrations. Here are some examples of interesting articles about «drama», «pigs», «music», and «bread», which reflects the essence of the people of Australia. It was

studied the labor activity of the second edition encyclopaedia's editor in chief, Alec Chisholm, also revealed and reviewed the article «aborigines» which was widely acclaimed as the best ever published on the second edition. It is concluded that the formation of the Australian encyclopaedia associated with the emergence of statehood in the Commonwealth of Australia. The birth of a nation and the adoption of the Constitution led to the idea of creating a national Australian encyclopaedia.

Keywords: Australian encyclopaedia, history, experience, criteria, nation, aborigines, Alec Chisholm, Commonwealth of Australia.

References

1. Nikolaev, V.P. (2005). Avstraliya [Australia] // Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. V 30 t. T. 1. A – Anketirovanie. M.: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. 766 s.
2. Tishkov, V.A. (2013). Naciya [Nation] // Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. V 35 t. T. 22. Nanonauka – Nikolaj Kavasila. M.: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. 767 s.
3. Hagen, N. (2007). Intellekt-karta Avstralijskoj nacii. Avstralijskaya enciklopediya [A Mind-Map of a Nation: The Australian Encyclopaedia]. Retrieved 26 February, 2021 from <http://www.enzyklopaedie.ch/kongress/aufsaetze/hagen.pdf>.
4. McGregor, R. (2017). Enciklopediya dlya nacii [Encyclopaedia for a nation]. Retrieved 24 March, 2021 from https://www.sl.nsw.gov.au/sites/default/files/4918_sl_magazine_winter_2017_210wx265hmm_aw_spreads.pdf
5. The Australian Encyclopaedia. (2021). [Avstralijskaya enciklopediya]. Retrieved 24 March, 2021 from <https://www.britannica.com/topic/The-Australian-Encyclopaedia>
6. The Australian encyclopaedia. In ten volumes. Vol. 1. (2021). [Avstralijskaya enciklopediya. V desyati tomah. Tom 1]. Retrieved 23 March, 2021 from <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051343088&view=2up&seq=7>

Об авторе

Латыпов Булат Назирович – магистр истории, заведующий отделом энциклопедистики и научного книгоиздания ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия» (Россия), E-mail: LatypovBN@yandex.ru

Latypov Bulat Nazirovich – master of arts, head of division of encyclopedistics and scientific publications of the State autonomous institution of science of the Republic of Bashkortostan Bashkir encyclopedia, (Russia), E-mail: LatypovBN@yandex.ru

УДК 94(4+7)

Марченков Р.Р., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ КОАЛИЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Вторая мировая война привнесла ряд новшеств в военный расклад на Европейском континенте. 2 сентября 1945 года с одной стороны ставит точку в этом конфликте, а с другой ознаменует начало нового витка напряженности. В этом плане наиболее острым вызовом для послевоенного мира стала «холодная война». При этом, как любая другая проблема, она не зародилась на ровном месте, также, как и один из центров противостояния. В данном случае речь идет об заделе коалиционного взаимодействия Лондона и Вашингтона в годы Второй мировой войны. В данной статье освещается военно-политический аспект сотрудничества. Наряду с этим рассматривается подход к сращиванию военных механизмов посредством развития идеи качественного использования сил и средств США и Великобритании с соблюдением принципа единоначалия. Делается вывод о применении в послевоенном мире определенных плодов кооперации западных союзников, в первую очередь в рамках Североатлантического союза. Кроме того, в рамках настоящей статьи делается акцент на позиции Соединенного Королевства в плане выстраивания послевоенной системы безопасности на Европейском континенте.

Ключевые слова: Великобритания, США, взаимодействие, Вторая мировая, НАТО, Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-91-98

В ходе войны кооперация Лондона и Вашингтона в военно-политическом плане вышла на качественно новый уровень. Во-первых, беспрецедентным стало действенное объединение штабных структур посредством образования Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании (ОКНШ). Через ОКНШ союзники осуществляли руководство военными действиями. Задачами штабной структуры явились выработка и осуществление под руководством глав соответствующих государств политики и планов, касающихся стратегии ведения войны, распределения вооружений, определения потребностей вооруженных сил и решение логистических проблем. Организация включала американских и английских начальников штабов или их постоянных представителей [4, с. 170-171]. Союзнический ОКНШ также занимался урегулированием стратегических разногласий и предоставлением профессиональных консультаций руководству государств, особенно в преддверии проведения конференций на высшем уровне [10, с. 8].

Серьезность подхода Лондона и Вашингтона к взаимодействию демонстрирует масштабность образованного совместного органа. Например, британский вспомогательный персонал в британской части ОКНШ к концу 1942 года состоял примерно из 3 тыс. человек [15, с. 44]. В рамках усиления координации в части планирования союзники пришли к практике прикомандирования офицеров национальных Вооруженных сил к соответствующим штабным органам своего союзника [15, с. 37 - 38]. Присутствовало сотрудничество по линии разведок. При этом глубина кооперации в данной сфере способна отразить уровень общего военно-политического взаимодействия. Так, по личному указанию У.Черчилля американский военный деятель генерал Д.Эйзенхауэр и некоторые высшие армейские чины были ознакомлены с наиболее секретными плодами радиоперехвата в рамках операции «Ультра» [2, с. 225-226], что само по себе является актом высокого доверия.

В ходе войны активизировались

контакты высшего военно-политического руководства двух стран как личностные, в первую очередь в формате «Ф.Рузвельт – У.Черчилль», так и в формате конференций [15, с. 8, 13, 24]. Установленный У.Черчиллем неофициальный диалог с американским президентом еще в период своего пребывания на посту первого лорда британского Адмиралтейства в годы войны сыграл важную роль. Сам У.Черчилль в этом плане замечал, что «наши отношения с президентом Соединенных Штатов стали настолько тесными, что основные вопросы сотрудничества наших стран мы предварительно обсуждали между собой в ходе оживленной переписки» [1, с. 267-268]. Кроме того, У.Черчиллем уже в послевоенный период резюмирован британский взгляд на сотрудничество с заокеанским партнером, отражающийся во фразе «особые отношения» [1, с. 267]. Именно лидеры США и Великобритании определяли основные стратегические директивы. В свою очередь, согласованная в ходе конференций совместная союзническая политика приводилась в действие с помощью американо-английского ОКНШ [10, с. 8]. Выстроилась иерархия, при которой высшее военно-политическое руководство задавало курс и обладало «последним словом», а военные воплощали указания в жизнь. Таким образом, вопрос политики, тесно переплетенный с военным фактором возрос в цене.

В развитие темы «особых отношений» США и Великобритании представляется интересным восприятие данного вопроса британскими армейскими кругами. Так, позиция Штаба по послевоенному планированию в составе КНШ Великобритании, сформулированная в окончательном докладе “Безопасность в Западной Европе и Северной Атлантике” от 9 ноября 1944 года, гласила, что “Соединенные Штаты – это единственная страна, которая обладает достаточными человеческими ресурсами и резервами

для стабилизации ситуации и восстановления равновесия» [3, с. 62]. Согласно меморандуму Британского Комитета начальников штабов, подготовленному для американских партнеров, британская сторона стремилась после капитуляции Германии сохранить «особую кооперацию» в военном отношении с США. В этом плане представители британского КНШ предлагали сохранить практику консультаций Лондона и Вашингтона по вопросу военного сотрудничества с СССР, в частности касательно предоставления Москве разведанных по еще сопротивляющейся Японии. Согласно английской позиции, штабным структурам союзников требовалось придерживаться согласованной позиции по вопросу предоставления разведанных. В противном случае в Лондоне опасались того, что советская сторона сможет вбить клин в отношения США и Великобритании [17]. В итоге стороны пришли к соглашению, что передача Москве сведений, не носящих оперативного характера, будет происходить после согласования вопроса английским и американским КНШ. При этом ни одна из сторон не могла без обоюдного согласия передать информацию полностью или частично основанную на источниковой базе другой стороны [18].

По оценке отечественного исследователя И.Э. Магадеева, кроме опоры на США, важным инструментом “внешнего балансирования” должна была стать так называемая Западноевропейская группа, под которой подразумевался военно-политический и, возможно, экономический блок Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии и Дании при вероятном присоединении к ним в дальнейшем Швеции, Португалии, Испании и Италии. Данная идея, сформулированная в конце мая 1944 года английским представителем при Французском комитете национального освобождения А.Дафф-Купером, к концу июня 1944 года приобрела форму официального

меморандума внешнеполитического ведомства Великобритании в адрес КНШ. При этом если МИД Соединенного Королевства видел основное назначение этой группы в сдерживании потенциальной агрессии Германии после войны, то структурное подразделение КНШ по послевоенному планированию уже летом 1944 года указывало на важную роль западноевропейского блока в случае конфронтации с СССР [3, с. 64].

В ходе войны союзники пришли к новому уровню синергетического взаимодействия посредством объединения сил и средств двух стран с соблюдением принципа единоначалия. Согласованная позиция представителей ОКНШ поспособствовала укреплению единства командования на местах посредством развития концепции главнокомандующего театром военных действий. Последний принцип сказался на общей эффективности, поскольку на каждом ТВД независимо от национальности главнокомандующий контролировал все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы союзников в зоне ответственности. В качестве преимущества тесного сопряжения штабных органов двух стран следует выделить координацию в вопросах планирования, распределения средств и разведдеятельности [15, с. 33]. В данном контексте также стоит отметить объединение штабных структур не только на стратегическом уровне (ОКНШ), но и на оперативном. Главнокомандующий на конкретном ТВД обладал верховным штабом, в обязанности которого входили: разработка административно-снабжениеских планов, мероприятия по вопросам политики в отношении других государств, выработка руководящей линии в использовании горючих и смазочных материалов и сношения с министерствами США и Англии по вопросам материальных потребностей, касающихся ТВД в целом [8, с. 77].

Исходя из возможностей главкома следует напомнить о тесной увязке

политики и военного дела. В этом плане на европейскую «сцену» выходят так называемые «политические офицеры». Данная категория включала специалистов, назначенных госдепартаментом и английским министерством иностранных дел в качестве своих представителей в верховном штабе на ТВД. Цель назначения этих лиц заключалась в обеспечении верховного командующего политической информацией, которая могла содействовать его работе по планированию, а также ознакомление с соображениями политического характера, связанными с предполагаемыми действиями. Приглашение «политических офицеров» было прежде всего связано с деятельностью в области руководства гражданской администрацией и военного управления на оккупированной территории, с ведением психологической войны, разведки, а также с осуществлением планирования на послевоенный период [8, с. 98]. В данном контексте стоит отметить и создание Объединенного комитета по гражданским вопросам, ответственного за формирование военной администрации на освобожденных от врага территориях и, таким образом, за проведение там политики в соответствии с общим политическим курсом двух держав [7].

«Политические офицеры» также оказывали содействие отделу психологической войны в выработке заявления относительно требований безоговорочной капитуляции, стремясь сгладить остроту вопроса. «Политические офицеры» вошли в состав образованного в ходе войны Объединенного разведывательного комитета верховного штаба. Работники верховного штаба давали им полную возможность участвовать в планировании и затребовать любой план, имеющий отношение к политике. Данные советники докладывали начальнику верховного штаба содержание политических материалов, которые, по их мнению, могли представить интерес для Д. Эйзенхауэра.

«Политические офицеры» имели свою группу работников как военных, так и гражданских. Они обладали доступом к верховному командующему, но обычно вели свои дела через начальника штаба. Помимо этого, описываемая категория также присутствовала на проводимых верховным главнокомандующим и начальником его штаба совещаниях, на которых обсуждались вопросы, затрагивавшие их сферу компетенции [8, с. 98].

Не удаляясь далеко от возросшего политического фактора в военном деле, следует отметить появление новой категории офицерства в целом. Данный вид офицерства стал более осведомленным в вопросах политики. Так, в сферу ответственности представителей ОКНШ в комплексе с ролью членов высшего командования в новой войне вошла работа, выходящая за рамки строгого определения военной науки. К этой категории относятся вопросы дипломатии и корректировки вектора деятельности военно-промышленного комплекса [15, с. 150 - 151]. Важным стало и взаимодействие с высшим военно-политическим руководством в плане исполнения директив и отстаивания своей позиции. В этом плане ярким примером является фигура главы Имперского Генерального штаба А.Брука, тесно взаимодействовавшего с премьер-министром У.Черчиллем [11, с. 50- 51]. Также интересна фигура главы военного отделения Секретариата Военного кабинета Г.Исмея [9, с. 331], являвшегося связующим звеном между политической и военной элитами. Последний был хорошо знаком с порядками Уайтхолла ввиду богатого опыта, полученного в Секретариате Комитета имперской обороны [16, с. 25-32]. Примечательно, что именно он, обладавший опытом взаимодействия как с военными в виде английского Комитета начальников штабов, так и с политиками [16, с. 25-32], стал первым государственным секретарем Североатлантического союза [19].

В целом выбор между политическими и военными соображениями является вопросом баланса в период войны. В этом плане интересным является данный входе войны главнокомандующему на европейском театре военных действий карт-бланш, предоставляющий ему верховную власть в зоне ответственности. По договоренности между Соединенным Королевством и союзными европейскими правительствами последним рекомендовалось назначить офицеров связи в штаб главнокомандующего [20]. Обращаясь к текущей структуре западного блока, следует обратить внимание на схожесть указанной категории наблюдателей с институтом постоянных представителей стран, не являющихся членами альянса [12]. Также в текущей структуре НАТО находит отражение и концепция объединения сил и средств альянса под эгидой главнокомандующего союзными силами в определенном регионе. В качестве примера следует привести Командование Объединенными силами союзников в Брунуме (зона ответственности – Северная Европа) и в Неаполе (Южная Европа) [13]. Корни данной практики следует искать в соответствующем коалиционном опыте Второй мировой войны: подчинение сил союзников одному главному [15, с. 33]. Кроме того, активное обсуждение политико-военных вопросов на правительственном уровне, а также в формате конференций, активно практикуемое Лондоном и Вашингтоном в годы войны, не прошло бесследно. В НАТО данному вопросу уделяется важное внимание, в первую очередь в рамках деятельности ведущего политического органа альянса – Североатлантического совета [14].

В свете вышеизложенного следует заметить, что опыт англо-американского коалиционного взаимодействия в годы Второй мировой войны демонстрирует тесное переплетение политики и военного дела. В свою очередь, НАТО является именно квинтэссенцией этих понятий, а

именно военно-политическим блоком. Единство сил, средств и целей – это основа действенной коалиции. История предоставляет в этом плане наглядный и поучительный пример. Это опыт англо-французского взаимодействия в начальный период Второй мировой войны. Данный эпизод ознаменован отсутствием качественно организованного штабного взаимодействия [5, с. 125]. В указанной кооперации Лондона и Парижа сохранялась разобщенность и на местах. За командующим Британскими экспедиционными силами, подчинявшимся французскому главному, сохранялось право обжаловать приказы французской стороны у британского Военного кабинета, если он считал их ставящими английские войска в опасное положение [6, с. 86-87]. В свою очередь,

последнее обстоятельство расшатывало важную составляющую военной системы – единоначалие с вытекающими из него последствиями. С предоставлением главному расширенных прав на местах в политическом и военном плане (при создании соответствующей базы) взаимодействие США и Великобритании преодолели ошибки англо-французской кооперации в начале войны. Более того, одновременная работа на политическом и военном направлении представляется наиболее эффективной. В свою очередь Лондон и Вашингтон в ходе Второй мировой войны придерживались именно такого подхода, а подвижки в сфере двустороннего взаимодействия, как представляется, были учтены в послевоенный период в рамках НАТО.

Список литературы

1. Бедарида Ф. Черчилль / пер с фр. Е.Н. Юдиной; послесл. Ю.В. Емельянова. – 7-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2018. 458 с.
2. Кондрашов В. Военные разведки во Второй мировой войне. - М.: Кучково поле, 2014. 400 с.
3. Магадеев И.Э. Уроки Второй мировой войны, «баланс сил» и стратегическое планирование Великобритании (1944–1945 годы) / И.Э.Магадеев // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 59-78.
4. Марченков Р.Р. Англо-американское коалиционное взаимодействие во Второй мировой войне // Материалы VII международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (27-28 июня 2019 г.). – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2019. – 196 с.
5. Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. — М.: Жуковский: Кучково поле, 2003. 952 с.
6. Орлов А.С. За кулисами второго фронта. Вече; Москва; 2001. 352 с.
7. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://structure.mil.ru/files/VOV/tom9/VOV_Vol9_604-717_Chap9.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
8. Погью Ф. С. Верховное командование / Сокр. пер. с английского. – М.: Воениздат, 1959. – 142 с.
9. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 2. Т. 3.: Великий союз; Т. 4: Поворот судьбы / Сокр. Пер. с англ. – 8-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 735 с.
10. Gueritz E.F., Terraine J., Barnett C., Steedman A. Problems of Coalition War / The Journal of the Royal United Service Institution vol. 126, issue 3, 1981. pp. 2-14.
11. Heathcote T.A. The British Field Marshals 1736-1997: A Biographical Dictionary. Pen & Sword Military, 2012. 384 p.
12. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24443.htm.

13. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/structure.htm>.
14. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49763.htm.
15. Rigby D. Allied master strategists: the Combined Chiefs of Staff in World War II. Naval Institute Press, 2012. 224 p.
16. Stanbridge B. G. T. The Chiefs of Staff Committee-50 Years of Joint Direction. The RUSI Journal, 118:4. p. 25-32.
17. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES: DIPLOMATIC PAPERS, THE CONFERENCE OF BERLIN (THE POTSDAM CONFERENCE), 1945, VOLUME I, DOC. 614) No. 614 Memorandum by the British Chiefs of Staff (Babelsberg, 15.07.1945) Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv01/d614>.
18. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES: DIPLOMATIC PAPERS, THE CONFERENCE OF BERLIN (THE POTSDAM CONFERENCE), 1945, VOLUME II, DOC. 710a-39) Combined Chiefs of Staff Minutes (Potsdam, 19.07.1945) Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv02/d710a-39>.
19. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1952–1954, WESTERN EUROPEAN SECURITY, VOLUME V, PART 1, 1952, DOC. 159) Memorandum of Telephone Conversations, by the Special Assistant to the Secretary of State. Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v05p1/d159>.
20. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, CONFERENCES AT WASHINGTON AND QUEBEC, 1943, DOC. 234) Memorandum Prepared in the British Foreign Office. Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943/d234>.

THE ANGLO-AMERICAN COALITIONAL INTERACTION IN THE SECOND WORLD WAR AS ONE OF THE FOUNDATIONS OF THE NORTH ATLANTIC UNION FORMATION

This article highlights the main milestones of Anglo-American coalition cooperation during the Second World War. The military-political aspect of cooperation is touched upon. An approach to the fusion of military mechanisms through the development of the idea of the qualitative use of the forces and means of the allies in compliance with the principle of unity of command is considered. It is concluded that certain fruits of cooperation between the Western allies, primarily within the framework of the North Atlantic Treaty Organization, are taken into account in the post-war world. In addition, this article focuses on the position of the United Kingdom in terms of building a post-war security system.

Keywords: United Kingdom, United States, interaction, World War II, NATO, Joint Chiefs of Staff of the United States and Great Britain.

References

1. Bedarida, F. (2018) Cherkhill' [Churchill]/ per s fr. E.N. Yudinoj; poslesl. Yu.V. Emel'yanova. – 7-e izd. – M.: Molodaya gvardiya. 458 s.
2. Kondrashov, V. (2014) Voenny'e razvedki vo Vtoroj mirovoj vojne [Military intelligence in World War II]. Moskva: Kuchkovo pole. 400 s.
3. Magadeev, I.E. (2016) Uroki Vtoroj mirovoj vojny', «balans sil» i strategicheskoe planirovanie Velikobritanii (1944–1945 gody') [Lessons from the Second World War, the Balance of power, and British strategic planning (1944-1945)] / I.E. Magadeev // Novaya i

novejshaya istoriya. № 5. S. 59-78.

4. Marchenkov, R.R. (2019) Anglo-amerikanskoe koalitsionnoe vzaimodejstvie vo Vtoroj mirovoj vojne [Anglo-American coalition cooperation in World War II] // Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyx otnosheniyax X-XX vv.» (27-28 iyunya 2019 g.). – Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 196 s.

5. Mixalev, S.H. (2003) Voennaya strategiya: Podgotovka i vedenie vojn Novogo i Novejshego vremeni [Military strategy: Preparation and conduct of wars of Modern and Modern times]. — M.: Zhukovskij: Kuchkovo pole. 952 s.

6. Orlov, A.S. (2001) Za kulisami vtorogo fronta [Behind the scenes of the second front]. Veche; Moskva. 352 s.

7. Oficial'nyj sajt Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. Retrieved 14 May, 2019 from https://structure.mil.ru/files/VOV/tom9/VOV_Vol9_604-717_Chap9.pdf.

8. Pog'yu, F. S. (1959) Verxovnoe komandovanie [High Command] / Sokr. per. s anglijskogo. – M.: Voenizdat. – 142 s.

9. Cherrill, U. (2017) Vtoraya mirovaya vojna [Second world war]: V 3 kn. Kn. 2. T. 3.: Velikij soyuz; T. 4: Povорот sud'by / Sokr. Per. s angl. – 8-e izd. – M.: Al'pina non-fikshn. – 735 s.

10. Gueritz E.F., Terraine J., Barnett C., Steedman A. Problems of Coalition War / The Journal of the Royal United Service Institution vol. 126, issue 3, 1981. pp. 2-14.

11. Heathcote T.A. The British Field Marshals 1736-1997: A Biographical Dictionary. Pen & Sword Military, 2012. 384 p.

12. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24443.htm.

13. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/structure.htm>.

14. Official website of the NATO. Retrieved 13 February 2021 from URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49763.htm.

15. Rigby D. Allied master strategists: the Combined Chiefs of Staff in World War II. Naval Institute Press, 2012. 224 p.

16. Stanbridge B. G. T. The Chiefs of Staff Committee-50 Years of Joint Direction. The RUSI Journal, 118:4. p. 25-32.

17. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES: DIPLOMATIC PAPERS, THE CONFERENCE OF BERLIN (THE POTSDAM CONFERENCE), 1945, VOLUME I, DOC. 614) No. 614 Memorandum by the British Chiefs of Staff (Babelsberg, 15.07.1945) Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv01/d614>.

18. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES: DIPLOMATIC PAPERS, THE CONFERENCE OF BERLIN (THE POTSDAM CONFERENCE), 1945, VOLUME II, DOC. 710a-39) Combined Chiefs of Staff Minutes (Potsdam, 19.07.1945) Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Berlinv02/d710a-39>.

19. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, 1952–1954, WESTERN EUROPEAN SECURITY, VOLUME V, PART 1, 1952, DOC. 159) Memorandum of Telephone Conversations, by the Special Assistant to the Secretary of State. Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v05p1/d159>.

20. U.S. Department of State: Office of the Historian [Electronic resource] (FOREIGN RELATIONS OF THE UNITED STATES, CONFERENCES AT WASHINGTON AND QUEBEC, 1943, DOC. 234) Memorandum Prepared in the British Foreign Office. Retrieved 27 September, 2020 from URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943/d234>.

Об авторе

Марченков Роман Робертович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: rollan16@yandex.ru

Marchenkov Roman Robertovich - PhD student, Department of general history and international relations of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Russia), e-mail: rollan16@yandex.ru

Минлебаев И.У., аспирант, Башкирский государственный университет (Россия)

СПЕЦИАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В данной работе анализируется социально-экономическая реальность второй половины XIX века через призму проведения межевания башкирских земель. В качестве источников привлечены архивные материалы фонда «Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия». Дополнением к материалам межеваний служат некоторые нарративные источники, в частности, книга известного этнолога С. И. Руденко с описанием повседневной жизни башкир и деятельность властей данного периода. Здесь обращено внимание на деятельность различных государственных учреждений, которые стремились обеспечить население необходимыми угодьями. Власти дифференцировали нормы минимального земельного обеспечения для башкир-вотчинников, мишарей, тептярей и различных категорий крестьян. Периодически власти корректировали нормы правового обеспечения разных групп сельского населения, допускали возможность обмена угодьями, а также не исключалась денежная компенсация от государства при нехватке угодий. Кроме того, власти создавали новые государственные учреждения с привлечением заинтересованных сторон для урегулирования земельных отношений в крае. Так, со второй половины XIX века правительство фактически начинает свою деятельность в этом направлении. Новые подходы стали проявляться в действиях властей с 60-х годов XIX века, когда путем детальной регламентации были сделаны попытки урегулировать земельный вопрос в крае. В то же время позитивные тенденции в дальнейшем освоении территории региона периодически сопровождались и актами прямого административного произвола в отношении башкир, как со стороны губернских властей, так и покупателей земли в крае.

Ключевые слова: Специальное межевание, Генеральное межевание, вотчинники, припущенники, землемеры, башкиры, дачи, спорные дела.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-99-107

Земельный вопрос с древних времен является неотъемлемой частью политики любого государства. Данный аспект работы на всех этапах исторического развития не терял своей актуальности. Следует отметить, что на ряде территорий Уфимской, Оренбургской, частично Пермской, Вятской, Саратовской губерний действовал особый правовой режим, который был обусловлен особенностями вхождения башкир в состав Русского государства во второй половине XVI века и последующими социально-экономическими, политическими событиями в крае. В частности, башкиры являлись собственниками (вотчинниками) занимаемых ими земель. Данное обстоятельство признавали представители администрации соответствующих губерний. Тем не менее, на протяжении XVII – XVIII вв. осуществлялось по-

степенное перераспределение башкирских земель в пользу различных переселенцев из центральной России. Данное обстоятельство вызывало протест башкир через подачу письменных обращений к властям, а затем и вооруженной борьбы в виде восстаний. В этой ситуации власти постепенно пришли к выводу о необходимости урегулирования аграрных проблем через проведение масштабных земельных измерений. Так, первым этапом в этом направлении действий властей стало проведение на территории края Генерального межевания земель. Данная цель в определенной степени была достигнута путем организации измерений через использование так называемого «дачного» принципа межевания различных видов угодий. При этом измерения земельного фонда означали логическое продолжение Гене-

рального межевания, которое было проведено в первой трети XIX века. В итоге, к 40 гг. XIX века территория края была разделена на условно-территориальные единицы – «межевые дачи». Каждая из них обычно охватывала группу населенных пунктов, которые нередко совпадали с границами административных волостей. В последующее время предполагалось разделить эти «дачи» между отдельными населенными пунктами, входящими в их состав, а затем осуществить раздел угодий и внутри населенных пунктов между отдельными домовладельцами. После проведения Генерального межевания в крае стало осуществляться Специальное межевание, которое проводилось с 30-х годов XIX века и продолжалось до 1917 года. Целью данного мероприятия была организация землеустройства внутри башкирских дач. В ходе Специального межевания земель происходил выдел земель башкир-вотчинников от участков, находящихся в пользовании их припущенников-арендаторов. Вторая половина XIX века стала периодом важных социально-экономических преобразований и проведения в крае масштабных межевых измерений, которые базировались на комплексе соответствующих законодательных актов.

Следует отметить расположение Уфимской губернии, которое было достаточно благоприятным. Она находилась в юго-восточной части Европейской России, принадлежала к средневолжским губерниям черноземной полосы. С севера к Уфимской губернии прилегали губернии: Пермская и Вятская, с запада – Казанская и Самарская, с юга и востока Оренбургская. Примерным географическими границами губернии служили: на севере река Кама и приток её – Буй, на западе часть реки Кичуй и Ик, впадающие в Каму, на юге часть течения реки Белой, на востоке Уральский хребет и некоторые из его западных отрогов.

С точки зрения земледельческого хозяйства Уфимская губерния в целом являлась достаточно удобным местом для развития этой отрасли экономики. Данная тенденция стала актуальной с 60 гг. XIX века после осуществления крестьянской реформы в стране. Одновременно был проведен перевод башкир из статуса военно-служилого населения в категорию сельских обывателей (крестьян), но с сохранением за ними вотчинного права на их земли. Данное полномочие по распоряжению земельными угодьями было официально введено для башкир еще правительством Ивана IV и сохранялось вплоть до октябрьской революции 1917 года. Основными организаторами массированного распространения земледелия в крае стали губернаторы как основные руководители обширной территории. В тоже время с точки зрения башкир, ведущих полукочевое скотоводческое хозяйство, данный курс означало изъятие части их угодий.

В связи с вышеизложенным новый импульс получили межевые работы как в целом по стране, так и на территории Уфимской губернии. Так, в башкирских дачах предполагалось отделить владения частных лиц, которые в предшествующие время приобрели часть угодий у коренных жителей. Отделяя владения башкир-вотчинников от участков припущенников и частных лиц, власти намеревались свободные вотчинные земли, т.е. что останется за вычетом неотчуждаемых наделов для самих башкир, использовать по своему усмотрению — предоставить их дворянам, чиновникам, а также наделять крестьян-переселенцев. Таким образом, правительство планировало реализовать колонизацию края преимущественно за счет перераспределения вотчинных земель, находящихся в непосредственном владении башкир [1, с. 409].

Так, со второй половины XIX века

правительство пытается обеспечить разрешение земельных конфликтов, возникших между башкирами и различными категориями переселенцев по итогам реформ начала 60 гг. XIX века. Здесь важным инструментом должна была стать реализация царского указа от 10 февраля 1869 года.

По расчетам властей предполагалось обеспечить башкир-вотчинников по 15 десятинам земли на душу мужского пола согласно сведениям X ревизии (перепись населения 1858-1859 гг.), а припущенников - по 6 десятинам. В итоге, правительство предполагало установить контроль за 9 миллионами десятин башкирских угодий ради последующего их перераспределения. Этот массив правительство намеревалось использовать для дальнейшего увеличения притока дворян и крестьян на территорию края. Общее руководство размежеванием на протяжении 70 – 90-х гг. XIX в. осуществляли специалисты из МВД, а практическое исполнение было возложено на губернские (уездные) присутствия по крестьянским делам. Здесь следует отметить, что губернское присутствие по крестьянским делам являлось межведомственной комиссией чиновников, возглавляемой местным губернатором с привлечением представителей земского самоуправления и мировых посредников из числа местных дворян. С 1889 г. после реформы местного управления произошли изменения в руководстве межеванием. С этого времени низовыми руководителями практических измерений стали земские участковые начальники [1, с. 411; 2, с. 177].

Здесь следует также отметить, что межевание земель в эпоху Специального межевания отличалось от предшествующего Генерального межевания. В частности, оно не осуществлялось за счет бюджета, а проводилось преимущественно за счет средств населения. В частности, в башкирских дачах взимался специальный

сбор, который составлял 8 копеек за каждую отмежеванную десятину. Большое влияние на процесс межевания имела работа мировых посредников, а в последующем – земских участковых начальников. Необходимо указать, что земский участковый начальник исполнял на вверенной ему территории административные функции по отношению к крестьянам и их сообществам. В частности, они оформляли отдельные акты, т.е. документы о разделе общей собственности относительно будущего распределения земли между вотчинниками, припущенниками и частными собственниками. После этого действия губернские присутствия рассматривали данные акты и затем давали распоряжения об их исполнении для уездных землемеров.

В начале XX века этнограф С.И. Руденко писал, что башкиры вынуждены были переходить к земледелию из-за уменьшения площади их владений. При этом ученый обращал внимание, что наряду с происходившим увеличением численности башкир в крае имелись и другие факторы этого процесса: «Расхищение башкирских земель в XIX веке, вымежевывание припущенников на их землях с выделением участков в казну, и, наконец, размежевание по деревням их земель с разделением земель, на душевые и свободные» [7, с. 60]. С.И. Руденко во втором издании своей капитальной монографии «Башкиры. Историко-этнографические очерки» кратко останавливается на размежевании башкирских земель в конце XIX – начале XX в. и подчеркивает, что далеко не всегда земельные дачи, официально числившиеся за башкирами, принадлежали им фактически. Кроме того, автор обратил внимание на то, что башкирские общины в XIX в. потеряли родовой характер и представляли собой по существу территориальные объединения [8, с. 50-54]. Здесь следует обратить внимание на важное обстоятельство,

ускорившее данный процесс. В XVII веке на территории края появляется новая категория населения – это припущенники. Первоначально припущенниками становились некоторые башкиры, потерявшие в силу каких-либо обстоятельств свои угодья. В XVIII века данную социальную группу стали пополнять представители других народов, переселившихся на территорию края из центральной части страны и Поволжья. В XIX – начале XX веков между вотчинниками и припущенниками увеличивается количество споров, земельных конфликтов. Государство, в свою очередь, пыталось урегулировать конфликты путем применения различных нормативно-правовых актов во второй половине XIX века.

Немало документов по данной теме сохранилось в архивах. Так, в Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ) в г. Уфа большую ценность представляет фонд Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия, охватывающий период за вторую половину XIX – начало XX веков. Здесь сохранились документы о проведении специального межевания земель. В Уфимском губернском по крестьянским делам присутствии для организации размежевания башкирских дач состояли шесть членов. Эти кандидатуры утверждались министром внутренних дел с учетом мнения и министра государственных имуществ [3, оп. 1, д. 896].

Юридическое отмежевание башкирских земель, приобретенных крестьянами и целыми общинами было возложено с 60-х гг. XIX века на губернских и уездных землемеров. Последние были обязаны оказывать содействие мировым посредникам при проверке хода и итогов измерений на местах. Следует указать учреждения, которые при необходимости могли принимать участие в разрешении земельных споров – это Сенат, МВД, Уфимское губернское присутствие по крестьянским

делам, судебная палата, уфимская палата уголовного и гражданского суда.

В фонде Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия интересными в контексте нашей темы представляются документы, раскрывающие содержание конфликтов о земле. В качестве примера можно рассмотреть ряд спорных дел. Достаточно содержательным является дело по спору о земле между жителями деревни Тайкибашевой Байкибашевской волости Бирского уезда с поручиком Ермоловым. Началом рассмотрения данного конфликта стало прошение поверенного башкир-собственников Габидуллы Аглиуллина из деревни Тайкибашевой Байкибашевской волости Бирского уезда. Этот представитель направил 3 обращения по содержанию спора в различные инстанции: первое – в губернское присутствие, а второе и третье дополнительные – на имя губернатора, которые датированы 3 и 9 августа 1895 года. Габидулла Аглиуллин жалуется на захват земель и на стеснения со стороны поручика Ермолова в отношении его доверителей из-за пользования их вотчинной землей. Кроме того, было обращено внимание на неправомерную распоряжение Ермоловым зерна, полученного от 500 десятин башкирской земли. Особое внимание уделено в обращениях на заключение в тюрьму двух бывших поверенных данной волости, а также на содействие Ермолову со стороны местной полиции и бирского исправника (исправник – глава полиции в уезде в Российской империи, подчинённый губернатору). Далее к делу приложены рапорты из министерства внутренних дел, губернского по крестьянским делам присутствия, Сената, судебной палаты. Информативным эпизодом является то, что 26 мая 1871 года губернское присутствие утвердило акт о размежевании башкирской дачи, по которому крестьянам села Курачева назна-

чены как наделы 3068 десятин земли. Через два года решением от 8 мая 1873 года Уфимская палата уголовного и гражданского суда признала этих крестьян собственниками земли в Сунлярской даче (дача -это территориальная единица, охватывающая один или несколько населенных пунктов. Дачей могли быть как отдельное дворянское поместье, частный завод, так и несколько поместий, заводов. Так в Сунлярскую дачу входили деревни Тайкибашево, Курачева и ряд других населенных пунктов). На основании этого решения 20 ноября 1873 года крестьяне села Курачева продали купцу Озерскому 1000 десятин земли, а последний, в свою очередь, продал эту землю поручику Ермолу. В конце дела приводится решение по конфликту, где мировой судья четвертого участка Бирской округи восстановил владение Ермолова 17 июля 1883 и 7 августа 1884 годов [3, оп. 1, д. 1399].

Следует отметить, что вопрос о порядке разрешения споров относительно восстановления нарушенного владения в башкирских неразмежеванных дачах обсуждался особым присутствием Казанской судебной палаты. Из документов видно, что поводом к обсуждению данного вопроса послужило дело по иску поручика Ермолова к башкирам деревни Тайкибашевой. Здесь речь шла о восстановлении его нарушенного владения землею в неразмежеванной Сунлярской башкирской даче. Особое присутствие судебной палаты, рассмотрев данное дело, определило, что данный вопрос разрешается на основе закона «...о порядке разрешения исков башкирских припущенников о признании за ними вотчинных прав на земли в башкирских дачах и об изъятии данного рода дел из владения суда» от 15 июня 1882 года (ПСЗРИ, Собр. Узак. 1882 г. №555). Согласно статьям 1 и 2 данного акта споры о правах собственности и владении водворенных в башкирских дачах припущенников как между собою, так и с

вотчинниками были изъяты из ведома судебных установлений. Разрешение этих конфликтов контролировалось губернским присутствием по крестьянским делам, а так как Ермолов был преемником прав припущенников, то и претензии его, направленные против других таких же припущенников, относились к разряду споров по землевладению и подлежали рассмотрению не мировым судом, а Уфимским губернским присутствием по крестьянским делам [3, оп. 1, д. 2448].

Следует также упомянуть дело по спору о земле между припущенниками деревень Мещегаровой, Кадыровой, Шарыповой Тарнаклинской волости Златоустовского уезда. В ней указывается, что поверенный от башкир деревни Мещегаровой Мухаметшарип Хисаметдинов жаловался на вмешательство мишарских крестьян деревень Азяки и Еланыша Сикиязской волости ввиду нарушения прав его доверителей. При этом отмечается, что предки его доверителей согласно договору от 10 июня 1750 года имели вотчинное и потомственное владение землею. Время заселения этой территории является достаточно объективной, так как эту дату подтверждали в 1817 году и сами жители деревни. В нем описывается, что предки этой группы мишарей поселились в 1750 году по частному договору с башкирами Тырнаклинской волости [4, оп. 1. д. 34. л. 36]. Далее в документе указывается, что пристав третьего стана 24 и 25 мая 1879 года посетил деревню Еланыш, где обращался к жителям не вступать в конфликт с мещегаровцами. После этого он поехал в Анзяк и Мещегарово, где обращался к жителям данных деревень с требованием не нарушать законные требования начальства. Далее из материалов дела можно увидеть то, что крестьяне сел Сикияза, Мясогутова, Сартовой и Озерской обязались не предъявлять никаких претензий к башкирам-вотчинникам Тырнаклинской волости и впредь безусловно владеть землею по тем

урочищам, которые будут указаны в полюбовной сказке. Данный документ - полюбовная сказка – являлся разновидностью мирового соглашения, которая фиксировалась в решениях суда и представляла собой обязательство, в силу которого одна сторона, по обоюдному согласию, принимала на себя исполнение каких-либо условий. Башкиры указали границы своих земель с опорой на географические ориентиры, а также отметили, что «...с Мурзальской дачи и Сартовской волости до начального пункта, что при вершинах оврага Дубового в указанных урочищах должно быть удобной и неудобной земли не менее 35000 десятин.» Кроме того они отмечали, что в случае если на территории их волости угодий окажется меньше официальной нормы, то башкиры-вотчинники полагали нецелесообразным выделять из своей дачи какое-либо количество земли для переселенцев. Если же имелось больше 35000 десятин, то башкиры были согласны предоставить землю для пользования крестьянам. Таким образом, условия являлись довольно принципиальными и были официально зарегистрированы после появления данного требования в полюбовной сказке, засвидетельствованной в Бирском уездном суде [3, оп. 1. д. 1475].

Таким образом, из содержания вышеуказанных документов Уфимского губернского присутствия по крестьянским

делам можно отметить следующее. Важным направлением деятельности данного государственного учреждения являлось обеспечение выдела из башкирских дач участков для припущенников и других переселенцев преимущественно небашкирского происхождения [1, с. 413]. Такой курс властей не остался без внимания и стал вызывать протесты со стороны башкирского населения в виде ряда жалоб, адресованных в присутственные места. Так, ряд обращений был направлен преимущественно в адрес губернатора и призывал к сохранению прежней площади башкир-вотчинников и более детальной подготовке размежевания. В итоге, нарушения в ходе купли-продажи башкирских земель были признаны правительством. В частности, из содержания указа от 9 мая 1878 года мы можем видеть, что ряд актов на продажу земли из башкирских дач были совершены под влиянием угроз, обмана, принуждения [6, с. 332-335].

Согласно материалам по учету земельного фонда, подготовленным Уфимской губернской управой, для обложения различных видов собственности государственными и земскими сборами стала известна общая площадь земель в десятинах к 1 января 1896 года. Данное пространство распределялось по видам угодий следующим образом [5, с. 2-3] :

Уезды	Пашень и лугов	Лесу	Неудобной	Всего
Уфимский	640712,9	1093485,8	68517,8	1802716,5
Бирский	855748,4	1285054,3	94041,7	2234844,4
Мензелинский	700332,6	395168,3	69867,7	1165368,6
Белебеевский	1390486,7	546444,3	127455,1	2064386,1
Стерлитамакский	975312,4	870238,5	71807,7	1917358,6
Златоустовский	424005,3	1165292,8	90387,1	1679685,1
Всего в губернии	4986598,2	5355684,0	522077,1	10864359,3

В нижеследующей таблице мы видим происходящие перемены в структуре землеуладения за 1895 год [5, с. 2-3]:

	Пашень и лугов	Леса	Неудобной	Всего	Увеличилось (+) Уменьшилось (-)
Городов	8256,4	3237,4	1741,3	13235,1	-604,6
Дворян	619789,1	1143267,1	58782,7	1821438,9	-4083,4
Купцов и мещан	156823,1	276677,8	11373,8	444874,7	-9919,9
Крестьян собственников	691755,7	413956,7	39195,7	1144908,1	+38143,1
Крестьян наделенных	610043,6	103295,1	47494,7	760833,4	+898,8
Башкир-вотчинников	1582536,5	2113487,7	166665,1	3862689,3	-61970,8
Башкир-припущенников	1061650,8	376085,3	118101,2	1555837,0	+1892,2
Удельного ведомства	24910,8	99855,8	15935,0	140701,6	-122,7
Казны и горного ведомства	207516,6	815144,5	56696,9	1079358,0	+1892,2
Частной собственности, монастырей и церквей	1396,7	708,2	123,7	2228,6	-1859,1
Разных других учреждений и ведомств	21918,9	9968,4	6367,0	38254,3	+2702,2
Итого	4986598,2	5355684,0	522077,1	10864359,3	+17785,5

Сравнивая сведения из вышеуказанных таблиц мы видим, что приведенные цифровые показатели указывают, что площадь земель губернии увеличилась на 17 785,5 десятин. При этом надо отметить, что наиболее значительные изменения в землевладении произошли у башкир-вотчинников. За вышеуказанный год было исключено из их владения 61 970 десятин земли.

Таким образом, во второй половине XIX века власти Уфимской губернии активно работали по реализации законодательных актов. С одной стороны, башкиры оставались владельцами обширных пространств, но происходил процесс перераспределения земли в крае. С другой стороны, военные и гражданские чиновники, купцы, крестьяне при поддержке губернских и уездных властей постепенно становились собственниками или

пользователями значительной части земельных угодий. При этом крестьяне-переселенцы внесли большой вклад в увеличение объемов товарного земледелия. Ряд приобретателей башкирских земель занимались перепродажей угодий, что вызывало недовольство у местных жителей. Все это вызывало периодический протест у башкир через подачу обращений с требованием ограничить куплю-продажу земли, адресованные к губернской администрации, либо осуществлялся саботаж при проведении межевания земли. Следует отметить, что эти события являлись составными частями политики правительства на протяжении XIX века, которое было ориентировано на перераспределение части башкирских земель в пользу переселенцев. Так, если в начале XIX века башкирам-вотчинникам

различных губерний принадлежало в общей сложности более 14 миллионов деся-

тин земли, то уже к началу XX века данный показатель составил немногим более 9 миллионов десятин.

Список литературы

1. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 436 с.
2. Акманов А.И., Сулейманова Л.Ш., Юсупов Р.Г., Габдулхаков Р.Б., Даутов А.А. Межевание башкирских земель в конце XVIII – начале XX вв. Уфа: Педкнига, 2019. 200с.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-10.
4. НА РБ. Ф. 172.
5. Обзор Уфимской губернии за 1895 год. Уфа: Типография губернского правления, 1896. 86 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. 53. Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. 465с.
7. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч 2. Л.: Гос. тип. им. Ивана Федорова. 1925. 330 с.
8. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 394 с.

SPECIAL INTERMEDIATION OF BASHKIR LANDS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE UFA PROVINCE)

This paper analyzes the socio-economic reality of the second half of the XIX century and provides material on special land surveying of the Bashkir lands. As sources, the materials of the fund "Ufa Provincial presence on Peasant affairs" were used. In addition to the survey materials, there are some narrative sources, in particular, a book by the famous writer and ethnologist, S. I. Rudenko, describing the daily life of the Bashkirs and the activities of the authorities in this period of time. Here attention is drawn to the activities of various state institutions that sought to provide the population with the necessary land. The authorities differentiated the norms of minimum land security for Bashkirs-patrimonial owners, mishars, teptyars, and various categories of peasants. Periodically, the authorities adjusted the norms of legal support for different groups of the rural population, allowed the possibility of exchanging land, and also did not exclude monetary compensation from the state if there was a shortage of land. In addition, the authorities created new state institutions with the involvement of interested parties to regulate land relations in the province. So from the second half of the XIX century, the government begins its activities in this direction. New approaches began to manifest themselves in the actions of the authorities since the 60s of the XIX century, when attempts were made to settle the land issue in the region through detailed regulation. At the same time, positive trends in the further development of the region's territory were periodically accompanied by acts of direct administrative arbitrariness against the Bashkirs, both on the part of the provincial authorities and land buyers in the region.

Keywords: Special land surveying, General land survey, patrimonial landowners, land surveyors, Bashkirs, dachas, disputed cases.

References

1. Akmanov, A.I. (2007). Zemel'nye otnosheniya v Bashkortostane i bashkirskoe zemlevladienie vo vtoroj polovine XVI – nachale XX v. [Land relations in Bashkortostan and Bashkir land ownership in the second half of the XVI – early XX centuries]. Ufa: Kitap. 436s.
2. Akmanov, A.I., Sulejmanova, L.Sh., Jusupov, R.G., Gabdulhakov, R.B., Dautov, A.A. (2019). Mezhevanie bashkirskih zemel' v konce XVIII – nachale XX vv [Land surveying of the Bashkir lands at the end of XVIII – the beginning of the 20th centuries]. Ufa: Pedkniga. 200 s.
3. National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). F. I-10.

4. NA RB. F. 172.

5. (1896). Obzor Ufimskoj gubernii za 1895 god [Review of the Ufa province for 1895]. Ufa: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 86 s.

6. (1880). Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [A Complete Collection of the Russian Empire's Laws. Collection 1]. Vol. 53. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva. 465 s.

7. Rudenko, S.I. (1925). Bashkiry. Opyt etnologicheskoy monografii. [Bashkirs. Ethnological Monograph Experience]. Leningrad: Gos. tip. im. Ivana Fedorova. 330 s.

8. Rudenko, S.I. (1955). Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki. [Bashkirs: historical and ethnographic essays]. M.: Izd-vo AN SSSR. 394 s.

Об авторе

Минлебаев Ильшат Уралович – аспирант, Башкирский государственный университет (Россия), E-mail: Ilshatminlebaev@mail.ru

Minlebaev Ilshat Uralovich – Postgraduate student, Bashkir State University (Russia), E-mail: Ilshatminlebaev@mail.ru

УДК 341.1/8

Путилина М.И., помощник юриста, юридическая фирма «ВК ПАРТНЕРС» (Россия).

ЭТАПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ КЛИМАТА

Предметом исследования статьи является хронологический анализ развития институтов международного права, регулирующих вопрос сохранения климата. Активное международно-правовое сотрудничество в этой области можно рассматривать как признак растущего внимания международного сообщества к проблеме изменения климата, его интеграции в другие области политики и права. В настоящей статье приведена периодизация этапов процесса формирования основных институтов экологического права в области сохранения климата с 1972 года по настоящее время, рассмотрены наиболее важные вехи в рамках предложенных этапов, проведена систематизация, даны сравнительные оценки правовых документов с учётом их эффективности на всех этапах по мере их принятия. В ходе исследования выявлена непрерывность процесса адаптации принятых соглашений к изменению представлений о поставленных целях, количественных оценках выполнения государствами своих обязательств, эффективности институтов реализации договоренностей как на международном, так и на региональном или национальном уровнях. Автором делается вывод, что Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (РКИК ООН), Киотский протокол и Парижское соглашение сыграли ключевую роль в стимулировании и направлении международно-правовых усилий по сохранению климата. **Ключевые слова:** Рамочная Конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, Парижское соглашение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-108-116

Изменение климата – одна из самых острых проблем современности. Как известно, глобальные проблемы требуют глобальных усилий многих стран. Очевиден тот факт, что негативное воздействие на климат не может концентрироваться только в одной точке земного шара, такое воздействие отразится на климате планеты в целом, соответственно все мировое сообщество почувствует на себе негативные последствия такого влияния. Из этого следует, что и успешность мероприятий по сохранению климата зависит от координированных действий и усилий всех заинтересованных сторон. Именно поэтому международно-правовое сотрудничество по борьбе с изменением климата в последние десятилетия приобретает особую актуальность. Благодаря обязательствам, которые берут на себя государства в сфере сохранения климата, а также ответственности, которую государства могут понести в случае их нарушения, возможно действительно остановить деструктивные процессы, влияющие на

изменение климата. Таким образом, проблема изменения климата многогранна и многослойна и требует эффективной политики и правового регулирования как на национальном уровне, так и на уровне глобального управления» [10, р. 93].

Вопросы исторического и правового регулирования борьбы с изменением климата рассматривали такие российские и зарубежные ученые, как Бирюков П.Н., Боклан Д.С., Гарафова Д.И., Копылов М.Н., Копылов С.М., Соколова Н.А., Солнцев А.М., Боданский Д. и др.

Международное экологическое право само по себе – одна из наиболее молодых отраслей международного права, а проблема изменения климата в рамках данной отрасли стала предметом изучения совершенно недавно, несколько десятилетий назад. В частности, это отображается в периодизации этапов развития норм, посвященных вопросам сохранения климата (еще до принятия Киотского протокола), предложенной исследователем Д. Боданским: [9, р. 23-24]:

1) до 1985 года: научное развитие

вопросов изменения климата, сохранение климата приобретает характер политико-правовой проблемы;

2) с 1985 до 1988 года: включение вопросов, связанных с защитой климата в международную повестку дня;

3) с 1988 до 1990 года: переходный период, предварительный этап обсуждения вопросов защиты климата на межправительственном уровне;

4) с 1990 до 1992 года: этап официальных переговоров между государствами, ведущих к заключению Рамочной конвенции по изменению климата (РКИК);

5) с 1992 до 1997 года: этап разработки и осуществления положений, упомянутых в РКИК, за которой следует разработка и принятие Киотского протокола.

Рассмотрим более подробно наиболее важные вехи в рамках предложенных этапов. Роль одной из основополагающих конференций в рамках международного экологического права принадлежит Стокгольмской конференции по проблемам окружающей среды 1972 г. На этой конференции впервые обсуждалась концепция устойчивого развития, одной из составляющих которой, в частности, является включение международного сообщества в решение экологических проблем [7, с. 92]. Непосредственным итогом ее работы стала отдельная Декларация, установившая 26 принципов сохранения окружающей среды. Механизмы, предложенные в рамках данного документа, будут впоследствии развиваться в рамках Конференции по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро, на Климатическом саммите в Копенгагене 2009 г., и на отдельной конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году, что говорит о том, что в целом Стокгольмская конференция несомненно повлияла на развитие международно-правовых норм в сфере сохранения климата.

В 1979 г. была проведена первая Всемирная конференция по климату, которая

была ориентирована на обсуждение проблем глобального климата и по результатам работы которой была принята Декларация, призывавшая государства «предвидеть и предотвратить возможные изменения климата, вызванные деятельностью человека, которые могли бы ухудшить условия существования человечества» [6, с. 257]. 16 сентября 1987 г. был принят Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, который устанавливал обязательства государств по регулированию выбросов таких веществ. Такие вещества могут повлиять на климат, поэтому косвенно такие обязательства были направлены на борьбу с изменением климата.

Вплоть до 1992 г. государства только «готовили почву» для принятия документов, содержащих нормы по борьбе с изменением климата, путем заключения различных международно-правовых актов, косвенно регулирующих вышеуказанные вопросы. Как мы видим из предложенной выше периодизации, окончательное составление и реализация положений, посвященных полноценному регулированию межгосударственных отношений, начались только в 1992 г. В том году проходила Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, на которой была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК) [4]. Именно она стала основой для правового регулирования борьбы с изменением климата. Как справедливо отмечается в доктрине, термин «рамочный» означает «наиболее универсализированный, носящий процедурный характер», т.е. РКИК предполагала заключение дополнительных протоколов к ней для более подробного и эффективного регулирования. Однако в этом видится и недостаток Конвенции, поскольку таких протоколов предполагалось неопределенно большое количество, при этом порядок применения их положения описан не так подробно. К тому же, в РКИК отсутствует

специальное положение о взаимосвязи конвенции с подобными протоколами [1, с. 190]. Несмотря на это, основным достижением РКИК стало то, что именно она ставит своей целью «добиться стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему», при этом обращая внимание на уровень экономического благосостояния, и не допуская резких перекосов, опасных для экономики (т.е. в рамках концепции устойчивого развития). Далее, если обратиться к ст. 4 РКИК, мы видим установление так называемого «принципа общей, но дифференцированной ответственности», который заключается в следующем: именно развитые страны, несущие основную ответственность за антропогенные изменения климата, а также обладающие большим количеством финансовых ресурсов и возможностей в целом, должны играть ведущую роль в борьбе с изменением климата и его отрицательными последствиями, в частности, обязаны передавать необходимые ресурсы для внедрения новых технологий в развивающиеся страны. При этом в РКИК не содержатся положения о том, что такие обязанности развитых стран коррелируют с правом развивающихся стран предоставлять им определенное количество финансов [5, с. 139].

Некоторые исследователи говорят о том, что принцип общей, но дифференцированной ответственности затрагивает только ретроспективную ответственность [8, с. 60], т.е. ответственность за уже нанесенный вред, однако, как следует из предыдущих рассуждений, речь идет не только о ретроспективной, но и о перспективной ответственности, т.е. об обязательствах по приложению всех возможных усилий для сохранения климата.

Кроме РКИК, на конференции 1992 г. была также принята «Повестка дня на XXI век» и Декларация по окружающей среде

и развитию. В «Повестке дня на XXI век» определяются несколько программных областей развития, касающихся сохранения климата. С одной стороны, это вопросы общего характера, такие как: а) решение недостаточно изученных проблем, совершенствование научной базы для принятия решений; б) содействие устойчивому развитию. С другой стороны, это положения, затрагивающие отдельно вопрос охраны атмосферы; с) предотвращение разрушения озонового слоя стратосферы; d) трансграничное загрязнение атмосферы. «Повестка дня на XXI век» является достаточно обширным документом и задает вектор усилий по выполнению обязательств, которые взяли на себя государства в результате подписания нескольких конвенций до 1992 г. В свою очередь, в Декларации по окружающей среде и развитию, в подтверждение и развитие Стокгольмской декларации 1972 года, были закреплены принципы, устанавливающие права и обязанности государств по обеспечению устойчивого развития.

Также стоит упомянуть о документе, который хотя и не был принят в рамках конференции 1992 года, тем не менее непосредственно с ней связан, поскольку он стал итогом Конференции ООН по устойчивому развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро через двадцать лет после исторической Встречи на высшем уровне «Планета Земля» 1992 года в Рио. Этот документ получил название «Будущее, которого мы хотим». В нем страны-участницы декларировали свою политическую приверженность устойчивому развитию, подтвердили все принципы Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию и подчеркнули необходимость охраны климата Земли на основе этих принципов, в частности, принципа общей, но дифференцированной ответственности государств. В целом, можно сказать, что вышеописанные документы («Повестка дня на XXI век», Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей

среде и развитию, «Будущее, которого мы хотим»), помимо закрепления основных принципов и целей в сфере защиты климата, показали необходимость принятия безотлагательных мер для достижения этих целей.

После принятия Рамочной Конвенции по изменению климата, с 1992 по 1997 год шла детализация норм и подготовка планов по реализации РКИК. Как дополнительный протокол к РКИК в 1997 году принимается Киотский протокол, устанавливающий конкретные количественные обязательства государств по сокращению выбросов шести типов парниковых газов, в частности углекислого газа, метана и оксида азота. Киотский протокол в полной мере раскрывает потенциал РКИК. В частности, он претворяет в жизнь принцип общей, но дифференцированной ответственности, который устанавливается в РКИК. Так, в нем указан глобальный показатель сокращения выбросов - не менее 5%, а индивидуальные обязательства сторон по ограничению или сокращению выбросов раскрываются в Приложении В этого документа. Киотский протокол устанавливает специальные механизмы по воплощению принципа общей, но дифференцированной ответственности. Это проекты совместного осуществления, торговля квотами на выбросы парниковых газов и механизм чистого развития. Целью таких механизмов являются: стимулирование устойчивого развития посредством передачи технологий и инвестиций; помощь странам с обязательствами по Киотскому протоколу достичь своих целей путем сокращения выбросов или удаления углерода из атмосферы в других странах экономически эффективным способом; стимулирование частного сектора и развивающихся стран вносить вклад в усилия по сокращению выбросов.

Проекты совместного осуществления служат для обеспечения возможности одним развитым странам осуществлять

инвестирование в другие развитые страны для достижения показателей по сокращению выбросов. Механизм чистого развития (МЧР), в свою очередь, позволяет развитым государствам инвестировать в проекты по сокращению выбросов в развивающихся странах. МЧР позволяет не только сократить количество парниковых газов в атмосфере, но и найти рынки экспорта для экологических технологий, разрабатываемых развитыми странами. В этих механизмах могут принимать участие как государственные, так и частные организации.

Суть механизма торговли квотами состоит в том, что у каждой стороны Протокола есть право на определенный уровень эмиссий («потолок выбросов»), в соответствии с этим уровнем выпускается определенное количество разрешений на выбросы и происходит их распределение между государствами, исходя из этого распределения все выбросы парниковых газов в пределах одного государства должны быть покрыты предоставленной квотой, если же стране не хватает квоты для того, чтобы осуществить дополнительные единицы выброса, она может приобрести неиспользованные квоты других стран. Однако данный подход привел к тому, что оценить действительное сокращение выбросов в каждом конкретном государстве оказалось затруднительным, и, отчасти, торговля квотами превратилась в механизм получения экономической выгоды, а не экологической [5, с. 139-140].

Несмотря на свои недостатки, система Киотского протокола все же считалась относительно успешной, и сокращение выбросов действительно произошло, однако этого оказалось недостаточно.

Таким образом, принятием Киотского протокола завершился ряд этапов формирования правовой основы взаимодействия государств в области сохранения климата, систематизированных Д. Боданским [9, pp. 23-24].

С 1997 начинается этап подготовки правил осуществления Киотского протокола: приняты Марракешские договоренности, в которых подробно изложены правила осуществления Киотского протокола, разработаны новые инструменты финансирования и планирования процесса адаптации к изменению климата и определена концепция передачи технологий. В 2005 году Киотский протокол вступает в силу, а в Монреале проходит первое совещание сторон Киотского протокола (СС-1).

Важным шагом противодействия изменению климата стало обсуждение Копенгагенской договоренности 2009 г. на 15-ой Конференции сторон РКИК, в рамках которой предложили снизить количество выбросов до 50%, а также вовлечь развивающиеся страны в этот механизм, однако государствам так и не удалось договориться об индивидуальных показателях, поэтому международный договор так и не был подписан [5, с. 140]. Это продемонстрировало разнополярные позиции развитых и развивающихся стран, что не позволило конкретизировать положения Киотского протокола.

В 2011 году стороны пришли к осознанию того, что необходимо в перспективе создать новый универсальный документ на смену Киотскому протоколу, хотя в 2012 году были приложены усилия по его усовершенствованию по окончании 1 периода действия и продлению обязательств сторон на 2 период, это выразилось в принятии Дохинской поправки к протоколу.

На Двадцать первой Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 2015 году, в Париже, 195 представителей государств и международных организаций собрались для обсуждения соглашения о взаимодействии государств с целью сохранения климатической системы планеты и разработки плана по адаптации к последствиям таких изменений. По результатам Конференции

было принято Парижское соглашение [3], которое вступило в силу в 2016 году.

Чтобы определить правовую форму этого документа, необходимо обратить внимание на то, что обсуждение судьбы соглашения на предыдущей Двадцатой Конференции Сторон в Лиме (2014 год) включало два варианта формы будущего договора: принятие в качестве «протокола», либо в качестве «иного правового документа». В международном праве термин протокол используется для обозначения договоров, которые приняты для достижения всех условий или целей рамочной конвенции или зонтичного соглашения. Парижское соглашение содержит в себе большое количество ссылок на текст Рамочной конвенции ООН об изменении климата, также в Преамбуле прямо говорится о цели принятия соглашения, которая совпадает с текстом Конвенции (стабилизация выбросов парниковых газов). На связь Парижского соглашения и РКИК указывает и общее использование органов и институтов, разработанных для функционирования Конвенции, и порядок вступления в силу соглашения в прямой зависимости от сторон Конвенции [2, с. 127]. Несмотря на то, что в названии документа, принятого на Двадцать первой Конференции, не используется термин «протокол», по юридической форме документ является дополнительным протоколом к Конвенции.

Парижское соглашение включает в себя вопросы смягчения антропогенного воздействия на климат и адаптации к последствиям климатических изменений, а также допустимые средства для достижения целей Конвенции (наращивание потенциала противодействия изменению климата, передача технологий, модернизация вредных источников). Согласно документу, государства могут самостоятельно выбирать способы ограничений или сокращений. Инструментарий для национальных правительств содержит в себе в том числе: введение углеродных

сборов, изменение законодательства о государственных закупках, изменение политики в отношении лесных и сельских хозяйств, пересмотр энергетической политики и стратегии и другие.

Данные инструменты стали возможны благодаря замене обязательств по сокращению выбросов на определяемые на национальном уровне вклады (Nationally Determined Contribution, NDC) (или, сокращенно, «национальные вклады»), которые каждое государство определяет для себя самостоятельно (принятие национальных программ с указанием цели, сроков, базовых значений на периоды и т.д.). Отсюда Стороны защищены от слишком большого давления и нагрузки на собственную экономику, ресурсы и политику. Однако одновременно с этим подобный механизм является и ущербным в плане имплементации соглашения и достижения реальных результатов, поскольку в тексте соглашения не предусматривается каких-либо санкций в случае недостижения сторонами декларируемых ими целей, они не связаны количественно определенными обязательствами и достижение показателей национальных планов зависит сугубо от самих Сторон, то есть строится на принципе доброй воли.

Таким образом, Парижское соглашение фактически является юридическим документом, который должен стать руководством для государств во всеобщем процессе действий по борьбе с изменением климата. В нем содержатся положения как имеющие юридически обязательную силу для сторон, так и носящие рекомендательный характер. Те элементы, которые предусмотрены текстом Соглашения, но в целом регулируются сторонами в индивидуальном порядке (например, определяемые на национальном уровне вклады), могут иметь обязательную силу на национальном уровне. Данный документ отличается большим количеством описаний процедурных положений. На

сегодняшний день Парижское соглашение ратифицировано 191 участником.

После принятия Парижского соглашения наступил этап выработки механизмов реализации его положений. В этих целях было необходимо продолжить сотрудничество Сторон в виде поэтапного введения плана работы. Так, на Двадцать второй Конференции Сторон РКИК ООН (город Марракеш, Марокко) в 2016 году была начата разработка «Парижского свода правил», утверждён же документ был лишь в 2018 году. Данный свод позволил определить ключевые процессы, необходимые на первом этапе реализации соглашения. Документ стал регулировать вопросы имплементации Парижского соглашения, обеспечения подотчётности и мониторинга исполнения обязательств, в том числе финансового характера [1, с. 209].

Следующим шагом стало проведение Двадцать третьей Конференции Сторон (КС-23) РКИК ООН (город Бонн, Германия) в 2017 году. Целью Конференции было согласование конкретных вопросов о внедрении механизмов реализации соглашения. Нельзя не упомянуть об особенной платформе коммуникации для данной Конференции – «Диалог Таланоа», созданной в 2018 году. Платформа разработана для интеграции всех государств-членов в принятие решений и более оперативного осуществления многоуровневых связей Сторон.

В 2018 году делегаты КС-24, которая была организована в Катовице (Польша), приняли «климатический пакет», конкретизирующий порядок осуществления Парижского соглашения. Следующая Конференция КС-25 способствовала конкретизации климатической повестки в преддверии 2020 года, в котором страны обязались представить новые и обновленные национальные планы действий. Важнейшая работа по борьбе с изменением климата была проведена в таких областях,

как финансы, транспарентность климатических действий, леса и сельское хозяйство, технология, наращивание потенциала, потери и ущерб, коренные народы, города, океаны и гендерные вопросы. Конференция включала двадцать пятую сессию Конференции Сторон (КС-25), пятнадцатую сессию Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Киотского протокола (КС / СС 15), и вторую сессию Конференции Сторон, действующей в качестве совещания Сторон Парижского соглашения (КСМА 2). К сожалению, КС-26, которая должна была состояться в Глазго в ноябре 2020 года, была отложена из-за COVID-19. Это решение было принято Бюро КС РКИК ООН совместно с Великобританией и ее итальянскими партнерами.

Таким образом, с 1997 года по 2020 год включительно можно выделить 4 основных этапа международно-правового регулирования в области сохранения климата, сохранив порядковую нумерацию Д. Боданского:

6) с 1997 до 2005 года: разработка правил и договоренностей по осуществлению Киотского протокола;

7) с 2005 по 2012 год: вступление в силу Киотского протокола и действие первого периода обязательств;

8) с 2012 по 2016 год: подготовка,

принятие и вступление в силу Парижского соглашения;

9) с 2016 по 2020 год: заключительная фаза действия Киотского протокола и формирование институтов реализации Парижского соглашения.

В результате проведенного хронологического анализа можно сделать вывод, что основные этапы международного-правового регулирования в области сохранения климата коррелируют с принятием и действием следующих важных документов: Рамочной конвенции Организации Объединённых Наций об изменении климата (РКИК ООН), Киотского протокола и Парижского соглашения. При этом, используя ретроспективный анализ, можно говорить о наличии непрерывного процесса адаптации принятых соглашений под изменяющиеся условия, формирования эффективных институтов реализации договоренностей как на международном, так и на региональном или национальном уровнях. Стоит отметить, что развитие отношений и международно-правовое регулирование в сфере сохранения климата Земли будет продолжено, поскольку по-прежнему существуют глобальная угроза и необходимость совместных усилий по противодействию этой угрозе.

Список литературы

1. Вирт Д.А. Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С 185 – 214.
2. Гарафова Д.И. Сохранение климата Земли: международно-правовое регулирование и особенности имплементации в национальном законодательстве отдельных государств. Диссертация. Казань, 2018. С.290
3. Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать первой сессии, состоявшейся в Париже с 30 ноября по 13 декабря 2015 года, Решение 1/CP.21 «Принятие Парижского соглашения». 29 января 2016. FCCC/CP/2015/10/Add.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/10a01r.pdf> (дата обращения: 10.03.2021)
4. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/convention_text_with_annexes_russian_for_posting.pdf (дата обращения: 15.03.2021)

5. Сидорова Т.Ю. Реализация идеи дифференцированной ответственности от Киотского протокола до Парижского соглашения // Сибирский юридический вестник. 2018. №1. С. 138-142.
6. Соколова Н.А. Эволюция международно-правового сотрудничества в борьбе с изменением климата // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 257-265.
7. Цверианашвили И.А. Стокгольмская конференция 1972 г. и её роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 1. С. 89–94.
8. Шаповалова Е.М. Киотский протокол: международно-правовые аспекты // Международное публичное и частное право. 2005. № 3. С. 57-62.
9. Bodansky, D. The History of the Global Climate Change Regime / D. Bodansky // International Relations and Global Climate Change / Ed. by U. Luterbacher and D. Sprinz. London: MIT Press. 2001. Pp. 11-31.
10. Held David, Angus Hervey (2011) Democracy, climate change and global governance: Democratic agency and the policy menu ahead. The governance of climate change. P.89-110.

STAGES OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF CLIMATE PRESERVATION

The subject of the article is a chronological analysis of the development of the institutions of international law that regulate the issue of climate preservation. Active international legal cooperation in this area can be seen as a sign of growing attention of the international community to the problem of climate change, its integration into other areas of politics and law. This article provides a periodization of the stages of the process of formation of the main institutions of environmental law in the field of climate preservation from 1972 to the present, considers the most important milestones within the proposed stages, systematizes this information, gives comparative assessments of legal documents, taking into account their effectiveness at all stages as they are adopted. The study revealed the continuity of the process of adapting the adopted agreements to changing perceptions about set goals, quantitative assessments of the fulfillment of their obligations by states, the effectiveness of institutions for the implementation of agreements both at the international and regional or national levels. The author concludes that the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), the Kyoto Protocol and the Paris Agreement have played a key role in stimulating and guiding international legal efforts to preserve the climate.

Keywords: United Nations Framework Convention on Climate Change, Kyoto Protocol, Paris Agreement.

References

1. Virt, D.A. (2017) Parizhskoe soglasenie: novyj komponent klimaticheskogo rezhima OON [The Paris Agreement as a New Component of the UN Climate Regime] // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organizations Research Journal]. T. 12. № 4. S 185 – 214.
2. Garafova, D.I. (2018) Sohranenie klimata Zemli: mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie i osobennosti implementacii v nacional'nom zakonodatel'stve otdel'nyh gosudarstv [Preservation of the Earth's climate: international legal regulation and features of implementation in the national legislation of individual states]. Dissertaciya. Kazan'. S.290
3. Doklad Konferencii Storon o rabote ee dvadcat' pervoj sessii, sostoyavshejsya v Parizhe s 30 noyabrya po 13 dekabrya 2015 goda, Reshenie 1/CP.21 «Prinyatie Parizhskogo soglaseniya». 29 yanvarya 2016. FCCC/CP/2015/10/Add.1. [Report of the Conference of the Parties on its twenty-first session, held in Paris from 30 November to 13 December 2015, Decision 1 / CP.21 “Adoption of the Paris Agreement”. 29 January 2016. FCCC / CP / 2015/10/Add.1.]. Retrieved 10 March 2021 from <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/10a01r.pdf>
4. Ramochnaya konventsiiya Organizatsii Obyedinennykh Natsiy ob izmenenii klimata

(Nyu-York. 9 maya 1992 g.) [United Nations Framework Convention on Climate Change (New York, May 9, 1992)] // Retrieved 15 March 2021 from https://unfccc.int/sites/default/files/convention_text_with_annexes_russian_for_posting.pdf

5. Sidorova, T.Yu. (2018) Realizatsiya idei differentsirovannoy otvetstvennosti ot Kiotskogo protokola do Parizhskogo soglasheniya [Implementation of the idea of differentiated responsibility from the Kyoto Protocol to the Paris Agreement] // *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [Siberian Legal Bulletin]. №1. S. 138-142.

6. Sokolova, N.A. (2014) Evolyutsiya mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v borbe s izmeneniyem klimata [Evolution of international legal cooperation in the fight against climate change] // *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law]. № 9. S. 257-265.

7. Tsverianashvili, I.A. (2016) Stokgolmskaya konferentsiya 1972 g. i eye rol v stanovlenii mezhdunarodnogo ekologicheskogo sotrudnichestva [Stockholm conference in 1972 and its role in the formation of international environmental cooperation] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. № 1. S. 89–94.

8. Shapovalova, E.M. (2001) Kiotskiy protokol: mezhdunarodno-pravovyye aspekty [Kyoto Protocol: international legal aspects] // *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye parvo* [International public and private law]. 2005. № 3. S. 57-62.

9. Bodansky, D. The History of the Global Climate Change Regime / D. Bodansky // *International Relations and Global Climate Change* / Ed. by U. Luterbacher and D. Sprinz. London: MIT Press. Pp. 11-31

10. Held David, Angus Hervey Democracy, climate change and global governance: Democratic agency and the policy menu ahead. The governance of climate change. 2011. P.89-110.

Об авторе

Путилина Мария Игоревна – помощник юриста, юридическая фирма «ВК ПАРТ-НЕРС», E-mail: 3put@mail.ru

Putilina Maria Igorevna – Paralegal, VK Partners Law Firm, E-mail: 3put@mail.ru

УДК 902.21/902.67

Русланов Е.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории языка и литературы Уфимского Федерального исследовательского центра РАН (Россия)
Романов А.А., младший научный сотрудник института истории языка и литературы Уфимского Федерального исследовательского центра РАН (Россия)

МНОГОСЛОЙНОЕ СЕЛИЩЕ ТАГАНАЕВО 5 В ПРЕДУРАЛЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В ноябре 2019 г. совместным отрядом Башкульта наследия и Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН проведена разведка по поиску новых памятников эпохи средневековья в Кушнаренковском районе Республики Башкортостан, в результате чего выявлено селище Таганаево 5. Материал, полученный в ходе шурфовки, представлен фрагментами гончарных и лепных сосудов, костями животных, глиняной обмазкой, коваными гвоздями, фрагментом железного ножа и нуклеусом. Памятник многослойный, верхние напластования культурного слоя относятся к этнографическому времени и датируются XIX веком, средние содержат керамику V-VII вв. бахмутинской и кушнаренковской культур, на нижних горизонтах выявлена керамика срубной культуры эпохи позднего бронзового века и энеолита (агидельская культура). Поиск и раскопки новых памятников в лесостепной зоне Предуралья, определение их хронологии, стратиграфии, культурной принадлежности, это базис для создания археологической карты расселения носителей агидельской культуры, срубного, кушнаренковского и бахмутинского типа посуды, а также распространению поселений (исторических сел, деревень или аулов) в Новое время.

Ключевые слова: агидельская культура, энеолит, эпоха бронзы, раннее средневековье, кушнаренковская культура, Новое время, селище, археологический микрорайон.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-117-129

Одним из перспективных направлений в изучении средневековой археологии Южного Урала является поиск и раскопки поселений чияликской культуры, носители которой сыграли заметную роль в формировании современной этнической карты региона. Благодаря многолетним и планомерным работам в среднем течении р. Белой и по берегам ее притоков, рекам Чермасан и Кармасан, выявлено значительное количество таких памятников.

Г.Н. Гарустович, относил их к группе объектов центральных районов Башкортостана насчитывающих более 35 поселений и могильников [6]. Одним из них является Таганаевский могильник, погребения в котором совершены по раннему суннитскому обряду и датируются XIII-XIV вв. [17].

В связи с этим обстоятельством, актуальной целью разведочных работ являлся поиск средневековых селищ,

связанных с населением, оставившим некрополь, однако проведенные работы не привели к их обнаружению. Тем не менее, было открыто интересное многослойное селище, материалы которого отражают историю освоения данной местности с эпохи энеолита до Нового времени, своевременному вводу в научный оборот результатов междисциплинарных исследований посвящена предлагаемая публикация.

Разведочным отрядом в районе д. Таганаево Кушнаренковского района Республики Башкортостан обследована территория вблизи от могильника, на данный момент здесь известно о 5 памятниках археологии (рис. 1). К эпохе позднего средневековья относится уже упоминавшийся Таганаевский могильник, расположенный в 1 км юго-западнее деревни, на мысу левого берега р. Белой [1, с. 69, №405; 22, с. 150; 23].

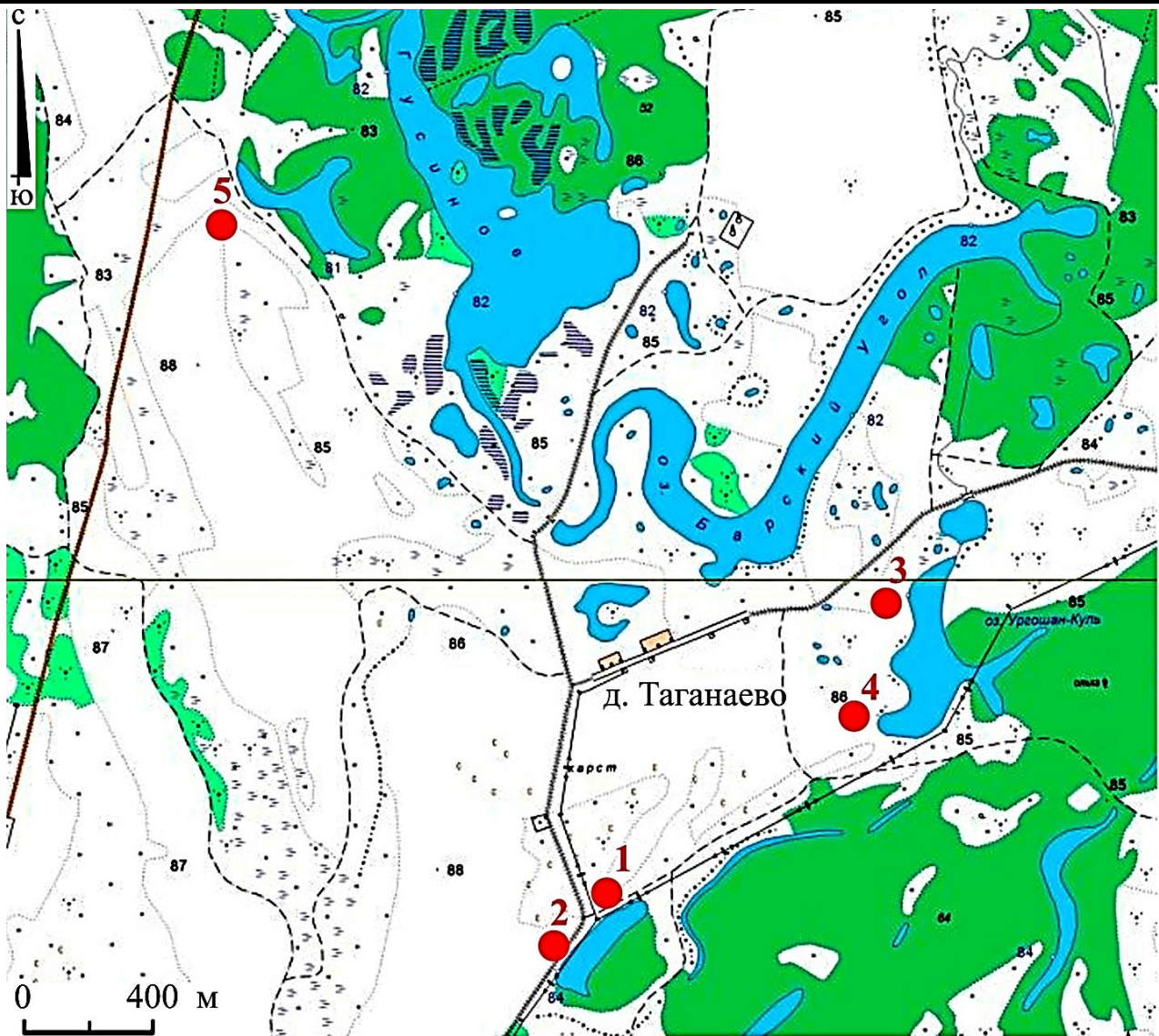

Рис. 1. Таганаевский археологический микрорайон.

1 – Таганаевская стоянка; 2 – Таганаевский могильник; 3 – Таганаево – 3, селище; 4 – Таганаево – 4, селище; 5 – Таганаево – 5, селище.

Со срубной археологической культурой связаны материалы 3 памятников: Таганаевская стоянка, расположенная в 1 км юго-западнее деревни, на мысу левого берега р. Белой, около оз. Ахман. Площадка стоянки изрыта ямами поздних хозяйственных построек. Здесь собрано несколько обломков глиняных сосудов срубного типа [1, с. 69, №404; 22, с. 149-150; 23], и селища Таганаево 3 и 4 выявленные летом 2017 г. коллективом ООО «АрхеоГеоЭксперт» по открытому листу, выданному на имя Стародубцева М.В.

Таганаево 3 расположено на западном берегу старичного оз. Ургошан-Куль в 350 м к востоку от д. Таганаево, в 7 км

к юго-западу от современного русла р. Белая [10].

Таганаево 4 находится на останце высокой пойменной террасы левого берега р. Белая на западном берегу старичного оз. Ургошан-Куль, в 350 м к юго-востоку от д. Таганаево, в 7 км к юго-западу от современного русла р. Белая и в 200 м к югу от селища Таганаево 3 [11].

Пятый объект, селище Таганаево 5, которому посвящена данная публикация, разнокультурный и многослойный памятник, в напластованиях которого представлены материалы от эпохи энеолита – до этнографического времени. Селище расположено на западном берегу

подтреугольного мыса старичного оз. Барское в 2 км к северо-западу от центра д. Таганаево в 8,5 км к юго-западу от современного русла р. Белая.

Памятник занимает северную оконечность мыса, вытянутого с юга на север, размер мыса 880x280 м, высота над уровнем воды в оз. Барское составляет 2-

2,5 м, высота мыса 84 м по МБс. Вся территория селища хорошо задернована, покрыта луговой растительностью, прибрежная зона покрыта кустами и деревьями (ива). По площадке проходят полевые дороги, ведущие к озеру. Сохранность памятника удовлетворительная (рис. 2).

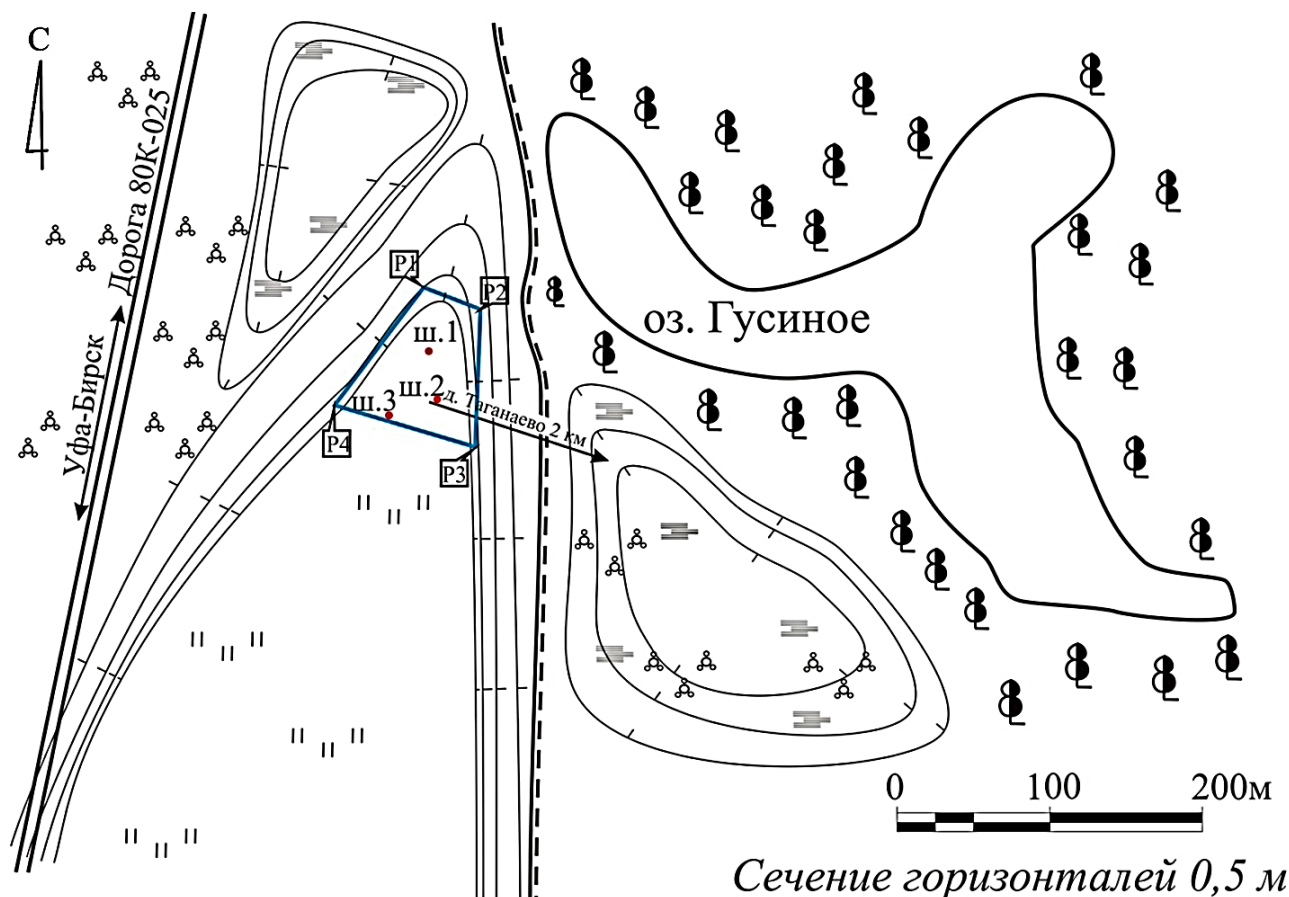

Рис. 2. Селище Таганаево 5. Топографический план.

Археологический материал представлен фрагментами гончарных и лепных сосудов, костями животных, глиняной обмазкой, коваными гвоздями, фрагментом железного ножа и нуклеусом из приуральского светлого кремня.

Весь керамический материал можно четко разделить на 4 группы.

1 группа – представлена гончарной посудой хорошего обжига, черепок плотный, цвет керамики серый, светло-серый, коричневый. В тесте примесь песка.

Венчики сосудов слегка отогнуты наружу (рис. 3, 1-7), верхняя часть в некоторых случаях срезана (рис. 3, 1, 2),

вытянута и утончена (рис. 3, 1), большая же часть округлой формы (рис. 3, 3-6). Днища прямые, в единичном случае дно имеет закраину. На обнаруженных фрагментах зафиксирован орнамент в виде прочерченных (рис. 3, 6) или волнистых линий (рис. 3, 7). В основном посуда не орнаментирована. По имеющимся аналогиям, данная группа керамики надежно датируется XIX вв. [2, с. 45–56; 3, с. 33–37; 5, с. 61, рис. 5, 4-9; 20, с. 141 – 154, рис. 5, 6; 21, с. 846, 848, рис. 1, 6, 7, рис. 2, 2]. Данная группа посуды залегала преимущественно в дерновом слое и слое серого среднекомковатого гумуса

маркирующего собой пахотный слой, мощность его достигает 30 см.

2 группа – это керамика бахмутинской культуры эпохи раннего средневековья орнаментированная ямочными вдавлениями (рис. 3, 17, 18, 21, 22) и защипами по краю (рис. 3, 15) и венчик синхронной ей кушнаренковской культуры (рис. 3, 14). Керамика светло-серого и серого цвета. Тесто с примесью песка и шамота. Аналогичная посуда встречена на Городище Уфа-2 [18, с. 338-340]. Данная керамика также выявлена в слое среднекомковатого гумуса и в подстилающем его темно-сером плотном гумусе, практически на контакте с ним. Мощность этого слоя, содержащего материалы эпохи раннего средневековья невелика, и составляет, по-видимому, прослойку в 5 – 10 см.

3 группа в нее включены фрагменты керамики срубной археологической культуры и срубно-алакульского типа. Цвет посуды варьирует от серого и светло-серого до коричневого, примесь в тесте различна, встречается песок, шмот, раковина, а также тальк.

В коллекции присутствуют венчики как от сосудов горшечной формы (рис. 3, 8), так и от открытых и закрытых банок (рис. 3, 10). Дно сосудов прямое, иногда имеет закраину. Орнамент представлен подтреугольными вдавлениями, прочерчиванием, мелкогребенчатым штампом (рис. 3, 11, 12).

Особо стоит выделить керамику срубно-алакульского типа, к ней относятся фрагменты с примесью талька в тесте, с орнаментом, нанесенным мелкогребенчатым штампом (рис. 3, 13), с ребром по середине тулова (рис. 3, 11). Группа 3 датируется эпохой поздней бронзы, в абсолютных значениях это период датируется 1900–1450 (2600–1400) гг. до н.э. [9, с. 136-167]. Фрагменты керамики эпохи бронзы отмечены исключительно в слое темно-серого плотного

гумуса мощностью до 40 см.

К **4 группе** относится несколько фрагментов керамики агидельской археологической культуры эпохи энеолита. Это венчик, орнаментированный ямочным орнаментом и мелкогребенчатым штампом (рис. 3, 9), и фрагмент днища с закраиной. В керамике примесь шамота и раковины, цвет светло-коричневый, аналогии можно найти в материалах поселений Давлеканово, Сауз III, Какрыбаш и т.д. [8, с. 236, 260, 261, 263]. Комплексы с керамикой агидельской культуры в Предуралье датируются, опираясь на схему развития энеолитических культур гребенчатого геометризма Урала и Казахстана, второй четвертью III тыс. до н.э. - рубежом III-II тыс. до н.э. [4, с. 20-28; 8, с. 231]. Данный тип посуды отмечен на предматериковом слое на самом контакте с материковым основанием.

Индивидуальные находки представлены изделиями из железа (гвозди и фрагмент ножа) (рис. 3, 20, 23, 24), находки относятся к 1 хронологической группе материалов.

Глиняное грузило (рис. 3, 25) довольно часто встречается на памятниках бахмутинской культуры [7, с. 148, табл. IX, 5; 19, с. 155, рис. 40, 1].

Кремневый нуклеус (рис. 3, 19) встречен в одном слое с керамикой агидельской культуры [8, табл. 114, 3, табл. 120, 20].

Таким образом, селище Таганаево-5 представляет собой многослойный памятник с мощностью культурного слоя 0,8-0,9 м.

Для фиксации культурного пятна, границ памятника, а также установления мощности культурного слоя было заложено 3 разведочных шурфа размером 1х1 м. В шурфе 3 материал отсутствовал. Для понимания стратиграфии селища, приведем краткое описание шурфов 1 и 2.

Рис. 3. Селище Таганаево 5. Керамический материал и индивидуальные находки.

1, 2, 4, 23 – шурф 2/горизонт 1; 3, 6, 7, 24 – шурф 1/горизонт 1; 5, 20 – шурф 1/горизонт 2; 8, 9, 11, 13, 19 – шурф 2/горизонт 3; 10, 12 – шурф 1/горизонт 3; 14 – 18, 21, 22, 25 – шурф 2/горизонт 2.

1 – 18, 21, 22 – керамика (глина); 19 – нуклеус (кремнь); 20 – фрагмент рукояти ножа (железо); 23, 24 – гвозди (железо); 25 – фрагмент рыболовного грузила (глина).

1 – 7, 20, 23, 24 – этнографический комплекс селища (XIX вв.); 8, 10, 12 – срубная археологическая культура; 9, 19 – агидельская археологическая культура; 11, 13 – срубно – алакульский тип керамики; 14, 16 – кушнаренковская археологическая культура; 15, 17, 18, 21, 22, 25 – бахмутинская археологическая культура.

Шурф 1

Стратиграфия следующая (рис. 4, 1):

1. дерн – 2-3 см.
2. серый среднекомковатый гумус (пахотный слой), переход к нижележащему слою не четкий – 3-30 см.
3. темно-серый плотный гумус, переход к матерiku четкий – 30-60 см.
4. материк – коричневый плотный суглинок (глубже 60 см).

Глубина 90 см.

Археологический материал встречен на всех условных горизонтах, толщиной 15 – 20 см. Мощность культурного слоя составляет 60-70 см. Разведочный шурф 2 находится в 30 м к югу от шурфа 1 ближе к восточному краю мыса.

Шурф 2

Стратиграфия следующая (рис. 4, 2):

1. дерн – 2-4 см.
2. серый среднекомковатый гумус (пахотный слой), переход к нижележащему слою не четкий – 3-30 см.
3. темно-серый плотный гумус, переход к матерiku четкий – 30-63 см.
4. материк – коричневый плотный

суглинок (глубже 60 см).

Глубина шурфа 90 см.

Археологический материал встречен на всех условных горизонтах. Мощность культурного слоя составляет 60-75 см.

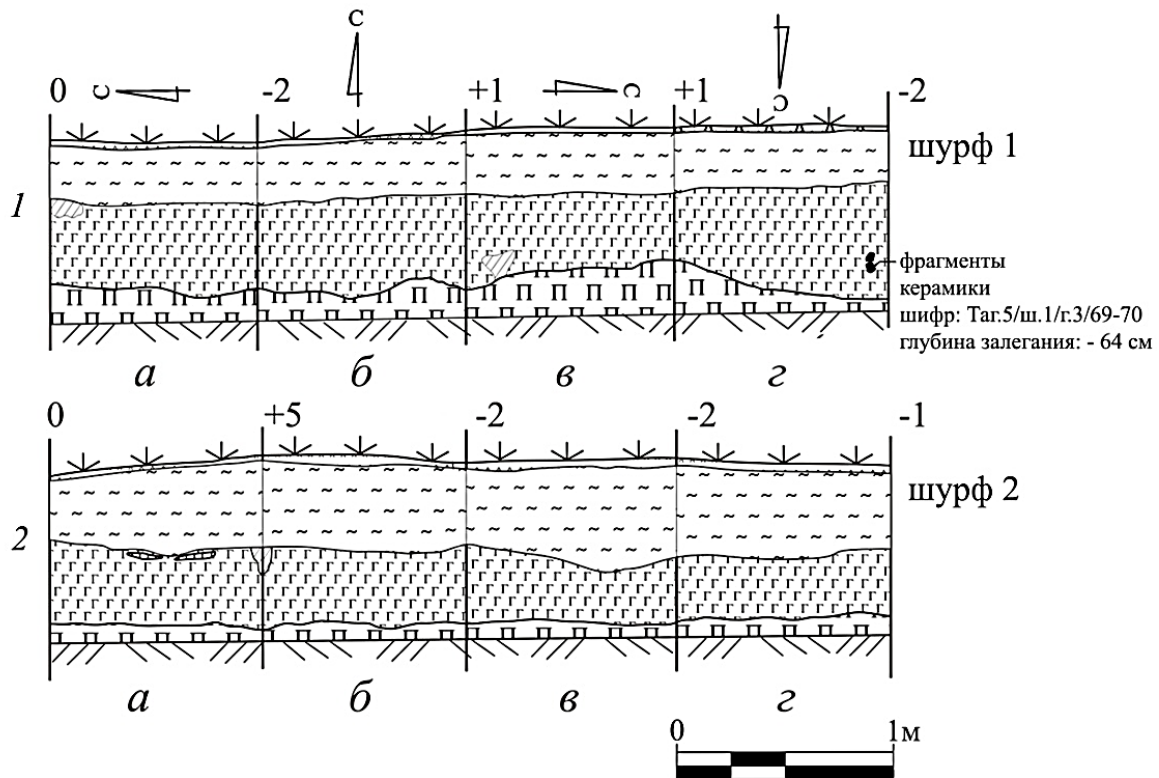

Рис. 4. Селище Таганаево 5. Стратиграфия шурфов 1 и 2.

Таким образом, в ходе разведочной шурфовки установлено, что северная, восточная и западная границы памятника ограничены естественным рельефом мыса, южная граница маркируется не имеющим культурных остатков разведочным шурфом 3. Шурфами 1 и 2 выявлены не связанные между собой культурно и хронологически, небольшие пятна культурного слоя, содержащие находки от эпохи энеолита до этнографического времени.

Размер площадки памятника подтреугольной формы 90x104 м, общая площадь селища 4680 кв. м.

Кроме керамического материала получена коллекция костей животных, анализ которой проведен одним из авторов.

Материалы происходят с шурфа 1 и 2. Всего было исследовано 85 образцов. Из них до вида или рода определен 21 фрагмент костей млекопитающих. Так же выявлены пять костей птиц. Таким образом, до вида или рода удалось определить около 30% полученной на памятнике остеологической коллекции. Остальной материал представлен сильно фрагментированными остатками, несущими следы разубов и дробления. Видовое определение производилось при помощи эталонной коллекции, хранящейся в ИИЯЛ УФИЦ РАН. Кости мелкого рогатого скота, до конкретного вида (коза или овца), ввиду сильной фрагментированности материала, не определялись. Фрагменты костей, не определимые дальше

класса были записаны как млекопитающие, и были распределены по принадлежности к мелкой (овца, коза, свинья) или крупной (лошадь, крупный рогатый скот) размерной группе.

Остеологический материал сильно раздроблен, несет на себе следы разрубов и порезов и представляет собой, по всей видимости, кухонные останки. Видовой состав представлен 4 видами домашних животных (табл. 1).

Незначительное количество определимых фрагментов не позволяет провести анализ однородности видового состава и обилия видов по глубине залегания. Наибольшее количество определимых костей принадлежит мелкому рогатому скоту (8 фрагментов). Кости свиньи, крупного рогатого скота и птиц встречаются только

на нижних пластах шурфов. Наибольшее количество неопределимых до вида фрагментов костей млекопитающих принадлежит животным крупной размерной группы. Очень незначительное количество определимого материала в коллекции не позволяет делать каких-либо, даже предварительных выводов о роли животных хозяйстве и мясном рационе населения памятника, а также динамике состава стада в разные эпохи его существования. Однако можно отметить, что остеологический материал, полученный в средней части напластований (горизонт 3) более всего схож с материалами других памятников эпохи средневековья, расположенных в лесостепи Южного Предуралья [12, с. 591-605; 13, с. 295-297].

Таблица 1

Распределение видового состава животных и количества костей по шурфам и горизонтам.

Виды	Шурф 1	Шурф 2	Всего
Горизонт 1			
Лошадь	1		1
Мелкий рогатый скот		2	2
Млекопитающие крупные	3	4	7
Млекопитающие мелкие	5	1	6
Горизонт 2			
Мелкий рогатый скот		1	1
Млекопитающие крупные		2	2
Млекопитающие мелкие		3	3
Горизонт 3			
Лошадь	3		3
Крупный рогатый скот	1	4	5
Мелкий рогатый скот	1	3	4
Свинья		3	3
Птица	1	1	1
Млекопитающие крупные	15	6	21
Млекопитающие мелкие	4	5	9
Горизонт 4			
Лошадь	1		1
Мелкий рогатый скот	1		1
Птица	3		3
Млекопитающие крупные	3		3
Млекопитающие мелкие	8		8
Всего	50	35	85

Опыт работы с археологическими микрорайонами позволяет выделить на основе известных памятников - Таганаевский археологический микрорайон (далее – Таганаевский АМР).

Ведя речь об археологических микрорайонах (АМР), необходимо обратить внимание, на то, что АМР – это ограниченная по площади территория с определенными природными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии и культурной принадлежности, (как синхронными, так и диахронными), многообразие и особенности которых непосредственно связаны с условиями конкретной экологической ниши [14, с. 96-101; 15, с. 134-139; 18, с. 338-340].

Анализируя территориальное расположение памятников различных эпох на территории Южного позволяет создать типологию археологических микрорайонов, включающую в себя пять типов:

Тип 1. Речной. Характеризуется наибольшим распространением, включает три подтипа 1) Р. долинного типа, 2) Р. старичного типа 3) Р. меандрового типа.

Подтип речной долинный. Памятники расположены в удобных долинах рек, по берегу. Как правило, у таких АМР не выделяется четких территориальных границ.

Подтип речной старичный. Памятники этого подтипа обычно расположены, по берегам стариц и имеют видимые границы, обусловленные протяженностью старичных водоемов.

Подтип речной меандровый. Памятники, входящие в этот подтип АМР находятся в излучинах рек или на участках меандрирования. Они, как правило, привязаны к участкам между двумя смежными точками перегиба по осевой линии реки.

Тип 2. Озерный. Тип, широко представленный на территории Южного Зауралья, с развитой сетью озер, протянувшихся вдоль по восточному склону

Уральского горной страны. Памятники занимают озерную береговую зону, располагаясь на удобных террасах и гривах.

Тип 3. Горно-долинный. Выделение этого типа обусловлено расположением археологических памятников на участках горных долин, вдоль небольших водотоков.

Тип 4. Водораздельные микрорайоны. Памятники, расположенные на вершинах водоразделов, в местах, где находятся истоки рек.

Тип 5. Производственный. Один из признаков в типологии археологических микрорайонов связан с нахождением на площадках памятников большого количества следов металлургического производства, что в свою очередь обусловлено близким расположением от поселений микрорайонов выходов медных или железных руд.

Как правило, микрорайоны относятся к определенному типу, но, зачастую, могут иметь и черты, свойственные различным типам. Например, признаки производственных АМР (связанные с добычей и обработкой руды) могут быть общими для всех типов археологических микрорайонов.

Таганаевский АМР расположен в среднем течении р. Белой в 30 км к северу от г. Уфы. В состав АМР входят 5 памятников, расположенные вдоль озер Барский Угол, Ургошанкуль, Гусиное, Большой Охман входящих в крупную систему стариц занимающих часть широкой поймы р. Белой. Памятники расположены как на берегах озер, так и на возвышенных участках-останцах расположенных на некотором удалении от стариц. Протяженность микрорайона 4-5 км, общая площадь около 8 кв. км. Исходя из предложенной типологии, выделяемый микрорайон относится к Типу 1. Речной. Подтип речной старичный.

Таким образом, материалы исследованных памятников говорят о том, что полученные данные отражают процесс

освоения левобережья р. Белой и многочисленных старичных озер в период от V тыс. до н.э. вплоть до XIX в. н.э. Дальнейшие разведочные работы, несомненно, приведут к открытию большого количества разновременных памятников. По всей видимости, для этой территории Предуралья, с экологической нишей для которой характерно большое количество

старичных озер и заливных лугов, Таганавский АМР является модельной территорией с прогнозируемым расположением археологических объектов.

Материалы памятника поступили на постоянное хранение в фонды ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа).

Список литературы

1. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 264 с.
2. Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Камалеев Э.В., Колонских А. Г., Тузбеков А.И. Археология Нового времени и проблемы изучения городского культурного слоя Уфы (материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН 2012–2013 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 45–56.
3. Ахатов А.Т., Камалеев Э.В. Культурный слой г. Уфы XIX века (по данным археологических исследований) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 33–37.
4. Ахметова Е.А., Савельев Н.С., Тух А.В. Материалы нео-энеолитической стоянки Карагай-Мурун-1 на р. Сакмара в предгорьях Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 20-28.
5. Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Археологические исследования в зонах новостроек на территории южной части Уфимского полуострова (материалы 2007 – 2008 гг.) // Историко – культурное наследие народов Урало – Поволжья. 2019. №2(7). С. 55 – 63.
6. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 181-198.
7. Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа-II // Археология и этнография Башкирии / под ред. Р.Г. Кузеева и К.В. Сальникова. Том I. Уфа, Изд-во: БФАН СССР. 1962. С. 140-150.
8. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. 326 с.
9. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136-167.
10. Приказ Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан №38 от 12.02.2019 г. Об утверждении границ территории выявленного объекта культурного (археологического) наследия «Таганаво-3, селище». URL: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/214214/>.
11. Приказ Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан №43 от 12.02.2019 г. Об утверждении границ территории выявленного объекта культурного (археологического) наследия «Таганаво-4, селище». URL: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/214226/>.
12. Романов А.А. Остеологические материалы городища Уфа-2 (исследования 2013 и 2016 гг.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 591–605. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-591-605.

13. Романов А. А. Естественнонаучные исследования раннесредневековых напластований городища Уфа-2 [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 284—310. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/17_36_2020.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.36.17.
14. Русланов Е.В. Методика изучения археологических микрорайонов // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции / Отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. С. 96-101.
15. Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Башкирского Приуралья и Зауралья. История выделения, проблемы и перспективы изучения // Вестник СамГУ. 2015. №4 (126). С. 134-139.
16. Русланов Е.В. Береговой археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2019. 21 с.
17. Русланов Е.В. Несколько раннемусульманских погребений из грунтовых могильников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. 2020. Вып. 20. С. 134–140. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.010>.
18. Русланов Е.В., Русланова Р.Р. Исследование раннесредневекового городища Уфа II в лесостепном Приуралье // Археологические открытия. 2015 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 338 – 340.
19. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года / отв. ред. И.О. Гавритухин. Уфа: ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» : АльфаРеклама, 2016. 266 с.
20. Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М. Исследование стоянки Первомайский – 1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. 2020. С. 141 – 154.
21. Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 843–865. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-843-865.
22. Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 131-161.
23. Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1959 г. третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1875. 176 л., 131 ил.

MULTILAYERED SETTLEMENT TAGANAEVO 5 IN CISURALS (PRELIMINARY RESULTS OF THE INTERDISCIPLINARY RESEARCH)

In November 2019 the joint group of researchers from the Department of State Protection of Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan and the Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science has conducted archaeological exploration with the aim to find new monuments of the Middle Ages in the Kushnarenkovsky district of the Republic of Bashkortostan. As a result of this exploration Taganaevo 5 settlement was discovered. Collection of materials found in the course of the test pits drilling consist of animal bones, fragments of pottery and handbuilt ceramics, clay coating, hand forged nails, a fragment of the iron knife and a lithic core. Taganaevo 5 presents itself a multilayer site. The upper strata of its' cultural layer refer to the ethnographic time dating back to the 19th century, middle strata contain ceramics of Bahmutino and Kushnarenkovo cultures (V-VII) and at the lower

strata have ceramics of the Srubnaya archaeological culture related to the era of the late Bronze Age and the Eneolithic (Agidel culture). Explorations works which are aimed at finding new archaeological sites in the forest-steppe zone of the Cis-Urals as well as the cultural and chronological attribution of these sites contribute greatly to the accumulation of a source base for an archaeological map showing resettlement of the representatives of the Agidel ceramics culture and representatives of the Srubnaya, Kushnarenkovo and Bahmutino ceramics types. As well as the location and spread of the settlements (historical sites, villages and auls) during the Modern Age.

Keywords: Agidel culture, Aeneolithic age, Bronze age, Early Middle Age, Kushnarenkovo culture, Modern Age, archaeological settlement, archaeological microdistrict

References

1. Arheologicheskaya karta Bashkirii (1976). [Archaeological map of Bashkiria] / Ed. O.N. Bader. M.: Nauka.
2. Ahatov A.T., Bahshiev I.I., Kamaleev E.V., Kolonskih A. G., Tuzbekov A.I. (2015). Arheologiya Novogo vremeni i problemy izucheniya gorodskogo kul'turnogo sloya Ufy (materialy issledovaniy IEI UNC RAN 2012–2013 godov) [Modern age archeology and the study of Ufa Historical layer (materials of the research IES USC RAS in 2012–2013)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 6,45-56.
3. Ahatov A.T., Kamaleev E.V. (2015). Kul'turnyj sloj g. Ufy XIX veka (po dannym arheologicheskikh issledovaniy) [Occupation layer of Ufa city of the XIX century (according to archeological investigations)] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Theoretical and practical questions], 3(53), 1, 33–37.
4. Ahmetova E.A., Savel'ev N.S., Tuh A.V. (2012). Materialy neo-eneoliticheskoy stoyanki Karagaj-Murun-1 na r. Sakmara v predgor'yah Yuzhnogo Zaural'ya [Materials of the Neo-Eneolithic site Keregay-Murun-1 on the Sakmara river in the foothills of the Southern TransUrals] // Ufimskij arheologicheskij vestnik [The Ufa archaeological herald], 12, 20-28.
5. Bahshiev I.I., Kolonskih A.G. (2019). Arheologicheskie issledovaniya v zonah novostroek na territorii yuzhnoj chasti Ufinskogo poluostrova (materialy 2007 – 2008 gg.) [Archaeological researches in areas of new buildings on the territory of the Ufa peninsula's southern part (materials of 2007–2008)] // Istoriko – kul'turnoe nasledie narodov Uralo – Povolzh'ya [Historical and cultural heritage of the peoples of the Urals-Volga region], 2(7), 55-63.
6. Garustovich G.N. (2015). Chiyalikskaya arheologicheskaya kul'tura epohi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [The Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in Southern Urals] // Ufimskij arheologicheskij vestnik [The Ufa archaeological herald], 15, 181-198.
7. Ishcherikov P.F., Mazhitov N.A. (1962). Gorodishche Ufa-II [Ufa-II hillfort] // Arheologiya i etnografiya Bashkirii [Archaeology and ethnography of Bashkiria], 1, 140-150.
8. Matyushin G.N. (1982). Eneolit Yuzhnogo Urala [Eneolithic of the Southern Urals]. M.: Nauka.
9. Molodin V.I., Epimahov A.V., Marchenko Zh.V. (2014) Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epohi bronzy Urala i yuga Zapadnoj Sibiri: Principy i podhody, dostizheniya i problem [Radiocarbon chronology of the Southern Urals and the South of the Western Siberia Cultures (2000–2013-years investigations): principles and approaches achievements and problems] // Vestnik NGU. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history and philosophy], 13, 3, 136-167.
10. Prikaz Upravleniya po gosudarstvennoj ohrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan №38 ot 12.02.2019 g. Ob utverzhdenii granic territorii

vyavlenno ob"ekta kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya «Taganaevo-3, selishche» [The Order of the Department of the State protection of cultural heritage objects of the Republic of Bashkortostan №38 from 12.02.2019. Setting the boundaries of the territory occupied by the discovered cultural (archaeological) heritage monument «Taganaevo-3 settlement»]. URL: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/214214/>.

11. Prikaz Upravleniya po gosudarstvennoj ohrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan №43 ot 12.02.2019 g. Ob utverzhdenii granic territorii vyavlenno ob"ekta kul'turnogo (arheologicheskogo) naslediya «Taganaevo-4, selishche» [The Order of the Department of the State protection of cultural heritage objects of the Republic of Bashkortostan №43 from 12.02.2019. Setting the boundaries of the territory occupied by the discovered cultural (archaeological) heritage monument «Taganaevo-4 settlement»]. URL: <https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/214226/>.

12. Romanov A.A. (2020) Osteologicheskie materialy gorodishcha Ufa-2 (issledovaniya 2013 i 2016 gg.) [Osteological Materials from Ufa-2 Hillfort: Investigations of 2013 and 2016] // *Oriental Studies*, 13,3,591-605

13. Romanov A.A. (2020) Estestvennonauchnye issledovaniya rannesrednevekovykh naplastovaniy gorodishcha Ufa-2 [Natural science studies of early medieval strata of the Ufa-2 settlement] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 4 (36),284-310.

14. Ruslanov E.V. (2014) Metodika izucheniya arheologicheskikh mikrorajonov [Method of archaeological microdistricts studing] // *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare. Sbornik materialov itogovoj konferencii* [Bolgar International Archeological Field School. The collection of materials of the final school conference]. Kazan', Bolgar: Institut arheologii im. A.H. Halikova [Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan], 96-101.

15. Ruslanov E.V. (2015) Arheologicheskie mikrorajony Bashkirskogo Priural'ya i Zaural'ya. Istoriya vydeleniya, problemy i perspektivy izucheniya [Archaeological microregions of the Bashkir CisUrals and TransUrals. History of selection, problems and prospection of study] // *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 4(126),134-139.

16. Ruslanov E.V. (2019) Beregovskij arheologicheskij mikrorajon v sisteme drevnostej Yuzhnogo Urala: Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Voronezh. 21 s.

17. Ruslanov E.V. (2020) Neskol'ko rannemusul'manskih pogrebenij iz gruntovykh mogil'nikov lesostepnogo Predural'ya [A few Early Islamic graves in subsoil burial ground located in forest-steppe Cis-Urals] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* [The Ufa archaeological herald], 20,134–140.

18. Ruslanov E.V., Ruslanova R.R. (2017) Issledovanie rannesrednevekovogo gorodishcha Ufa II v lesostepnom Priural'e [Research of the early medieval settlement Ufa-II in the forest-steppe Urals]// *Arheologicheskie otkrytiya. 2015 god* [Archaeological discoveries. 2015], 338-340.

19. Ruslanov E.V., Shamsutdinov M.R., Romanov A.A. (2016) Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa-II. Materialy arheologicheskikh raskopok 2015 goda [Ufa-II Hillfort: Early Medieval Ancientries of the Ufa Peninsula. A Case Study of Archaeological Materials Excavated in 2015]. Ufa: GBU Respublikanskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Drevnyaya Ufa» : Al'faReklama.

20. Savel'ev N.S., Nikolaev S.Yu., Rumyantsev M.M. (2020) Issledovanie stoyanki Pervomajskij – 1 (epoha kamnya, rannie kochevniki, Novoe vremya) v Yuzhnom Zaural'e [The Pervomaysky-1 site research (the stone age, early nomads, Modern Age) in the South

TransUrals]// Ufimskij arheologicheskij vestnik [The Ufa archaeological herald], 20,141-154.

21. Savel'ev N.S., Savel'eva A.G., Nikolaev S.Yu. (2020) Kompleks nahodok Novogo vremeni so stoyanki Pervomajskij-1 (Yuzhnoe Zaural'e): k voprosu o tipologii, hronologii i etnokul'turnoj prinadlezhnosti pamyatnika [Artifacts of the Modern Era from Pervomaisky-1 Site (Southern Trans-Urals): Typology, Chronology and Ethnocultural Affiliation of the Archaeological Monument]// Oriental Studies. 13,4,843-865.

22. Shokurov A.P. (1970) Materialy k arheologicheskoy karte nizhnego techeniya r. Beloj i srednego techeniya r. Ik [Materials for the archaeological map of the lower reaches of the Belaya river and middle reaches of the Ik river] // Drevnosti Bashkirii [Antiquities of Bashkiria], 131-161.

23. Shokurov A.P. (1959) Otchet ob arheologicheskoy rabote letom 1959 g. tret'ego razvedyvatel'nogo otryada Bashkirskoj arheologicheskoy ekspedicii IIMK AN SSSR [The report on the archaeological field work in summer 1959 conducted by the 3rd reconnaissance group of the Bashkir archaeological expedition of the Institute of the Material Culture History USSR Academy of Sciences] // Arhiv Instituta arheologii RAN. F-1. R-1. № 1875. 176 l., 131il.

Об авторах

Русланов Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия), E-mail: butleger@mail.ru

Романов Алексей Александрович – младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Россия), E-mail: romanov-aleksey-88@ya.ru

Ruslanov Evgeniy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher The Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science (Russia), E-mail: butleger@mail.ru

Romanov Aleksey Aleksandrovich – Junior researcher The Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science (Russia), E-mail: romanov-aleksey-88@ya.ru

УДК 821.111(73)+821.161.1

Шаравин А.В., доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ В. АКСЕНОВА И С. ДОВЛАТОВА¹

В статье сопоставляются мемуары диссидентов и проза В. Аксенова и С. Довлатова (книги «В поисках грустного бэби», «Ремесло», «Чемодан»). Отмечается разница в подходах к созданию текстов. В мемуарах диссидентов воспроизводятся политические и идеологические аспекты эмиграции, подробно описаны этапы отъезда. В прозе писателей третьей волны осмысливается образ художника слова, изгнанника, насильственно разлученного с родиной. В. Аксенов и С. Довлатов следуют сложившейся в литературе традиции – изображения противостояния власть/поэт. Писатели не стремятся как эмигранты, не являющиеся профессиональными литераторами, воплотить документальное описание всех нюансов выезда на Запад, их цель выйти за пределы осмысления лишь социально-политических аспектов отъезда за границу. Писатели решают эстетические задачи, политические реалии для них лишь отражение антуража внешних обстоятельств. Так, В. Аксенов устанавливает преемственные связи между творцами «серебряного века» и художниками слова третьей волны. Для автобиографического героя С. Довлатова изгнание из СССР и «перемещение» в США – возможность осознать себя человеком, освободившимся от идеологической составляющей, осмыслить «частность» своего существования.

Ключевые слова: эмиграция, документально-мемуарный жанр, проза, художественная концепция, третья волна, этапы отъезда за рубеж.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-130-138

Эмиграция как явление социально-политической жизни СССР нашло свое отражение в многочисленных источниках документального характера, авторство которых принадлежит диссидентам, а также в публицистических статьях, опубликованных в советских журналах и газетах. Писатели, уехавшие из страны победившего социализма, внесли более выраженный художественный, эстетический аспект в осмыслении данного явления. Сопоставительный характер обозначенных источников дает возможность осознать идеологический, ритуально-мифологический ракурсы такого явления как эмиграция и выявить его структуру и содержательные моменты.

В статье применены методы: контент-анализ, основанный на изучении разных источников об одном и том же, сравнительно-типологический, а также принцип историзма, рассматривающий объект исследования в конкретно-исторических условиях.

В воспоминаниях эмигрантов отъезд за рубеж приобрел ряд устойчивых, повторяющихся отрезков. Отметим наиболее важные, определяющие: накопившиеся разногласия с советской властью, зарождение идеи эмиграции, становление заграничных контактов, атрибуты-артефакты, демонстрирующие принадлежность к западному миру (западная одежда), благородные причины отъезда в трактовке эмигрантов/опорочивание целей отъезда властями, их представителями и советскими обывателями, вывоз вещей, прохождение таможи, ритуальное прощание/разрыв с СССР. В художественно-публицистической практике отмеченной логики проявления этапов может и не быть, так, например, часто разногласия с советской властью дублируют благородные причины отъезда за рубеж, в виде формулировок отказа от тоталитарной системы и выбора свободы.

Наиболее типичной причиной эмиграции в воспоминаниях диссидентов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90029

обозначается пробуждение национального самосознания у инакомыслящих евреев (солидарность с мировым еврейством, достоинство, воссоединение со своим народом и подлинной родиной), стремление к подлинной духовной культуре, свободе, в том числе и свободе творчества, возможность более продуктивно вести борьбу с советской тоталитарной системой. Советская печать не доверяла высоким декларациям эмигрантов, обвиняя их в «низменных» желаниях разбогатеть, подороже продать родину. Эмигрант Александр Воронель передает свой разговор с представителем КГБ, который в доверительной манере интересуется истинными причинами отъезда: «...Представитель КГБ, как бы невзначай (я думаю, это было частью общего социологического опроса – уж очень странным для режима было все наше движение), спросил меня: «Ну, скажите теперь откровенно, что вас побудило к отъезду?» Они, конечно, не принимали всерьез все, что мы писали в своих статьях и письмах, и хотели услышать простой и ясный для них мотив: «между нами, взрослыми людьми» [4]. Типичными для советской прессы были пассажи с пейоративной лексикой: антипатриотизм, клевета, жажда обогащения, ненависть к достижениям социализма, коммунистической идеологии («Конечно, не от веры в бред о «богоизбранном» народе возгорелась она желанием посетить библейскую резиденцию царя Давида. Есть свои «убеждения» и у Зельдович, и ее супруга. «Человек ищет, где лучше» – вот их кредо. Не о совести, не о достоинстве, не о долге речь идет, а лишь о том, где лучше. Сионисты пообещали золотые горы в Израиле, позвали их туда. И уже оказались забытыми Родина, честь советского гражданина, уже подписана клевета. Конечно, они рассчитывали в израильском государстве попасть в разряд богачей...») [9, с. 3].

В прозе С. Довлатова разногласия с советской властью и причины отъезда

разные, так претензия к государству победившего социализма названа типичная для писателя-эмигранта – невозможность печатать свои произведения («У нас были разнообразные претензии к советской власти. Мать страдала от бедности и хамства. Жена – единственная христианка в басурманской семье – ненавидела антисемитизм. Крамольные взгляды дочери были незначительной частью ее полного отрицания мира. Я жаловался, что меня не печатают» [7, т. 2, с. 82]. С. Довлатов во многих своих произведениях стремится осмыслить различные «высокие» причины своей эмиграции (и стремление к свободе, и невозможность существовать с людьми, пропитанными совковой идеологией), однако в итоговой книге «Ремесло» он, избавившись духовных клише эмиграции, определяет причину отъезда в общечеловеческом плане: «Ведь мы поменяли не общественный строй. Не географию и климат. Не экономику, культуру или язык. И тем более – не собственную природу. Люди меняют одни печали на другие, только и всего. Я выбрал здешние печали и, кажется, не ошибся. Теперь у меня есть все, что надо. У меня есть даже американское прошлое» [7, т.2, с. 82]. С. Довлатов вне мифологии эмигрантов: нет патетично-библейского изгнания или исхода, есть просто почти онегинская «охота к перемене мест».

Для В. Аксенова эмиграция в Америку – состоявшийся постфактум. В январе 1981-го, когда писатель находился по приглашению в США, «Вестник Президиума Верховного Совета СССР» напечатал указ о лишении В. Аксенова советского гражданства. Себя и близких по взглядам людей писатель называл «американофилы из СССР» [1, с. 269]. Автор «Ожога», «Острова Крыма» рассуждает, что больше всего его привлекает в Америке, и делает вывод –отсутствие идеологии, возможность воздействовать на мир через экономическую мощь и как след-

ствие равные для всех возможности зарабатывания больших денег, подразумевая, что у него, как у недооцененного в СССР писателя, такая возможность точно есть. В. Аксенов создает миф об изгнании из России, который в какой-то степени уравнивает его в эмигрантских правах с первой волной (достаточно вспомнить классическую цитату от З. Гиппиус до Н. Берберовой: «Мы не в изгнании, мы в послании»): «Большевики изгнали меня с моей родины, отрезали путь к дорогим могилам, однако души витают вне их власти и встают перед изгнанниками в воспарениях американской земли» [1, с. 473].

Особое место в воспоминаниях эмигрантов занимают рассказы о зарубежной помощи, денежной или вещами. При этом они постоянно подчеркивали «неловкость оттого, что они не смогут вернуть полученное, и оттого, что их сочли нуждающимися» [8, с. 271]. Помощь из-за рубежа трактовалась как победа диссидентов над советским государством: властная машина не смогла подавить свободолюбивые настроения, лишив эмигрантов куска хлеба («Вдруг те, кто наверху, обнаружили ужаснувшее их явление: евреи, уволенные с работы, доведенные, казалось, до самого ничтожного и жалкого состояния, в результате помощи из-за рубежа вполне могут обойтись и без них. Они могут быть независимы!» [10, с. 122].

В прозе С. Довлатова и В. Аксенова подобная ситуация не стала предметом изображения. В сборнике «Чемодан» С. Довлатова есть немногочисленные эпизоды, связанные с отправлением вещей из-за границы, однако смысловой акцент по сравнению с изложенным в воспоминаниях эмигрантов кардинально меняется. В повести «Куртка Фернана Леже» автобиографическому герою привозят из Парижа старую вельветовую куртку: «Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестяли. Пуговиц не хватало. У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски»

[7, т. 2, с. 304]. Одежда французского художника, мечтавшего «рисовать на стенах зданий и вагонов», для героя сродни шинели гоголевского Башмачкина [7, т. 2, с. 305]. Куртка Фернана Леже не может быть идентифицирована как зарубежная вещная помощь, это скорее духовный атрибут принадлежности к миру искусства. Во втором эпизоде женские голоса, требующие прислать из Нью-Йорка косметику или синтетическую шубу под норку, слышатся фоново, за кадром, и брат, звонящий автобиографическому герою, их не озвучивает («Брат иногда звонит мне рано утром. То есть по ленинградскому времени – глубокой ночью. Голос у него в таких случаях бывает подозрительно хриплый. Кроме того, доносятся женские восклицания: – Спроси насчет косметики!.. Или: – Объясни ему, дураку, что лучше всего идут синтетические шубы под норку... Вместо этого братец мой спрашивает:– Ну как дела в Америке? Говорят, там водка продается круглосуточно?» [7, т. 2, с. 305-306]. И, наоборот, как несоответствие закону жанра воспоминаний эмигранта, самым ценным оказывается посылка с нелепыми вещами, которую герой получает из Ленинграда: «Четвертый год я живу в Нью-Йорке. Четвертый год шлю посылки в Ленинград. И вдруг приходит бандероль – оттуда. Я вскрыл ее на почте. В ней лежала голубая трикотажная фуфайка с эмблемой олимпийских игр. И еще – тяжелый металлический штопор усовершенствованной конструкции. Я задумался – что было у меня в жизни самого дорогого? И понял: четыре куса рафинада, японские сигареты "Хи лайт", голубая фуфайка да еще вот этот штопор...» [7, т. 2, с. 231]. Довлатовский взгляд из-за рубежа инверсионен: происходит исчезновение утилитарной значимости вещей и наполнение их духовным смыслом. Также писатели не воплотили в произведениях западные вещи-артефакты, символизирующие зарубежную реальность. В частности, для евреев такой

вещью-артефактом была магендавид, желтого или синего цвета, опознавательный знак фронды в форме шестиконечной звезды (гексаграммы), эмблема иудаизма. Американец Марвин Верман подчеркивал артефактную, символическую функцию магендавида: «Таратуты просили туристов привозить магендавиды, карты Израиля, календари и современную израильскую музыку. Они считали, что эти предметы станут “семенами”, из которых вырастет еврейское самосознание...» [12]. В повести «Креповые финские носки» («Чемодан») С. Довлатова упоминаются «дельбаны с крестом» (швейцарские часы с анаграммой от имени основателя – DellaBalda и гербом Швейцарии (крестом)). Однако юноша, который спрашивает о них, не покупает товар, он только «хочет чувствовать себя бизнесменом, которому нужна партия фирменного товара» [7, т. 2, с. 252].

Вещный мир В. Аксенова имеет шкалу ценностного значения, и американское происхождение вещей (джинсы, свитера, пиджаки, сигареты и т. д.) повышает их значимость. Герои писателя в этом похожи на героев мемуаров эмигрантов, которые в одежде из-за рубежа начинают ощущать себя как за границей («Сидя в углу, я смотрел, как передвигаются по... комнате загадочные молодые красавцы. Разделенные на пробор блестящие волосы, белозубые сдержанные улыбки, сигареты “Кэмел” и “Пэл-Мэл”, словечки “дарлинг”, “беби”, “лете дринк”. Парни были в пиджаках с огромными плечами, в узких черных брюках и башмаках на толстой подошве... Это был ...один из кружков московских американофилов. Любовь их к Штатам простиралась настолько далеко, что они попросту отвергали все неамериканское, будь то даже французское. Позором считалось...появиться в рубашке с пуговицами, пришитыми не поамерикански, не на четыре дырочки, а на три или две. “Эге, старичок, — сказали бы друзья-штатники, — что-то не клево у тебя получается, не по-штатски“»; «Так

возникал в воображении нашего поколения странный, немислимо идеализированный, искалеченный, но и удивительно истинный, если говорить о каком-то нервном, астральном ее контуре, образ Америки» /«Вот одену сохнутувские джинсы, заварю себе израильский кофе из бандерольки, поставлю пластинку, закрою глаза – и я дома!» [1, с. 146-147, 153; 10, с. 94]. Из вещей-артефактов, символизирующих американское у В. Аксенова упоминаются галстуки, оформленные под штатовский флаг («...говорилось о парнях, разгуливающих по Невскому в галстуках со звездами и полосами».[1, с.153]. Герой С. Довлатова получает возможность приобрести фирменные американские вещи только в США («Вскоре получил какие-то гонорары из русских журналов. Приобрел голубые сандалии, фланелевые джинсы и четыре льняные рубашки» [7, т. 2, с. 266].

Один из главных вопросов в воспоминаниях эмигрантов – вопрос о созревании решения разрыва с СССР. В мемуарах диссидентов эмиграция обставляется как тщательно взвешенный и продуманный поступок, сформировавшийся в виде реакции на происходящее в СССР: «— Когда у тебя впервые возникло желание уезжать? – Это не возникло сразу, а формировалось в течение нескольких лет. Я помню, в 64-м году я получил свой первый магендавид от капитана израильской баскетбольной команды Коена Минца, когда я и мои товарищи были в Лужниках» [11].

В отличие от воспоминаний эмигрантов В. Аксенов и С. Довлатов презентуют решение об отъезде как случайное, подсказанное другими, а чаще всего вынужденное. Так у В. Аксенова «активизирует» вопрос о его отъезде В. Высоцкий («С этим театром «Шайо» связано у меня одно из воспоминаний о Высоцком. Осенью 77-го года здесь играла Таганка, и мне случилось быть на одном из лучших, как утверждали знатоки, Володиных

представлений «Гамлета». После спектакля толпа россиян стояла еще довольно долго на площади Трокадеро, решали, куда поедет. Высоцкий явно еще не пришел в себя после спектакля, как-то суматошно отбивался от предложений. Увидев меня, он спросил: – Ты что, в самом деле? У них в театре стукачи пустили слух, что я решил остаться на Западе. – Врут, – сказал я. – Понятно, – он кивнул и заглянул мне в глаза с каким-то странным выражением: – Понятно, понятно» [2, с. 112–113]). Да и лишение его советского гражданства представлено писателем в книге «В поисках грустного бэби» как неожиданное изгнание из страны.

С. Довлатов в сборнике «Чемодан» несколько иронично фиксирует, что израильский вызов становится модным, наподобие дублировки и кандидатской степени. Изначально герой воспринимает эмиграцию отстраненно как что-то имеющее к нему косвенное отношение («Прошло лет шесть, началась эмиграция. Евреи заговорили об исторической родине. Раньше полноценному человеку нужны были дублировка и кандидатская степень. Теперь к этому добавился израильский вызов. О нем мечтал любой интеллигент. Даже если не собирался эмигрировать. Так, на всякий случай. Сначала уезжали полноценные евреи. За ними устремились граждане сомнительного происхождения. Еще через год начали выпускать русских... И вот моя жена решила эмигрировать» [7, т. 2, с. 339]). С отъездом жены эмиграция превращается для героя в личную проблему («С тех пор вся моя жизнь изменилась. Мной овладело беспокойство. Я думал только об эмиграции. Пил и думал» [7, т. 2, с. 255]).

И все же автобиографический герой испытывает сомнения в целесообразности выезда из СССР. Он даже пытается объяснить нежелание уезжать подсознательным стремлением к страданию, идущему от христианства, Иова, идей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и вообще

анонсированному как характерная черта русской интеллигенции («А я решил остаться. Трудно сказать, почему я решил остаться. Видимо, еще не достиг какой-то роковой черты. Все еще хотел исчерпать какие-то неопределенные шансы. А может, бессознательно стремился к репрессиям. Такое случается. Грош цена российскому интеллигенту, не побывавшему в тюрьме...» [7, т. 2, с. 339]). Ситуация уезжать/не уезжать разрешается по-довлатовски парадоксально: добрый совет и мотивацию герою дает полковник из органов: «Полковник ОВИРа сказал мне вежливо и дружелюбно: – Вам надо ехать. Жена уехала, и вам давно пора... Из чувства противоречия я возразил: – Мы, – говорю, – не зарегистрированы. – Это формальность, – широко улыбнулся полковник, – а мы не формалисты. Вы же их любите? – Кого – их? – Жену и дочку... Ну, конечно, любите... Так моя любовь к жене и дочке стала фактом. И засвидетельствовал его – полковник МВД...» [7, т. 2, с. 255]). Вежливость и дружелюбие полковника ОВИРа – проявление политики советского государства в 70-ые годы, когда эмиграция инакомыслящих за границу проходила беспрепятственно со стороны «внутренних органов» как мера «оздоровления» социалистического общества (завершившаяся в 80-ые, когда снова увеличилось число «отказников», которым по тем или иным причинам запретили выезд). Однако для С. Довлатова, кроме политических реалий важен юмористический пафос ситуации: сотрудник милиции обнаруживает, опознает и предъявляет «пропавшую» любовь герою. Герой-рассказчик же разуверился в чувствах к жене, и одна из причин эмиграции для него – разорвать официальные отношения с ней («В Америку я приехал с мечтой о разводе. Единственной причиной развода была крайняя степень невозмутимости моей жены. Ее спокойствие не имело границ» [7, т. 2, с. 246]). Смеховая потенциал

эпизода строится на несоответствии: полковник из органов знает и понимает героя лучше его самого. Реалии общественной жизни для писателей – лишь развитие художественных возможностей текста.

Ключевой эпизод в воспоминаниях эмигрантов – прохождение таможни и ритуальное прощание/разрыв с СССР. Так общим местом в воспоминаниях инакомыслящих, отъезжающих за рубеж, стала констатация конфискации золотых вещей: «Даниному отцу уже было 80 лет. Был такой высокий старик. Ветеран войны вообще-то, всю войну в пехоте. И на Александре Георгиевне цепочка золотая была, и таможенник сказал снять. И Леонид Петрович – он так ее, рвет. И бросает в таможенника. Таможенник... и Даня ему [таможеннику] говорит: «Попробуй ему хоть что-нибудь сказать». И Леонид Петрович, разгулявшись, декламирует: «Прощай, немытая Россия», с начала и до конца. И с какой кровью Леонид Петрович оставлял эту немытую Россию, в которой он все поимел, что можно было плохого поиметь. Прodeкламировал красиво... Александра Георгиевна была в полуобморочном состоянии» [8, с. 287]. Отметим, что эпизод приобретает символический характер: порванная золотая цепочка для отъезжающих как разрыв с состоянием раба, именно так идентифицируют свое положение в СССР авторы воспоминаний. Г. С. Зеленина в статье «“Из-за куска импортной колбасы, поношенных вещей и жевательной резинки”: материальный мир в полемике о еврейской эмиграции» подчеркивает типичность подобной ситуации при прохождении таможни эмигрантами: «Так, инциденты на таможне из-за обыкновенных женских золотых украшений описаны и в других воспоминаниях. Герман Андреев (Фейн) рассказывает, как таможенник заметил на руке его жены золотые часы и велел их сдать, оформив акт о конфискации, для чего требовалось подождать его смен-

щика, но он долго не шел, и супруги убежали на посадку» [8, с. 288]. Символизм этой сцены также подчеркнут: меняется советское время на западное. Отметим, что приведенные выше строки из стихотворения «Прощай, немытая Россия» становятся обязательной «литературной программой» для покидающих СССР («...на родине моей мало что изменилось со времен Лермонтова, сказавшего: “Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ”»; искусствовед Игорь Голомшток использует данную лермонтовскую строку как эпиграф к главе «Отъезд. Скачки с препятствиями» [3, с. 194; 6, с. 199]). Также в воспоминаниях эмигрантов упоминается малое количество вывозимых на запад вещей, мемуаристы создавали имидж интеллигента-бессребреника. Наоборот, тех, кто вывозил из СССР тюками драгоценности, меха, ковры и т. д. сами инакомыслящие называли «советскими жлобами». В «Чемодане» С. Довлатова автобиографический герой также констатирует собственное бескорыстие: «Через неделю я уже складывал вещи. И, как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана. Я чуть не зарыдал от жалости к себе. Ведь мне тридцать шесть лет. Восемнадцать из них я работаю. Что-то зарабатываю, покупаю. Владею, как мне представлялось, некоторой собственностью. И в результате – один чемодан. При чем довольно скромного размера. Выходит, я нищий? Как же это получилось?!» [7, т. 2, с. 265]. Пафосное прощание с СССР также не становится предметом изображения у писателей-эмигрантов третьей волны. Так, В. Аксенов, узнав в Америке о лишении его советского гражданства, посылает советскую систему к черту, не желая больше участвовать в политических играх: «В разгаре шумной и спонтанной, вполне в русском стиле, вечеринки из Нью-Йорка позвонил Крэг Уитни ... в тот момент заведующий иностранным отделом “Нью-Йорк тайме”.

Он хотел узнать, как я себя чувствую после лишения советского гражданства, есть ли у меня эмоции в адрес советской власти. “Пошли бы они все к черту!” – заорал я» [1, с. 189]. Герой-рассказчик С. Довлатова, узнав о норме вывоза вещей (три чемодана), иронизирует, спрашивая у чиновницы ОВИРа, что ему делать с коллекцией гоночных автомобилей.

В мемуарах диссидентов подробно воспроизведены все этапы отъезда из СССР, особый акцент делается на их столкновении с тоталитарной советской системой, создается «высокий» образ инакомыслящего, ищущего за границей свободы и правды. В прозе писателей-

эмигрантов третьей волны подробное, документальное освоение всех аспектов выезда на Запад не является самоцелью, главное – осмыслить образ художника слова, насильственно разлученного с родиной, изгнанника, продолжающего традицию противостояния власть/поэт. Писатели решают сверхзадачи, так для В. Аксенова важно провести параллель: изгнание творцов «серебряного века»/изгнание художников слова третьей волны, для С. Довлатова изгнание из СССР и «перемещение» в США – возможность избавиться от идеологического составляющего в человеке.

Список литературы

1. Аксенов В. В поисках грустного бэби: Две книги об Америке. М.: Независимая газета, 1992. 482 с
2. Аксенов В. Десятилетие клеветы: Радиодневник писателя. М.: Изографус, Эксмо, 2004. 418 с.
3. Андреев Г. Воспоминания и размышления русского эмигранта. М., 2008.
4. Воронель А. Университет (продолжение) [Электронный ресурс] // Заметки по еврейской истории. 2014. № 1. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Voronel1.php> (дата обращения 14.05.2021).
5. В отказе / Ред.сост. В. Лазарис. Иерусалим, 1986.
6. Голомшток И. Занятие для старого городского: Мемуары пессимиста. М., 2015.
7. Довлатов С.Д. Собрание прозы в четырех томах. Т. 2. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
8. Зеленина Г.С. «Из-за куска импортной колбасы, поношенных вещей и жевательной резинки»: материальный мир в полемике о еврейской эмиграции // Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2019, с. 264-301.
9. Миранович Г. Падение: Как И. Зельдович попала в сети сионистов // Во славу Родины. № 298 (15501). 1971. 23 декабря. с. 3.
10. Рубин В.А. Дневники, письма: В 2 кн. Кн. 2. [Б/м (Израиль),] 1989.
11. Польский Виктор [Интервью Ю. Кошаровского, 21.09.2004] [Электронный ресурс] // Юлий Кошаровский. URL: <http://kosharovsky.com/виктор-польский> (дата обращения 14.05.2021).
12. Interview with Marvin Verman / [Interviewers A. and I. Taratuta. 4.06.2004] [Электронный ресурс] // Исход советских евреев. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/English/Interview_s/InterviewVerman_EnText.shtml (дата обращения 14.05.2021).

POLITICAL REALITIES OF THE COMMON REALITY AND THEIR REFLECTION IN THE PROSE OF V. AKSENOV AND S. DOVLATOV

The article compares the memoirs of dissidents and the prose of V. Aksenov and S. Dovlatov (books "In Search of a Sad Baby", "Craft", "Suitcase"). There is a difference in approaches to the creation of texts. In the memoirs of dissidents, the political and ideological aspects of emigration are reproduced, the stages of departure are described in detail. In the prose of the writers of the third wave, the image of the artist of the word, an exile, forcibly separated from his homeland, is comprehended. V. Aksenov and S. Dovlatov follow the tradition that has developed in literature - images of the power / poet opposition. Writers, like immigrants who are not professional writers, do not strive to document all the nuances of going to the West, their goal is to go beyond comprehending only the socio-political aspects of going abroad. Writers solve aesthetic problems, political realities for them are only a reflection of the entourage of external circumstances. Thus, V. Aksenov establishes successive ties between the creators of the "Silver Age" and the artists of the third wave of words. For the autobiographical hero S. Dovlatov, expulsion from the USSR and "relocation" to the United States is an opportunity to realize himself as a person freed from the ideological component, to comprehend the "particularity" of his existence.

Keywords: emigration, documentary-memoir genre, prose, artistic concept, third wave, stages of departure abroad.

References

1. Aksenov V. (1992) V poiskah grustnogo bjebi: Dve knigi ob Amerike [In Search of the Sad Baby: Two Books about America]. M.: *Nezavisimaja gazeta* [*Independence newspaper*], 482 p.
2. Aksenov V. (2004) Desjatiletie klevery: Radiodnevnik pisatelja [A Decade of Defamation: A Writer's Radio Diary]. M.: Izografus, Jeksmo, 418 p.
3. Andreev G. (2008) Vospominaniya i razmyshleniya russkogo jemigranta [Memories and reflections of a Russian emigrant]. M.
4. Voronel' A. (2014) Universitet (prodolzhenie) [University (continued)] [Elektronnyj resurs] // *Zametki po evrejskoj istorii*. [Notes on Jewish history] № 1. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Voronel1.php> (data obrashheniya 14.05.2021).
5. V otkaze [In refusal] / Red.sost. V. Lazaris. Ierusalim, 1986
6. Golomshtok I. (2015) Zanjatie dlja starogo gorodovogo: Memuary pessimista [Lesson for the Old Policeman: Memoirs of a Pessimist]. M.
7. Dovlatov S.D. (2017) Sobranie prozy v chetyreh tomah [Collection of prose in four volumes]. T. 2. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 416 p.
8. Zelenina G.S. (2019) «Iz-za kuska importnoj kolbasy, ponoshennyh veshhej i zhevatel'noj rezinki»: material'nyj mir v polemike o evrejskoj jemigracii ["Over a piece of imported sausage, used clothes and chewing gum": the material world in the controversy about Jewish emigration] // *Veshh' – simvol – znak v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii* [Thing - symbol - sign in the Slavic and Jewish cultural tradition] / Otv. red. O.V. Belova. M., p. 264-301.
9. Miranovich G. (1971) Padenie: Kak I. Zel'dovich popala v seti sionistov [Fall: How I. Zeldovich fell into the networks of the Zionists] // *Vo slavu Rodiny* [For the glory of the motherland]. № 298 (15501). p. 3.
10. Rubin V.A. (1989) Dnevnik, pis'ma [Diaries, letters]: V 2 kn. Kn. 2. [B/m (Izrail'),].
11. Pol'skij Viktor [Interv'ju Ju. Kosharovskogo, 21.09.2004] [Elektronnyj resurs] // *Julij Kosharovskij*. URL: <http://kosharovsky.com/viktor-pol'skij> (data obrashheniya 14.05.2021).
12. Interview with Marvin Verman / [Interviewers A. and I. Taratuta. 4.06.2004] [Elektronnyj resurs] // *Ishod sovetskih evreev*. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/English/Interview_s/InterviewVerman_EnText.shtml (data obrashheniya 14.05.2021).

Об авторе

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия), E-mail: ekl1ier@mail.ru

Sharavin Andrey Vladimirovich – Doctor of Philology, professor, Bryansk State University Academician I G Petrovsky, E-mail: ekl1ier@mail.ru

УДК 378+339.9 (574)

Шукушева Е.В., аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия)

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

С распадом Советского союза страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) столкнулись с определенными трудностями, вызванными так называемым «дефицитом» квалифицированных кадров и необходимостью модернизации образовательной системы в этих странах, унаследованной от СССР. Поскольку образование являлось доминирующим фактором развития экономики для обретших независимость новых республик. И одним из основных условий интеграции образовательных систем Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в международную зону высшего образования явилось международное сотрудничество с Европейским союзом. В статье представлен опыт сотрудничества Европейского союза и стран Центральной Азии в образовательной сфере, на примере участия центрально-азиатского региона в образовательных программах Европейского союза (Tempus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Jean Monnet). Актуальность темы исследования обусловлена ролью высшего образования в двустороннем сотрудничестве Европейского союза и стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Целью исследования является раскрытие особенностей развития образовательного сотрудничества Европейского союза и Центральной Азии, в контексте реализации образовательных программ ЕС в регионе. Основными выводами исследования явились представленные показатели участия Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в образовательных программах ЕС, которые оказали значительное влияние на реформирование образовательных систем в государствах региона и способствовали дальнейшему развитию партнерских связей между университетами ЕС и странами Центральной Азии.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Азия, сотрудничество, высшее образование, Болонский процесс, Tempus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Jean Monnet.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-139-149

В 1991 г. после распада СССР в центре Евразийского региона возникло пять молодых республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В этот период стала формироваться внешняя политика стран центральноазиатского региона, была определена их геополитическая конфигурация. Европейский союз стал одним из ключевых партнеров государств Центральной Азии. Основным документом, заложившим основу сотрудничества по политическим, экономическим, культурным вопросам между ЕС и Центральной Азией являлось Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. В 1996 г. Европейским союзом были подписаны Со-

глашения о партнерстве и сотрудничестве с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном (вступили в силу в 1999 г.), в 1998 г. было парафировано соглашение с Туркменистаном, в 2004 г. – с Таджикистаном. Эти документы отражали взаимную заинтересованность сторон в дальнейшем укреплении двусторонних контактов [4, с. 155].

В 2015 г. Казахстан подписал новое Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве [12], определившее новую веху в развитии отношений с Европейским союзом, вступившее в законную силу 1 марта 2020 г.

В 2019 г. состоялось парафирование Соглашения о расширенном парт-

нерстве и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Европейским союзом, остальные государства – Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан на сегодняшний день продолжают вести работу по заключению расширенного Соглашения с Европейским союзом.

Актуальным направлением сотрудничества ЕС и государств Центральной Азии является образовательное взаимодействие. Сфера образования отмечена ЕС как одно из основных направлений сотрудничества с государствами региона в рамках принятых Стратегий Европейского союза для Центральной Азии – Стратегии нового партнерства между ЕС и Центральной Азией (2007–2013 гг.), Новой Стратегии ЕС в Центральной Азии: новые возможности для сильного партнерства (2019 г.).

Нужно отметить, что Европейский союз еще с 1990-х г. уделял особое внимание высшему образованию в странах Центральной Азии. В период после распада Советского союза и вплоть до 2013 г. для стран региона действовала европейская программа Tempus (Trans-European Mobility Programme for University Studies, Программа трансевропейской мобильности в области университетского образования), которая содействовала модернизации систем высшего образования в государствах региона.

Программа Tempus являлась составной частью программы TACIS (Technical Aid to Commonwealth of Independent States, Техническая помощь СНГ), инициированной Европейским

Сообществом и ориентированной на оказание помощи в проведении реформ в экономике, построении демократического общества в независимых странах, установлении сотрудничества в сфере высшего образования [1, с. 380].

Программа продвигала реформы в соответствии с Болонским процессом, с целью создания общего пространства высшего образования в Европе со сравнимыми системами оценки квалификации (короткий цикл, бакалавриат, магистратура, докторантура) с тем, чтобы они отвечали требованиям меняющегося рынка труда. Программа Tempus была нацелена на построение зоны сотрудничества в области высшего образования с участием стран-членов ЕС и неевропейских стран-партнеров. Так, в период 1994–1999 гг. бюджет программы для пяти стран Центральной Азии составил 17,7 млн. евро, в период 2000–2007 гг. – 31,2 млн. евро, а в период 2008–2013 гг. – 50 млн. евро [7, с. 15]. В рамках реализации программы Tempus были созданы несколько систем двойных дипломов европейских и центральноазиатских вузов. Она также позволила заложить основу новой системы оценок [8, с. 6].

Казахстан и Узбекистан присоединились к программе в 1994 г., Кыргызстан – в 1995 г., Туркменистан – в 1997 г. и Таджикистан – в 2004 г. [11, с. 60]. Результатами участия государств Центральной Азии в европейской программе Tempus являлась реализация – 220 проектов за весь период существования программы (рис. 1).

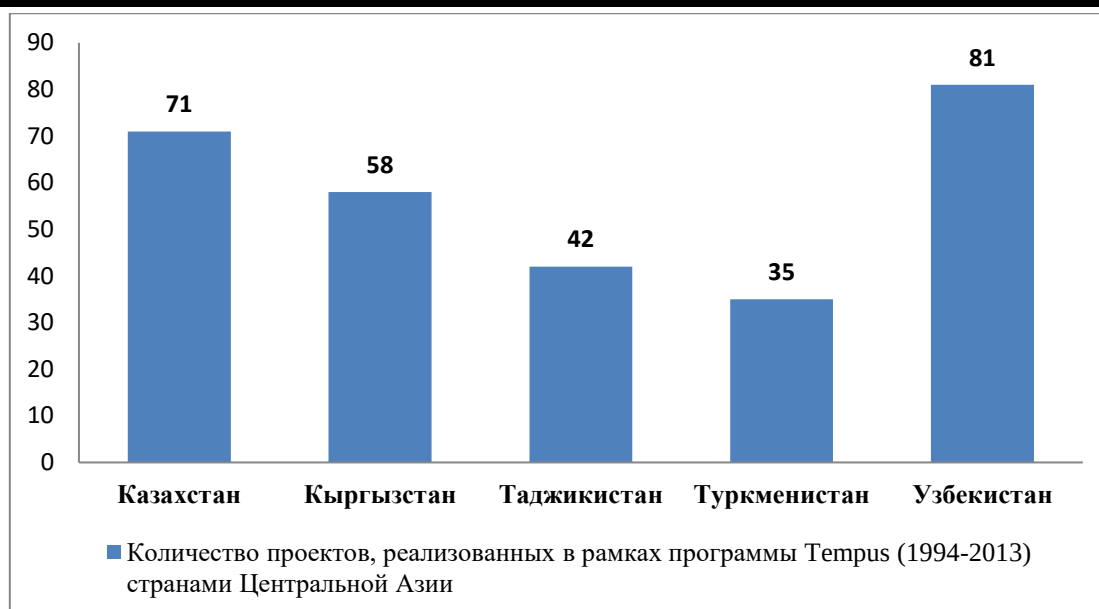

Рис. 1. Участие Центральной Азии в программе Tempus (1994–2013)

Согласно приведенным данным, наиболее активным участником в проектах программы Tempus выступил Узбекистан (81 проект), наименьшее количество выполненных проектов пришлось на Туркменистан (35 проектов).

Таким образом, программа Tempus оказала значительное влияние на модернизацию высшего образования и его содержание в странах Центральной Азии. Так, благодаря проектам по разработке учебных программ было введено много новых специальностей, разработаны новые учебные материалы и внедрены современные технологии для более эффективного преподавания; были налажены более тесные связи между вузами и сферой труда; модернизированы структуры управления в вузах. Страны региона стали более интегрированными в Европейское пространство высшего образования. Программа Tempus оказала также влияние на развитие сотрудничества между пятью странами Центральной Азии через ряд региональных проектов Tempus. Более того, Tempus способствовал налаживанию отношений государств региона

с другими странами постсоветского пространства в рамках межрегиональных проектов. Например, с 2008 г. страны региона приняли участие в 14 проектах с Российской Федерацией [6, с. 3-4].

В 2007 г. в Центральной Азии стартовала другая европейская программа Erasmus Mundus (Erasmus Mundus, Программа по обмену студентами, научными и педагогическими кадрами). Erasmus Mundus – программа сотрудничества и мобильности в области высшего образования, направленная на повышение качества европейского высшего образования и содействие диалогу и взаимопониманию между людьми и культурами посредством сотрудничества с третьими странами. Общий бюджет Программы Erasmus Mundus на период 2009–2013 гг. составил около 1 млрд. евро, на государства Центральной Азии ежегодно выделялось около 350 стипендий. Erasmus Mundus (2009–2013 гг.) был реализован посредством следующих мероприятий: Действие 1. Совместные программы магистратуры и докторантуры; Действие 2. Партнерство между европейскими и неевропейскими высшими

учебными заведениями, включая стипендии для мобильности; Действие 3. Популяризация европейского высшего образования посредством повышения привлекательности Европы как мирового лидера в вопросах образования [14].

В 2004–2013 гг. в рамках Действия 1. – 102 студента из стран Центральной Азии стали обладателями стипендий для обучения в магистратуре. В период 2004–2010 гг. 8 магистрантов из региона стали стипендиатами в качестве приглашенных ученых для преподавания или проведения исследований. Кроме того, в 2010–2013 гг. – 3 претендентов из Центральной Азии

стали стипендиатами для обучения в докторантуре.

В 2007–2014 гг. страны Центральной Азии были охвачены сферой Действия 2. европейской программы в ходе каждого из восьми ежегодных конкурсных отборов. В результате за указанный период, было отобрано 25 партнерских проекта, в которых приняли участие 285 представителей из 96 различных вузов стран Центральной Азии. Также, в рамках Действия 2. – 2650 человек из стран Центральной Азии получили возможность пройти обучение по программе мобильности за счет грантовых средств программы Erasmus Mundus в 2007–2013 гг. (табл.1).

Таблица 1.

Участие стран Центральной Азии в обменных программах мобильности программы Erasmus Mundus (2007–2013), чел.

Страна	Бакалавриат	Магистратура	Докторантура	Постдокторантура	Сотрудники	Итого
Казахстан	243	181	119	54	135	732
Кыргызстан	145	116	83	49	112	505
Таджикистан	126	83	65	31	78	383
Туркменистан	49	41	24	16	33	163
Узбекистан	199	224	184	92	168	867
Всего	762	645	475	242	526	2650

Партнерские отношения между Европейским союзом и странами Центральной Азии в рамках программы Erasmus Mundus способствовали профессиональному развитию людских ресурсов и повышению потенциала международного сотрудничества участвующих высших учебных заведений. Они также позволили обмениваться сотрудниками и студентами на всех уровнях, тем самым повышая их личные знания и навыки [16]. Очевидное

преимущество программы Erasmus Mundus, отмечала А. Садецкая «...участие в программе «Эразмус Мундус» в равной степени выгодно как партнерам из стран ЕС, так и из третьих стран, ведь она предполагает двусторонний обмен образовательными программами, навыками и знаниями, а также создает уникальные возможности для межкультурного диалога и установления взаимопонимания,

необходимого для дальнейшего сотрудничества. Программа нацелена на устойчивость результатов. Студенты, преподаватели и административный персонал приобретают ценные навыки, необходимые в современном мире» [10, с. 111].

19 ноября 2013 г. Европейский парламент принял новую программу Европейского союза в области образования, профессиональной подготовки, развития молодежи и спорта, получившая название Erasmus+. Новая программа объединила несколько инициатив предыдущих программ Европейского союза (Erasmus, Leonardo da Vinci, Comenius, Grundtvig, Erasmus Mundus, Tempus, Alfa, Edulink и др.) для лучшего понимания кандидатами существующих возможностей. Программа была рассчитана на семь лет с 2014 по 2020 г., бюджет которой составил 14,7 млн. евро. Программа состояла из трех так называемых «ключевых действий» – международная кредитная мобильность (МКМ) и магистерские степени Erasmus Mundus; повышение потенциала высшего образования (ППВО); поддержка политики реформ и двух дополнительных действий в области спорта и программой Jean Monnet, предоставляя возможности для высших учебных заведений и граждан стран Центральной Азии.

В рамках участия Ключевого действия 1. бюджет для Центральной Азии составил почти 4% от всего бюджета международной кредитной мобильности и позволил реализовать более 1100 проектов двустороннего партнерства для 7395 студентов, исследователей и сотрудников из Европы и Центральной Азии в 2015–2019 гг.. С 2014 до 2019 г. было зарегистрировано 20 случаев участия учреждений из стран Центральной Азии в 12 совместных магистерских программах Erasmus Mundus. Университет КИМЭП

(Казахстан) выступил в качестве полноправного партнера программы международной магистратуры по изучению Центральной и Восточной Европы, России и Евразии (IMCEERES), остальные 19 были организациями из всех пяти стран Центральной Азии, принимавшими участие в качестве ассоциированных партнеров. За указанный период обладателями стипендии Erasmus Mundus для магистрантов стало 343 студента из стран Центральной Азии (Казахстан – 176 чел., Кыргызстан – 70 чел., Узбекистан – 68 чел., Туркменистан – 7 чел., Таджикистан – 22 чел.).

В 2014–2019 гг. страны Центральной Азии приняли участие в реализации 84 проектов по повышению потенциала высшего образования в рамках Ключевого действия 2.

Из общего числа 1500 успешных заявок, поданных для участия в проекте Жан Моне в период с 2014 до 2019 г., 11 являются центральноазиатскими проектами с партнерскими институтами из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, где внедрены 8 модулей и 3 кафедры [15].

Стратегия нового партнерства между ЕС и Центральной Азией, принятая в 2007 г. обозначила новую позицию и интересы ЕС в регионе на современном этапе, и ознаменовал переход на качественно новый уровень сотрудничества. В рамках данной Стратегии была запущена Европейская Образовательная Инициатива, выделив в качестве основных сфер деятельности высшее и профессиональное образование, подчеркнув связь с Болонским процессом. Были приложены усилия для установления Образовательной Платформы ЕС – Центральная Азия (обновление ряда мероприятий в программах Tempus и Erasmus Mundus) и адаптации внутренних процессов ЕС в сфере развития образования для стран Центральной Азии. Образовательная

Инициатива состояла из трех компонентов: политического диалога «Образовательная платформа ЕС – Центральная Азия», программной составляющей (программ Tempus, Erasmus Mundus, Болонского процесса, Европейского Фонда Обучения и создания сети CAREN), а также действий в области информации и коммуникации, включающей в себя совместные мероприятия Европейского союза и Центральной Азии [9].

«Центрально-Азиатская платформа образования» (ЦАПО) – проект, финансируемый Европейской комиссией. Это ключевой элемент Европейской образовательной инициативы для Центральной Азии (ЕЭИ), который «способствовал адаптации систем образования Центральноазиатских государств к потребностям глобализованного мира», а также к потребностям региона и общества в каждой отдельной стране [3].

Целью создания образовательной платформы ЕС – Центральная Азия стало расширение политического диалога со странами Центральной Азии по вопросам образования. Образовательная платформа также служила для предоставления информации национальным органам власти об имеющихся возможностях получения финансирования, а также для содействия им в разработке и внедрения программ.

Данный диалог включал три уровня взаимодействия:

- проведение встреч Министров Образования в рамках Образовательной Инициативы, где комиссия, совместно со страной–председателем Европейского союза и представителями министерств стран Центральной Азии проводили обсуждение и анализ политических изменений в сфере высшего образования;

- проведение заседаний технических рабочих групп на региональном уровне под председательством стран Центральной Азии;

- осуществление диалога на национальном уровне по вопросам модернизации образования с целью диверсификации образовательных возможностей, предлагаемых странам Центральной Азии. В рамках специальной деятельности Образовательной Инициативы также были созданы сети Центров Европейских Исследований в Центральной Азии на базе имеющихся структур [5].

Проект осуществлялся в период 2012–2019 гг., включающий первую фазу (ЦАПО 1, 2012–2015 гг.) и вторую фазу (ЦАПО 2, 2015–2019 гг.) Проект ЦАПО стал одной из главных опор Европейской образовательной инициативы в Центральной Азии. Основной целью проекта являлось расширение сотрудничества между Европейским союзом и Центральной Азией, а также регионального партнерства между странами Центральной Азии в целях укрепления образовательных реформ в регионе. Как и в Европе, ключевыми направлениями реформ было обеспечение улучшенного и инновационного обучения, разработка квалификационных рамок и обеспечение непрерывного образования наилучшего качества. Платформа ЦАПО использовала для содействия такие меры как организация конференций, семинаров, workshops, проведение исследований по реформам образования, создание базы данных о донорских проектах в странах Центральной Азии.

Страны-члены Европейского союза, в особенности Латвия, Польша и Румыния, активно участвовали в работе данного проекта. Так, первая встреча Министров образования стран Центральной Азии и ЕС успешно состоялась в Риге в июне 2015 г. под председательством Латвии в Совете ЕС. Итогом встречи явилось Совместное коммюнике и принятие ЕС и представителями высокого уровня из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана,

Туркменистана и Узбекистана ориентировочной Дорожной карты мероприятий для второй фазы проекта ЦАПО.

Вторая встреча министров образования стран Европейского союза и Центральной Азии состоялась 23 июня 2017 г. в Астане (Казахстан). Мероприятие имело большой успех по итогам которой министры и делегаты приняли Астанинскую декларацию [2], в качестве основы для будущего взаимного сотрудничества, выделив в качестве приоритетов сотрудничество и диалог в следующих областях: рамки квалификации (НРК), обеспечение качества и аккредитация (ОКА), занятость и потребности рынка труда, инновационные методы обучения, финансирование систем образования, предотвращение посредством образования насильственной радикализации молодежи, а также гендерное равенство [13].

Необходимо подчеркнуть, что Европейский союз внес свою лепту в поддержку профобразования через деятельность Европейского фонда профессионально-технической подготовки, который выступал за непрерывность процесса обучения в Центральной Азии и других регионах, в том числе в Восточной Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке. В Центральной Азии фонд был активен в секторе профессионально-технического образования, его целью являлось сокращение разрыва между возможностями систем образования в регионе и нуждами рынка труда. Фонд также стремился содействовать институтам Европейского союза в разработке и мониторинге технической и бюджетной поддержки и продвижении регионального сотрудничества.

Таким образом, образование является важным аспектом для развития государств Центральной Азии, поскольку на сфере образования лежит ответственность за формирование и воспитание бу-

дущих специалистов, способных реагировать и отвечать на современные вызовы, трансформироваться в соответствии с изменениями, происходящими в обществе и науке. Главная задача высшей школы остается помощь личности в самореализации, в раскрытии и развитии потенциала, принятии и понимании собственной свободы и ответственности за жизненные выборы. В процессе личностного развития происходит формирование готовности и компетентности специалиста, обеспечивающие ему конкурентоспособность, профессиональную мобильность и развитие карьеры. Благодаря заинтересованности всех стран Центральной Азии в продвижении сотрудничества с Европейским союзом, их образовательные системы были приведены в соответствии с достижениями в сфере высшего образования Европы, в том числе с положениями Болонского процесса. Можно констатировать, что благодаря реализации образовательных программ ЕС (Tempus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Jean Monnet) в Центральной Азии сотрудничество регионов в сфере высшего образования активно развивается в многостороннем формате. Сотрудничество демонстрирует широкий спектр возможностей и растущий потенциал взаимовыгодной деятельности в сфере образования. Партнерство характеризуется высоким уровнем и новым характером институционализации, и включает структурированный политический диалог по проблемам образования и профессиональной подготовки. Диалог Европейского союза и Центральной Азии предполагает регулярный обмен опытом и наилучшими практиками, обзорами развития образования и образовательной политики, анализом основных проблем, исследованием и обменом знаний по горизонтальным и секторальным вопросам.

Список литературы

1. Богатырева О.Н. Реализация европейских образовательных программ в контексте политики Казахстана в сфере высшего образования (1995-2018) // Научный диалог. 2020. № 5. С. 376-392.
2. Болонский процесс. Основные документы. 12. Астанинская декларация. Центр Болонского процесса и академической мобильности МОН РК. [Электронный ресурс]. URL: https://enic-kazakhstan.kz/ru/bologna_process/documents (дата обращения: 19.02.2021).
3. В Астане прошло второе совещание министров образования ЕС и Центральной Азии. Информационный портал Zakon.KZ. 24 июня 2017, 11:48. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4865760-v-astane-proshlo-vtoroe-soveshhanie.html> (дата обращения: 19.02.2021).
4. Дадабаева З.А. Новая европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. №3. С. 153-178.
5. Европейский союз и Центральная Азия: новое партнерство в действии. 2009. 73 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/30829/ru-strategyasia_int.pdf (дата обращения: 19.02.2021).
6. Мак Кейб Р., Руфффио Ф., Тибери К. Основные достижения программы ТЕМ-ПУС в странах Центральной Азии 1994-2013. Исполнительное Агентство по образованию, аудиовизуальным средствам и культуре. 2014. 58 с. [Электронный ресурс]. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/acбесbab-0775-4a79-96a4-576f19c53dbc.0001.03/DOC_2 (дата обращения: 16.02.2021).
7. Парамонов В.В., Строков А.В., Абдуганива З.А. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. 117 с.
8. Пейруз С. Новый взгляд на содействие ЕС образовательному сектору в Центральной Азии. Брифинг EUCAM № 37, сентябрь 2019. 11 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://eucentralasia.eu/ru/2019/06/reconsidering-eu-education-assistance-to-central-asia-ru/> (дата обращения: 15.02.2021).
9. Питер Д. Образовательная инициатива ЕС в Центральной Азии. Рабочий доклад. Europe-Central Asia Monitoring. 2010. 16 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://eucentralasia.eu/ru/2010/02/the-eu-central-asia-education-initiative-ru/> (дата обращения: 19.02.2021).
10. Садецкая А. Программа «Эразмус Мундус» как инструмент развития // Балтийский регион. 2011. №3. С. 108-112.
11. Солиев Р.А. Сотрудничество между Республикой Таджикистан и Европейским союзом в образовательной сфере // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. №2 (55). С. 60-67.
12. Сотрудничество с Европейским союзом. Официальный сайт МИД РК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-s-evropejskim-soyuzom> (дата обращения: 15.02.2021).
13. Центрально-Азиатская платформа образования (ЦАПО). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caep-project.org/ru/> (дата обращения: 19.02.2021).
14. Erasmus Mundus Programme. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. [Электронный ресурс]. URL: https://eacea.ec.europa.eu/sites/2007-2013/erasmus-mundus-programme_en (дата обращения: 16.02.2021).

15. EU-Central Asia academic cooperation through Erasmus+: [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus2/files/centralasia-regional-erasmusplus-2019_en.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
16. From Erasmus Mundus to Erasmus+ Central Asia (May 2014). Erasmus Mundus Publications. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. [Электронный ресурс]. URL: https://eacea.ec.europa.eu/node/2863_en (дата обращения: 18.02.2021).

EXPERIENCE OF COOPERATION BETWEEN THE EUROPEAN UNION AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE FIELD OF EDUCATION

With the collapse of the Soviet Union, the Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) faced certain difficulties caused by the so-called "shortage" of qualified personnel and the need to modernize the educational system in these countries, inherited from the USSR. Since education was the dominant factor in the development of the economy for the newly independent new republics. And one of the main conditions for the integration of the educational systems of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan into the international higher education zone was international cooperation with the European Union. The article presents the experience of cooperation between the European Union and the Central Asian countries in the field of education, on the example of the participation of the Central Asian region in the educational programs of the European Union (Tempus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Jean Monnet). The relevance of the research topic is determined by the role of higher education in bilateral cooperation between the European Union and the Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan). The purpose of the study is to reveal the peculiarities of the development of educational cooperation between the European Union and Central Asia, in the context of the implementation of EU educational programs in the region. The main conclusions of the study were the presented indicators of participation of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan in the EU educational programs, which had a significant impact on the reform of educational systems in the countries of the region and contributed to the further development of partnerships between EU universities and Central Asian countries.

Keywords: European Union, Central Asia, cooperation, higher education, Bologna process, Tempus, Erasmus Mundus, Erasmus+, Jean Monnet.

References

1. Bogatyreva, O.N. (2020). Realizatsiya yevropeyskikh obrazovatel'nykh programm v kontekste politiki Kazakhstana v sfere vysshego obrazovaniya (1995-2018). [Implementation of European educational programs in the context of Kazakhstan's policy in the field of higher education (1995-2018)]. *Nauchnyy dialog. [Scientific dialogue]*. 5. S. 376-392.
2. Bolonskiy protsess. Osnovnyye dokumenty. 12. Astaninskaya deklaratsiya. Tsentr Bolonskogo protsessa i akademicheskoy mobil'nosti MON RK. [Bologna Process. Basic documents. 12. Astana Declaration. Center for the Bologna Process and Academic Mobility of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved 19 February, 2021 from https://enic-kazakhstan.kz/ru/bologna_process/documents
3. V Astane proshlo vtoroye soveshchaniye ministrov obrazovaniya YES i Tsentral'noy Azii. [Astana hosted the second meeting of the EU and Central Asia Ministers of Education]. Informatsionnyy portal Zakon.KZ. (2017). Retrieved 19 February, 2021 from <https://www.zakon.kz/4865760-v-astane-proshlo-vtoroe-soveshhanie.html>
4. Dadabayeva, Z.A. (2011). Novaya yevropeyskaya politika v Tsentral'noy Azii. [New European Policy in Central Asia]. *Aktual'nyye problemy Yevropy. [Actual Problems of Europe]*. 3. S. 153-178.
5. Yevropeyskiy soyuz i Tsentral'naya Aziya: novoye partnerstvo v deystvii. [European

Union and Central Asia: a new partnership in action]. (2009). 73 s. Retrieved 19 February, 2021 from https://www.consilium.europa.eu/media/30829/ru-strategyasia_int.pdf

6. Mak Keyb, R., Ruffio, F., Tiberi, K. (2014). Osnovnyye dostizheniya programmy TEMPUS v stranakh Tsentral'noy Azii 1994-2013. [The main achievements of the TEMPUS program in the countries of Central Asia 1994-2013]. Ispolnitel'noye Agentstvo po obrazovaniyu, audiovizual'nym sredstvam i kul'ture. 58 s. Retrieved 16 February, 2021 from http://publications.europa.eu/resource/cellar/ac6ecbab-0775-4a79-96a4-576f19c53dbc.0001.03/DOC_2

7. Paramonov, V.V., Stokov, A.V., Abduganiva, Z.A. (2017). Vliyaniye Yevropeyskogo Soyuza na Tsentral'nuyu Aziyu: obzor, analiz i prognoz. [Impact of the European Union on Central Asia: Overview, Analysis and Forecast]. Almaty: Fond im. Fridrikha Eberta. 117 s.

8. Peyruz, S. (2019). Novyy vzglyad na sodeystviye YES obrazovatel'nomu sektoru v Tsentral'noy Azii. [A New Look at EU Assistance to the Education Sector in Central Asia]. Brifing EUCAM № 37, sentyabr'. 11 s. Retrieved 15 February, 2021 from <https://eucentralasia.eu/ru/2019/06/reconsidering-eu-education-assistance-to-central-asia-ru/>

9. Piter, D. (2010). Obrazovatel'naya initsiativa YES v Tsentral'noy Azii. [Education Initiative in Central Asia]. Rabochiy doklad. Europe-Central Asia Monitoring. 16 s. Retrieved 19 February, 2021 from <https://eucentralasia.eu/ru/2010/02/the-eu-central-asia-education-initiative-ru/>

10. Sadetskaya, A. (2011). Programma «Erazmus Mundus» kak instrument razvitiya. [Program "Erasmus Mundus" as a development tool]. *Baltiyskiy region*. [Baltic region]. 3. S. 108-112.

11. Soliyev, R.A. (2018). Sotrudnichestvo mezhdu Respublikoy Tadzhikistan i Yevropeyskim soyuzom v obrazovatel'noy sfere. [Cooperation between the Republic of Tajikistan and the European Union in the educational sphere]. *Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnyye nauki*. [Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences]. 2 (55). S. 60-67.

12. Sotrudnichestvo s Yevropeyskim soyuzom. [Cooperation with the European Union]. Ofitsial'nyy sayt MID RK. Retrieved 15 February, 2021 from <http://www.mfa.kz/ru/content-view/sotrudnichestvo-s-evropejskim-soyuzom>

13. Tsentral'no-Aziatskaya platforma obrazovaniya (TSAPO). [Central Asian Education Platform (CAEP)]. Retrieved 19 February, 2021 from <https://www.caep-project.org/ru/>

14. Erasmus Mundus Programme. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Retrieved 16 February, 2021 from https://eacea.ec.europa.eu/sites/2007-2013/erasmus-mundus-programme_en

15. EU-Central Asia academic cooperation through Erasmus+. Retrieved 18 February, 2021 from https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/erasmusplus2/files/centralasia-regional-erasmusplus-2019_en.pdf

16. From Erasmus Mundus to Erasmus+ Central Asia (May 2014). Erasmus Mundus Publications. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. Retrieved 18 February, 2021 from https://eacea.ec.europa.eu/node/2863_en

Об авторе

Шукушева Елена Викторовна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия), E-mail: sh_yelena82@mail.ru

Shukusheva Yelena Vicktorovna – postgraduate student of the department of the theory and history of international relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia), E-mail: sh_yelena82@mail.ru

УДК 82-392

Яненко Е.М., студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ХРИСТИАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ЛЕГЕНДАХ О КОРОЛЕ АРТУРЕ И РЫЦАРЯХ КРУГЛОГО СТОЛА

В статье рассматривается актуальная для современного исторического знания проблема культурного контакта на примере возникновения и развития сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Основной целью исследования является отражение понимания исторически важных образов и символов европейского общества сквозь субъективные представления, мысли и интенции человека эпохи средневековья. В качестве основного метода исследования применяется социокультурный подход, ориентированный на отношения людей времени, характеризующегося культурным многообразием. Христианство в артуровских сказаниях эпохи средневековья стало одним из элементов, который оказал значительное воздействие на их формирование и дальнейшее развитие. На это повлияла ранняя и мирная христианизация Британских островов, а также культурно-религиозный контакт кельтов-переселенцев с населением Арморика. В настоящей статье рассмотрены две ветви развития артурианы, христианские истоки легенды о Святом Граале, а также влияние христианской морали и гомилетики на сюжетнообразующие мотивы средневекового рыцарского романа. В ходе исследования прослеживается, какое влияние на развитие артуровского цикла, кроме древней кельто-валлийской традиции, оказала ранняя христианизация Британских островов и как совокупность этих факторов превратила артуриану в значимую культурную традицию европейской цивилизации.

Ключевые слова: кельты, христианство, Иосиф Аримафейский, религиозный контакт, король Артур, бретонская ветвь артурианы, Робер де Борон, Кретьен де Труа, Грааль, рыцарский роман.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-150-156

Проблема культурного контакта в истории является одной из актуальных тем современного исторического знания. Возникновение и развитие артуровского цикла дает возможность проследить становление одной из страниц исторической и культурной памяти Европы. Основной целью исследования является отражение понимания исторически важных образов и символов европейского общества сквозь субъективные представления, мысли и интенции человека эпохи средневековья. В рамках социокультурного подхода историк ориентируется на отношения людей времени, характеризующегося культурным многообразием. Такие взаимоотношения, к которым можно отнести межрелигиозный контакт, приводят к разным результатам в различных исторических реалиях.

Сказания о короле Артуре как значимый культурный феномен появляются на

Британских островах достаточно рано. Они базируются, прежде всего, на кельто-валлийской мифологии, но примерно с III века важную роль в их развитии начинают играть традиции раннего христианства. Советский и российский кельтолог С.В. Шкунаев пишет следующее: «В Ирландии имел место не разрыв, а сращивание, правда, очень своеобразное, двух традиций» [см. 2]. Часть кельтских элементов мироощущения даже в некоторой мере усилилась благодаря христианским трансформациям.

Ирландия и другие территории Британских островов узнали о христианстве очень рано, христианизация здесь проходила без насилия – необходимо учитывать эти факторы в рассмотрении культурологического аспекта развития артурианы.

Благодаря распространению традиций восточного христианства (Пале-

стина, Сирия, Египет), важными культурными центрами становились отдельные монастыри, так как города на Британских островах были весьма малочисленны. В творчестве бардов монашеского происхождения (филидов), состоящем преимущественно из кельто-валлийских сюжетов, находят свое место и веяния греко-латинской литературы. Ново-заветные сюжеты достаточно органично вплелись в кельтские сказания, однако при этом библейская составляющая не являлась ключевой и полностью определяющей [4, с. 25].

В апокрифических евангелиях (например, «Евангелия от Никодима» (гл.11:13-14)) и в канонических евангелиях («Евангелии от Иоанна» (Ин.19:37-42), «Евангелии от Матфея» (Мф.27:57-61), «Евангелии от Марка» (Мк.15:43-47)) упоминается Иосиф из Аримафеи. Согласно евангелиям, тело Христово было помещено в гробницу именно этим святым.

Иосиф Аримафейский, согласно легенде, явился первым хранителем Грааля, чаши, в которую была собрана кровь Спасителя. Прибывший на Британские острова из Святой Земли Иосиф основал здесь Гластонберийское аббатство (Логрия, современная Англия), которое считается местом его погребения. [3, с. 59]. Эти сказания были зафиксированы в Британии уже в VII веке и оказали сильное влияние на формирование и развитие легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

В V-VI вв. начинается колонизация Британских островов группами германских племен с континента. Кельтское население было вытеснено англосаксами на окраины Англии, в Уэльс, часть из них бежала на континент, осев в Арморике, где и до этого проживали кельты. Благодаря непрерывным контактам кельтов-валлийцев с населением Бретани, ряд сказаний был переведен на местные диалекты

французского языка, именно тогда происходит обогащение кельтской письменной традиции и именно тогда в нее включается мистико-религиозный христианский элемент. Тем не менее, кельтские сюжетно-образующие мотивы артурианы остаются в неприкосновенности.

Артуровский цикл с легкостью включает в себя новые сюжеты и эпизоды (например, сказания о Тристане и Изольде). В стихах норманнских труверов (французских поэтов и музыкантов XII-XIII вв.) Беруля (1160-1213) и Тома (вт. пол. XII в.) упоминается только Артур, а в более поздних прозаических вариантах легенды – мы видим и других привычных нам героев артурианы (Мерлина, Ланселота, Моргану и других) [4, с.57].

Существует две основных ветви артурианы – английская и бретонская. Английская ветвь артуровских сказаний развивалась на Британских островах (однако не без ряда элементов французского воздействия). Она развивалась в основном за счет устной традиции (лэ), в нее также можно включить отдельные эпизоды «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Позднее английский писатель Томас Мелори (1405-1471 гг.) составил полноценный свод артуровских легенд, который вошел в книгу «Смерть Артура».

Бретонская ветвь, сформировавшаяся на континенте, в Арморике, включила в себя «артуриану по Кретьену де Труа» (кон. XII в.) и «артуриану по Роберу де Борону» (нач. XIII в.). Бретонская ветвь, по сравнению с английской, на сегодняшний день изучена меньше. Большую работу в попытках систематизировать сказания бретонского цикла проделал французский историк Полен Парис (1800-1881 гг.) [3, с. 65].

Кретьен де Труа (XII в.) при изложении артуровских сказаний ориентировался, скорее, на политические амбиции молодой династии Плантагенетов, именно поэтому акцентировал внимание

на артуровских корнях куртуазно-героических сказаний. Христианские элементы здесь либо отсутствуют вообще, либо проскакивают вскользь. Актуализация религиозных начал в рыцарской литературе нашла своего выразителя в лице писателя рубежа XII–XIII вв. Робера де Борона. У него образ рыцаря непосредственно отражает страстного защитника веры и её подвижника. В этом же цикле предприняты первые шаги по формированию последовательного и связного сюжета артуровских сказаний. Основная линия повествования отражает мистико-религиозную сторону идейного содержания. В других произведениях де Борона достаточно популярным героем является также Иосиф Аримафейский («Роман об Иосифе Аримафейском») и мифы о ранней христианизации Британских островов [3, с. 61]. Одним из центральных мотивов героев становится поиск святой чаши Грааль, о символизме которого мы скажем несколько позже.

Кельтская мифология – это сложное культурное явление, ведь в ней нашли свое отражение сказания пиктов, скандинавов, ирландские саги и др. Христианство стало очередным, но весьма важным элементом. Ряд конкретных примеров особенностей религиозного контакта и взаимосвязи кельтской и христианской традиций в рамках сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола представлен в следующих эпизодах.

При изъятии будущим королем Эскалибура (волшебного меча Артура) из камня присутствует маг Мерлин и христианский архиепископ, благословляющий нового короля на долгое царствование, а также принимающий тронную клятву Артура [2].

Остановимся на одном из важнейших христианских элементов артурианы – овеянной множеством загадок чаше Грааль. Легенда о Святом Граале и ее происхождение отражают в себе постепенное

вкрапление христианства в культуру рыцарского романа, в том числе – в артуровский цикл.

Есть веские основания полагать, что в образе Святого Грааля объединились два важных символа, один из которых был заимствован из христианской традиции, а второй – из кельто-валлийской. Речь идет о соединении образов волшебного котла кельтов и новозаветной чаши Иисуса Христа.

Котёл играл заметную роль в кельтской религиозной традиции. Он представлял собой символ единения кельтов с богами, а также обладал сакральным значением единства самих кельто-валлийских племен. В многочисленных ирландских сагах упоминаются магические котлы с различными «функциями»: например, котёл Брана Благословенного, который воскрешал мёртвых; «котёл изобилия» бога Дагды; целебные котлы и др. [9, с.246].

Относительно этимологии слова «Грааль» сложилось немало точек зрения. Например, в латинском варианте его трактуют как «большое блюдо» (*gradalis*, *gradale*), в ирландском – как магический сундук (*croil*). Робер де Борон в «Романе о Граале» предлагает весьма вольную интерпретацию – «се *quiagrée*» (все, кто доволен), ведь чаша доставляла радость каждому, кому посчастливилось ее лицезреть. На сегодняшний день самым популярным толкованием значения «Грааля» является «истинная кровь» (*sangreal*) – многие авторы пишут словосочетание «Святой Грааль» слитно (*Sangreal*, *Sankgreal*) [9, с. 253].

Нельзя сказать с уверенностью, когда именно тема священной чаши вплетается в артуриану. Например, в конце XII века в романе известного французского поэта Кретьена де Труа «Персеваль» (ок. 1185 г.) этот образ уже фигурирует в сюжете, но раскрывается достаточно смутно. Обратимся к конкретному фрагменту рассматриваемого романа [1, с. 73]:

Затем настал черед грааля:
В руках девица в зал внесла.
Когда вошла, по всей палате
Распространился свет тотчас,
Он от грааля шел, лучась.

У Кретьена де Труа Грааль упоминается, но не является центральным образом сюжета, семантика этого символа у него даже не раскрывается. Литературный образ Чаши наиболее ярко представлен в творчестве Робера де Борона. Его перу принадлежит три удивительных рыцарских романа, связанных между собой сюжетно и отражающих преемственность кельтского мифа с христианской традицией. Первым из них является небезызвестный «Роман о Граале» [9, с. 249].

К началу XIII века тема поисков Грааля, который является олицетворением благодати, набирает большую популярность и находит яркое отражение в работах Робера де Борона. В «Романе о Граале» нет четкого описания внешнего вида чаши, тем не менее, мы можем понять свойства «сосуда добра и красоты» [6, с. 140]:

Кто знает о сосуде, тот
Его Граалем назовет.
Однако, — был ответ Петров, —
Положен на Грааль покров,
И людям чаша та незрима,
Проходят, не заметив, мимо.

Начиная с XIII века, образ Святого Грааля, отраженный в творчестве Робера де Борона, становится каноническим для последующих рыцарских романов. Хотя до сих пор точно неизвестно, кто первым обратился к образу священной чаши — Кретьен или де Боро́н [3, с. 62].

Рассмотрим вопрос о том, насколько велик христианский элемент в сказании о Граале. На этот счет в исторической науке сложилось несколько точек зрения. Например, французский медиевист Марио Рокес (1875-1961) считает единственной основой мифа христианскую. Он утверждает, что представленный нами выше фрагмент из «Романа о Святом Гра-

але» символически воспроизводит таинство причащения. Согласно позиции французского историка Жана Маркса (1884-1972), у артурианы кельто-валлийские корни, однако влияние христианства не менее существенно [см. 4, с. 49].

Большую популярность тема поисков Святого Грааля набирает и во времена Крестовых походов. Артуровский миф прочно закрепляется не только в рамках жанра рыцарского романа, но и в мировоззрении человека эпохи Средневековья.

Органичное сплетение образов волшебного котла кельтов и чаши, из которой Христос ел и пил во время Тайной Вечери, символически отражает слияние двух культур [9, с. 246]. Это еще раз подчеркивает тот особый культурно-религиозный синкретизм кельтского язычества и христианства, который находит свое выражение и в других элементах артуровского цикла.

В последующих образцах артуровских сказаний идею преемственности христианских и языческих традиций можно рассматривать на примере рыцарского романа «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (XIV в.).

Авторство поэмы определено неточно, однако существует точка зрения, что им является некто, именуемый «жемчужным поэтом» (*Pearl Poet*). Как считается, он же написал такие христианские элегические поэмы, как «Жемчужина», «Терпение» и «Чистота». В романе «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь» христианская гомилетика (теория и практика проповеди) является скрытым элементом, в отличие, например, от ранее упомянутых произведений этого автора. Наряду с католической гомилетикой в произведении присутствует гендерная составляющая мифа. Так, все женщины в романе воплощают собой силы зла, а мужчины — силы добра. Первые являются олицетворением язычества, а вторые — христианства [8, с. 358-359].

Основная сюжетная линия поэмы повествует о том, как леди Бертилак по указанию колдуньи Морганы пытается соблазнить сэра Гавейна. Герой же, формально одержавший победу, остается побежденным леди Бертилак морально [7, с. 147-151]. Концовка показывает внимательному читателю, как важна внутренняя борьба героя, а не формальная внешняя победа. Сэр Гавейн приходит к осознанию того, как трудно повергнуть собственное суеверие. Лишь после этого он принимает христианское покаяние [8, с. 362]. Также показано, что религиозные смыслы поэмы тесно связаны с гендерными.

Особый интерес представляют отношения Феи Морганы и Короля Артура: первая в большинстве произведений артурианы выступает в качестве метафоричного отображения колдовства и древнекельтского язычества; Артур же, наоборот, олицетворяет христианство [7].

Король и фея – некое литературное символическое единство, что доказывает Джон Берроу (1935-2009) [см. 8, с.360]. Напомним, что Моргана приходится Артуру сводной сестрой и, по мнению того же Берроу, является чем-то вроде альтер-эго Короля. Это доказывает наличие множества сцен, в которых оба этих персонажа в открытую враждуют, но при этом не желают друг другу смерти. В частности, у Томаса Мэлори в «Смерти Артура» (XV в.) Король часто помогает Моргане уйти от наказания, избежать предполагаемой казни [5, с. 170, 172 и др.].

Подобная взаимосвязь героев поэмы, которую К.С. Шаров (1952-2018)

называет «любовью-в-ненависти» [8, с. 360] аллегорически представляет нам наглядную картину взаимодействия христианства и кельтской культуры на территории Британских островов в рассматриваемый период. Так, языческие кельтские представления о мироздании в теории противоречат некоторым догматам христианства, а на практике образуют аутентичную синкретическую картину мира, которая и нашла свое яркое отражение в сказаниях артуровского цикла. Широко распространенные языческие суеверия переплетались в среде простого народа с христианскими традициями. Даже в годы Столетней войны (1337-1453) подобное наблюдалось повсеместно [8, с. 361].

Таким образом, одним из ключевых христианских элементов-символов стала чаша Грааль. В развитии легенд сыграла свою роль христианская гомилетика и основные ценности христианской морали (добро, сострадание, милосердие и др.). Подверженность внешнему влиянию позволила сформировать внутри артурианы аутентичный синкретизм кельтских и христианских традиций.

Артуровский цикл представляет собой не простую совокупность, а сложную систему разнородных сказаний и легенд. На его развитие, кроме древней кельто-валлийской мифологии, большое влияние оказала, прежде всего, ранняя христианизация Британских островов. Все это превратило артуриану в значимую культурную традицию европейской цивилизации.

Список литературы

1. Кретъен де Труа. Персеваль, или повесть о Граале; пер. со старофр. Н.В. Забуровой и А.Н. Триандафилиди. – Москва : CommonPlace, 2014. – 408 с.
2. Ладыгина О.М. Культура мифа. – Москва : «Полярная звезда», 2000. – 56 с. (Библиотека журнала «Образование в современной школе». Серия «Культурология», Вып. 2).
3. Мальский И.С. Бретонская ветвь романов Круглого Стола и ее связь с христианской апокрифической литературой // VoxMelliiAevi. 2015. №1 (12). С. 58-83. [Электронный журнал]. URL: <http://voxmediiAevi.com/volumens/vox-medii-aevi-1-12-2015/>

(дата обращения: 22.02.2021)

4. Михайлов А.Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы / Рос. академия наук; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 264 с.

5. Мэлори Т. Смерть Артура; пер. с англ., примеч., указ. имен И. Бернштейн; предисл. Л. Сумм. – Москва : Эксмо, 2007. – 688 с. (Библиотека Всемирной Литературы).

6. Робер де Борон. Роман о Граале; в пер. с фр. Е. Кассировой. – Санкт-Петербург : Евразия, 2005. – 221 с. : ил.

7. Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм] / пер. со среднеангл. Н. Резниковой и В. Тихомирова; [Под ред. О.А. Смирницкой]. – Москва : Аграф, 2006. – 320 с.

8. Шаров К.С. Христианская проповедь как сюжетобразующий мотив средневековой рыцарской поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» // Новый филологический вестник. 2019. №4 (51). С. 356-371.

9. Эрлихман В.В. Король Артур / Вадим Эрлихман. Москва : Молодая гвардия, 2009. 319 [1] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1195).

IMPACT OF CHRISTIANITY ON DEVELOPMENT OF KING ARTHUR LEGENDS IN THE KNIGHT LITERATURE OF MIDDLE AGES

The article deals with the actual problem of cultural contact for modern historical knowledge on the example of the origin and development of the legends about King Arthur and the Knights of the Round Table. The main purpose of the research is to reflect the understanding of historically important images and symbols of European society through the subjective ideas, thoughts and intentions of a person of the Middle Ages. The main method of research is the socio-cultural approach, focused on the relations of people of the time, characterized by cultural diversity. Christianity in the Arthurian legends of the Middle Ages was one of the elements that had a significant impact on their formation and further development. This was influenced by the early and peaceful Christianization of the British Isles, as well as the cultural and religious contact of the Celtic settlers with the population of Armorica. This article examines two branches of the development of Arthurianism, the Christian origins of the legend of the Holy Grail, as well as the influence of Christian morality and homiletics on the plot-forming motifs of the medieval chivalric novel. In the course of the study, it is traced what influence on the development of the Arthurian cycle, in addition to the ancient Celto-Welsh tradition, was exerted by the early Christianization of the British Isles and how the combination of these factors turned Arthurian into a significant cultural tradition of European civilization.

Keywords: Celts, Christianity, Joseph of Arimathea, religious contact, King Arthur, the Breton branch of the Arthurians, Robert de Boron, Chretien de Troyes, the Grail, chivalrous romance.

References

1. Kret'en de Trua. Perseval', ili povest' o Graale [Perceval, or the Tale of the Grail]; per. so starofr. N.V. Zababurovoj i A.N. Triandafilidi. – Moskva : CommonPlace, 2014. – 408 s.

2. Ladygina O.M. Kul'tura mifa [Culture of Myth]. – Moskva : «Polyarnaya zvezda», 2000. – 56 s. (Biblioteka zhurnala «Obrazovanie v sovremennoj shkole». Seriya «Kul'turologiya», Vyp. 2).

3. Mal'skij I.S. Bretonskaya vetv' romanov Kruglogo Stola i ee svyaz' s hristianskoj apokrificheskoj literaturoj [The Breton branch of the Round Table Novels and its relation to Christian Apocryphal literature] // VoxMeliiAevi. 2015. №1 (12). С. 58-83. [Elektronnyj zhurnal]. URL: <http://voxmediaeви.com/volumens/vox-medii-aevi-1-12-2015/> (data obrashcheniya: 22.02.2021)

4. Mihajlov A.D. Srednevekovye legendy i zapadnoevropejskie literatury [Medieval legends and Western European literature]. / Ros. akademiya nauk; In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. – 264 s.

5. Melori T. Smert' Artura [Arthur's Death]; per. s angl., primech., ukaz. imen I. Bernshtejn; predisl. L. Summ. – Moskva : Eksmo, 2007. – 688 s. (Biblioteka Vsemirnoj Literatury).

6. Rober de Boron. Roman o Graale [A Novel about the Grail]; v per. s fr. E. Kassirovoj. – Sankt-Peterburg : Evraziya, 2005. – 221 s. : il.

7. Ser Gavejn i Zelenyj rycar' [Sir Gawain and the Green Knight]: [sb. srednevekovyh angl. poem] / per. so sredneangl. N. Reznikovej i V. Tihomirova; [Pod red. O.A. Smirnickoj]. – Moskva : Agraf, 2006. – 320 s.

8. Sharov K.S. Hristianskaya propoved' kak syuzhetoobrazuyushchij motiv srednevekovoj rycarskoj poemy «Ser Gavejn i Zelenyj rycar'» [Christian sermon as a plot-forming motif of the medieval Chivalric poem «Sir Gawain and the Green Knight»] // Novyj filologicheskiy vestnik. 2019. №4 (51). S. 356-371.

9. Erlihman V.V. Korol' Artur [King Arthur] / Vadim Erlihman. Moskva : Molodaya gvardiya, 2009. 319 [1] s.: il. (ZHizn' zamechatel'nyh lyudej: ser. biogr.; vyp. 1195).

Об авторах

Яненко Екатерина Михайловна – студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Золотов Всеволод Иванович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: viz.volic@yandex.ru

Yanenko Ekaterina Mikhailovna – student, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky» (Russia), e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Zolotov Vsevolod Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky» (Russia), e-mail: viz.volic@yandex.ru

УДК 94(47).084

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

**ЛАННИК Л.В. ПОСЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ 1918 Г. – СПБ.: ЕВРАЗИЯ, 2020. – 528 С.**

В рецензии представлен анализ монографии Л.В. Ланника, посвященной истории германской оккупации территории бывшей Российской империи. В ней анализируются особенности германской политики, столкновение интересов участников блока Центральных держав по ее проведению. Исследование Л.В. Ланника сопоставляется с тенденциями современной отечественной историографии Гражданской войны и революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германская империя, Брестская система, германские военные элиты, германская оккупация.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-157-160

Прошедшее не так давно чествование 100-летие Великой войны, протоколно сопровождаемое выпуском книг и проведением конференций, привлечшее внимание к этому великому событию, как-то быстро сменилось тишиной, смиренно отославшей в прошлое память о Великой войне. В отличие от ежегодных празднований одной мировой войны, другой мировой войне придется скорее ждать следующего века, чтобы о ней заговорили вновь. Причины такого равнодушия или столетнего обострения кроются в 1918 г., когда происходило становление самопровозглашенных республик на территории разрушенной Российской империи.

Монография к.и.н. Л.В. Ланника, известного специалиста по истории кайзеровской армии в годы Великой войны, посвящена малоисследованной теме, находящейся на стыке, принятой в РФ классификации отечественной и всеобщей истории, затрагивающей тему окончания война на Восточном фронте в 1918 г. Акцент в данном исследовании сделан на изучение германского фактора в военных и политических событиях, происходивших на территории бывшей империи, связанных со стремлением к обретению власти как со стороны националистических, так и партийных сил,

что было объективно невозможно, с одной стороны, без согласования, с другой стороны, противодействия германских оккупационных властей. Следует оговориться, что историки, занимающиеся «русской историей», преспокойно погружили 1918 год в события Гражданской войны, стараясь растворить его в столкновениях новой войны, в которой германские войска как бы не существовали вовсе. При этом германские войска никуда не исчезали, и их влияние и активность действий не ослабевали.

Доказательная база исследования Л.В. Ланника опирается на германские и российские архивы, масштабную германскую литературу и отечественные исследования. Автор ревизионистски подходит к базовому постулату советско-российской историографии Гражданской войны. Он утверждает, что «однако признать, что мира, сколь угодно плохого, большевистское руководство добиться так и не смогло, советская пропаганда не имела возможности ни 100 лет назад, ни впоследствии. Поэтому до сих пор в РФ при игнорировании любых неудобных фактов господствует всеобщее, унаследованное со времен СССР и ошибочное утверждение, что Россия вышла из Великой войны в начале 1918 г.» [1, с.5]. Указывая на обратное, автор предлагает рассматривать

ситуацию вокруг Брестской системы как многоуровневый конфликт, поскольку «тотальный военный конфликт существенно изменил форму и структуру, превратившись в как минимум трехуровневую войну с переменчивой региональной спецификой» [1, с.5]. Это позволяет исследователю утверждать, что война на Восточном фронте не завершилась с подписанием 3 марта 1918 г. (второго) Брестского мира, а приобрела иные формы. Он ярко иллюстрирует это образным сравнением о том, что «по крайней мере, говорить об окончании войны осколков Российской империи с Центральными державами после подписания Брестского мира можно примерно с тем же основанием, как утверждать, что война с Третьим рейхом окончилась для Польши после 2 октября 1939 г.» [1, с.7].

При характеристике исторической ситуации 1918 г. Л.В. Ланник использует понятие Брестская система, которое достаточно редко фигурирует как в отечественной, так и в германской исторической литературе. Он справедливо утверждает о том, что сложную структуру Брестской системы неоправданно сводить только к германо-большевистским отношениям, так как она была значительно шире, и что наиболее важно, значительно сложнее двухсторонних отношений. Отсюда автор заявляет о необходимости системного подхода к анализу Брестской системы, который бы учитывал всех акторов данного процесса, так как для Германской империи вопрос политической гегемонии не был снят с повестки дня также как и поражение в войне не было окончательно предопределено весной-летом 1918 г. Вместе с тем, исследование посвящено реконструкции событий Первой оккупации Германией территории бывшей Российской империи с точки зрения деятельности германских военных элит.

Постановка исследовательской задачи предопределило и группировку материала, основанную на географическом

принципе, который, по мнению автора, позволит более четко представить особенность германской политики. Создаваемое в силу этого представление об очерковом характере исследования, посвященной каждой отдельной части и не связанной между собой, является совершенно ошибочным, так как логика развития событий, национальные участники, включившиеся в них, где-то активно, где-то пассивно, тактическое и стратегическое значение регионов, реальные возможности реализации германского господства предопределяли разный характер германской политики, который лучше всего может быть понят именно на основе географического принципа. Л.В. Ланник аргументировано доказывает, что логика событий весны-осени 1918 г. требовала от Германии сохранения значительного военного присутствия на Восточном фронте, несмотря на достигнутый «мир», удовлетворявший германские интересы. Созданная Германией Брестская система может рассматриваться в качестве модели континентальной системы международных отношений, которая бы оформилась в случае победы Кайзеррейха в войне. Утверждение автора об отсутствии коалиционной стратегии между творцами Брестской системы, на наш взгляд, и предопределило рыхлость политики на востоке Европы. При этом появление национальных участников, которые стали требовать своего куска политического пирога, достигнутого германскими победами, заставило германские военные элиты перейти от состояния победоносного мира к ожиданию вооруженных обострений на подконтрольных территориях.

Существенным достоинством книги детальное описание германской политики на пространствах бывшей Российской империи, с подчеркиванием ее особенностей в том или ином регионе. В исследовании с определенной детализацией показаны не только конфликты компетенций,

возникающие между военными и политическими ведомствами, но противоречия Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции по приоритетным для них регионам, а также стремление германского военного руководства, в первую очередь Людендорфа, навязать союзникам германское видение, которое должно было составить основу внутрисоюзнических отношений. Рассмотрение этих отношений показывает динамику германской политики, направленной на захват стратегически важных городов и богатых материальными ресурсами регионов.

Л.В. Ланник, анализируя германскую политику на востоке Европы в 1918 г., уделяет пристальное внимание и формированию национальных государств на развалинах Российской империи, самопровозглашение которых было немыслимо без одобрения Германской империей. В условиях современного формирования национальных историй на территории постсоветского пространства, в политическом и внешнеполитическом значении слова, рассмотрение первого опыта провозглашения указывает на несамостоятельность данных действий, их зависимость от германской политики. Убедительное исследование взаимосвязи между акторами, проведенное автором, позволяет утверждать о важности германского фактора в данном вопросе.

Итоговый вывод автора достаточно справедлив. «Важнейшим фактором, воздействующим на оккупационную поли-

тику Германии и, под ее влиянием, Центральных держав в целом, являлось стремление как можно скорее создать функционирующую, *целостную*, взаимовыгодную систему связей между Центральной и Восточной Европой <...> Брестский мир целостного процесса развития западных окраин бывшей Российской империи обеспечить не мог. <...> Для постепенной стабилизации Брестской системы обоим главным ее акторам требовались время и политическая воля. Не хватало и того, и другого, но именно время стало главным лимитирующим фактором»[1, с. 462]. Нежизнеспособность Брестской системы была определена изначально. Людендорф стремился к сохранению важности двух фронтов и слишком поздно пришел к осознанию необходимости приоритетного выбора.

В конечном счете, следует оценить монографию Л.В. Ланника как существенный прорыв в изучении оккупационной политики Центральных держав на территории бывшей Российской империи, требующего дальнейшего изучения, прежде всего, в плоскости германо-большевистских отношений в 1918 г. Системный характер исследования позволил в полной мере рассмотреть научно значимую проблему и прийти к обоснованным выводам, что является достоинством автора. Отход от лифтового взгляда на вопрос с точки зрения одной из сторон в сторону комплексного подхода анализа действий всех участников является единственным историческим способом изучения проблемы.

Список литературы

1. Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. – СПб.: Евразия, 2020.

LANNIK L.V. AFTER THE RUSSIAN EMPIRE. GERMAN OCCUPATION 1918 - ST. PETERSBURG: EURASIA, 2020. – 528 P.

The review presents an analysis of the monograph by L.V. Lannik dedicated to the history of the German occupation of the territory of the former Russian Empire. It analyzes the features of German policy, the clash of interests of the members of the bloc of the Central Powers in its implementation. Research by L.V. Lannika

is compared with the trends of modern Russian historiography of the Civil War and Revolution.

Keywords: World War I, German Empire, Brest system, German military elites, German occupation.

1. Lannik L.V. After the Russian Empire. German occupation 1918 - St. Petersburg: Eurasia, 2020.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли **07.00.00 – исторические науки и археология**.

Научные специальности: **07.00.02 - Отечественная история; 07.00.03 - Всеобщая история; 07.00.06 - Археология; 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

Требования к структуре статей (см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы **не допускаются**. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравнением по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

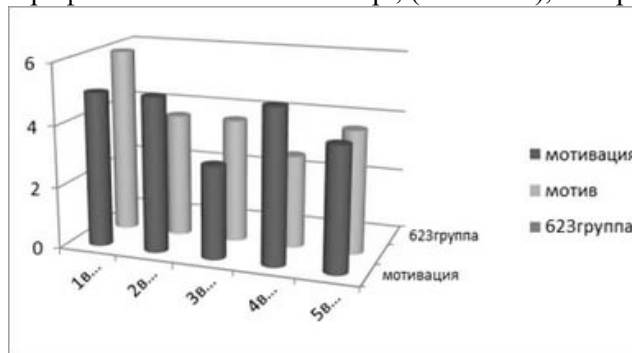

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (48) 2021

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.06.2021.

Дата выхода журнала в свет: 28.06.2021.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 20,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+